

ISSN 1819-7426

Проблемы Правоохранительной Деятельности

Международный научно-теоретический журнал

**2025
№ 4**

Белгород

Проблемы правоохранительной деятельности. 2025. № 4.

Учредитель и издатель: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Регистрационный номер: серия ПИ № ФС77-80717 от 9 апреля 2021 года.

Главный редактор – Александров А.Н., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Заместитель главного редактора – Дизер О.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Белгород)

Редакционная коллегия:

Ананич В.А., доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор (Беларусь, Минск)
Бельский А.И., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Болотин А.Э., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Бучакова М.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)
Вольнский А.Ф., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Головко В.В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)
Горелов А.А., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Республика Саха (Якутия))
Готчина Л.В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Дежнев А.С., доктор юридических наук, доцент (Россия, Омск)
Дементьев В.Л., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Москва)
Десятов М.С., доктор юридических наук, доцент (Россия, Омск)
Дугенец А.С., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Залужный А.Г., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Ирхин В.Н., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Белгород)
Карагодин А.В., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Катаева О.В., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Клименко Б.А., кандидат педагогических наук, доцент (Россия, Белгород)
Кожевников О.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Колмаков П.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Сыктывкар)
Комаров И.М., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Кондаков В.Л., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Белгород)
Кравцова Е.А., доктор юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Лазарева Л.В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Луговик В.Ф., доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)
Максименко А.В., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Махина С.Н., доктор юридических наук, профессор (Россия, Воронеж)
Муханов Ю.В., кандидат педагогических наук, доцент (Россия, Белгород)
Никуленко А.В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Новикова Е.А., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Сабинова И.А., доктор педагогических наук, доцент (Россия, Воронеж)
Самсонов В.Н., доктор юридических наук, профессор (Россия, Белгород)
Тепляшин П.В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Красноярск)
Третьяков А.А., кандидат педагогических наук, доцент (Россия, Белгород)
Ухов В.Ю., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Цуканов Н.Н., доктор юридических наук, доцент (Россия, Красноярск)
Чиненов Е.В., кандидат экономических наук, доцент (Россия, Белгород)
Шевелева С.В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Курск)
Шумилин С.Ф., доктор юридических наук, доцент (Россия, Белгород)

Редакция оставляет за собой право в случае необходимости редактировать, сокращать объем статей и принимать решение о включении их в журнал. Научные материалы, оформленные с нарушением требований или поступившие после контрольного срока, могут быть опубликованы в последующих номерах журнала.

Ответственность за достоверность фактов несут авторы статей.

Научные публикации, включенные в журнал, представляют точку зрения автора на актуальные проблемы правоохранительной и нормотворческой деятельности, которая не всегда совпадает с мнением редакционной коллегии журнала.

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку.

Заведующий редакцией: Шульженко Н.И.

Редактор: Олейникова Е.А.

Дизайн и компьютерная верстка: Зиновьева И.И.

Сдано в набор 19.12.2025

Подписано к печати 24.12.2025

Дата выхода в свет 30.12.2025

Формат 60x84/8

Объем 14,6 усл. печ. л.

Набор компьютерный. Бумага офисная.

Печать цифровая. Заказ № 85

Цена: бесплатно. Тираж: 43

16+

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной печати Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 308024, Россия, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Горького, 71.

Адрес редакции, издателя, типографии: 308024, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Горького, 71.

Контактный телефон: (4722) 55-71-35, факс: (4722) 55-53-31, e-mail: ppd.belui@mvd.ru; rio.belui@mvd.ru

© Проблемы правоохранительной деятельности, 2025

© Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2025

Problems of Law Enforcement Activity. 2025. № 4.

The founder: Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia
The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology,
and Mass Media (Roskomnadzor).

Registration number: Series PI № FS77-80717 of April 9, 2021.

Editor-in-Chief – Alexey N. Alexandrov, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Oleg A. Dizer, Doctor of Law, Professor (Belgorod, Russia)

The Editorial Staff:

V.A. Ananich, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law, Professor (Minsk, Belarus)
A.I. Belskiy, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
A.E. Bolotin, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia)
M.A. Buchakova, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
A.F. Volynsky, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
V.V. Golovko, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
A.A. Gorelov, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Republic of Sakha (Yakutia))
L.V. Gotchina, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)
A.S. Dezhnev, Doctor of Law, Associate Professor (Omsk, Russia)
V.L. Dementiev, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Moscow, Russia)
M.S. Desyatov, Doctor of Law, Associate Professor (Omsk, Russia)
A.S. Dugenets, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
A.G. Zaluzhny, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
V.N. Irkhin, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Belgorod, Russia)
A.V. Karagodin, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
O.V. Kataeva, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
B.A. Klimenko, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Belgorod, Russia)
O.A. Kozhevnikov, Doctor of Law, Professor (Ekaterinburg, Russia)
P.A. Kolmakov, Doctor of Law, Professor (Syktyvkar, Russia)
I.M. Komarov, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
V.L. Kondakov, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Belgorod, Russia)
E.A. Kravtsova, Doctor of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
L.V. Lazareva, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
V.F. Lugovik, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
A.V. Maximenko, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
S.N. Makhina, Doctor of Law, Professor (Voronezh, Russia)
Yu.V. Mukhanov, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Belgorod, Russia)
A.V. Nikulenko, Doctor of Law, Associate Professor (St. Petersburg, Russia)
E.A. Novikova, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
I.A. Sabirova, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Voronezh, Russia)
V.N. Samsonov, Doctor of Law, Professor (Belgorod, Russia)
P.V. Teplyashin, Doctor of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk, Russia)
A.A. Tretyakov, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor (Belgorod, Russia)
V.Yu. Ukhov, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)
N.N. Tsukanov, Doctor of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk, Russia)
E.V. Chinenov, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor (Belgorod, Russia)
S.V. Sheveleva, Doctor of Law, Professor (Kursk, Russia)
S.F. Shumilin, Doctor of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)

In the case of necessity the Editorial Board reserves the right to edit, reduce the volume of the articles and make the decision on including them in the Journal. The research papers drawn with breaches of the requirement or arriving after the deadline can be published in the next issues of the Journal.

The authors of the articles are responsible for the reliability of facts.

The research papers included in the Journal represent the author's point of view on actual problems of law enforcement and legal regulations making activity. The standpoint does not always coincide with the opinion of the Editorial Staff of the Journal.

The Editorial Staff studies the letters of readers without corresponding with them.

Head of the Editorial Staff: Natalia I. Shulzhenko

Editor: Elena A. Oleynikova

Design and computer make-up: Irina I. Zinovieva

It is handed over in a set 19.12.2025

It is passed for the press 24.12.2025

Date of publishing 30.12.2025

Format 60x84/8

Volume 14,6 printer's sheets

Typing. Office paper.

Digital printing. Order № 85

Price: free of charge. Printed copies: 43

16+

It is printed in the Polygraphic and Operative Press Department of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia.
71, Gorkiy Street, Belgorod, Belgorod region, Russia, 308024.

The address of the publisher and edition: 71, Gorkiy Street, Belgorod region, Belgorod, Russia, 308024.

Contact phone: (4722) 55-71-35, fax: (4722) 55-53-31, e-mail: ppd.belui@mvd.ru; rio.belui@mvd.ru

© Problems of Law Enforcement Activity, 2025

© Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, 2025

Содержание

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

БУЧАКОВА М.А., ДИЗЕР О.А. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ОКАЗАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ В СФЕРЕ МИГРАЦИИ	6
РИМСКИЙ А.В., ЯЛОВЕНКО Т.В. ВЛИЯНИЕ МАССМЕДИА НА ФОРМИРОВАНИЕ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ	12
ИЛЬИН И.С., РЯЗАНОВА Е.Н. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРИПТОВАЛЮТЫ В ЦЕЛЯХ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ	19
ГЛУШКОВ Е.А., ОЗЕРОВ И.Н. РАСКРЫТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С БАНКРОТСТВОМ ПРЕДПРИЯТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ	26
ЖАНДРОВ В.Ю. МЕТОДЫ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ТРАНСФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ	31
СТЕПКИН Р.М., ХАЙРУСОВ Д.С. РЕФОРМИРОВАНИЕ МИГРАЦИОННОЙ СЛУЖБЫ МВД РОССИИ: НОВЫЕ ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ	41
ШАПОШНИКОВ В.А. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ ОТ ИНФОРМАЦИИ, ПРИЧИНЯЮЩЕЙ ВРЕД ИХ РАЗВИТИЮ	48
ВОЛОСЕВИЧ И.Н. ЦИФРОВАЯ И ТЕХНОТРОННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ	55

СИМОНОВ А.Н.

КОНСПИРАТИВНОСТЬ, КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ, ТАЙНОСТЬ, СЕКРЕТНОСТЬ И НЕГЛАСНОСТЬ В ТЕОРИИ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СИНОНИМЫ ИЛИ АСПЕКТОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАКТОВКА СКРЫТОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ..... 63

БЕЛИЧЕНКО Р.В., БАРИНОВА Е.Д.

ПРИНЦИП ЭКОНОМИИ МЕР УГОЛОВНОЙ РЕПРЕССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ..... 70

СЕЛЕЗНЕВА О.В.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ИСТЦА КАК УЧАСТНИК СО СТОРОНЫ ОБВИНЕНИЯ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ 75

БЕЗОПАСНОСТЬ НА ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТА

ЩУКИН В.И.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ 81

ЗИНЧЕНКО Д.С., ПРИЕТО А.Р.

ОБНАРУЖЕНИЕ (ДЕТЕКТИРОВАНИЕ) БЕСПИЛОТНЫХ ВОЗДУШНЫХ СУДОВ В УСЛОВИЯХ «БЕСПИЛОТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»: ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ И ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ 86

НЕПРЕРЫВНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

КВАСОВА О.А., ДВОРНИЧЕНКО А.М.

ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННОЕ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ, ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ РЕАЛИЗАЦИИ..... 94

ГОРЕЛКИН С.И., КРУПЕННИКОВА К.К.

РАЗВИТИЕ АДАПТИВНОГО СПОРТА И ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ98

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

МАЙОРОВ В.И.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ104

СЕЛИН Б.Н., АРХИПЦЕВ И.Н.

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ЖЕРТВ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В СТРАНАХ БРИКС: ФЕДЕРАТИВНАЯ РЕСПУБЛИКА БРАЗИЛИЯ.....112

РЕЦЕНЗИИ

КАРАГОДИН А.В., ДУДАЕВ А.Б.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ122

Contents

THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS OF LAW ENFORCEMENT

BUCHAKOVA M.A., DIZER O.A. LEGAL REGULATION AND SPECIFICS OF THE PUBLIC SERVICE DELIVERY IN THE FIELD OF MIGRATION	6
RIMSKIY A.V., YALOVENKO T.V. THE INFLUENCE OF MASS MEDIA ON THE FORMATION OF EXTREMIST IDEOLOGY AMONG YOUTH	12
ILYIN I.S., RYAZANOVA E.N. THE CRYPTOCURRENCY USE TO LEGALIZE FUNDS OBTAINED BY CRIMINAL MEANS	19
GLUSHKOV E.L., OZEROV I.N. SOLVING CRIMES RELATED TO THE BANKRUPTCY OF ENTERPRISES AND ORGANIZATIONS	26
ZHANDROV V.YU. METHODS OF LAW ENFORCEMENT INTELLIGENCE OPERATIONS: THEORETICAL BASIS OF TRANSFORMATION IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION	31
STEPKIN R.M., KHAIRUSOV D.S. REFORMING THE MIGRATION SERVICE OF THE RUSSIAN INTERIOR MINISTRY: NEW DEVELOPMENT VECTORS	41
SHAPOSHNIKOV V.L. STATE POLICY FOR PROTECTING CHILDREN FROM INFORMATION HARMFUL TO THEIR DEVELOPMENT	48
VOLOSEVICH I.N. DIGITAL AND TECHNETRONIC CRIME AS A THREAT TO RUSSIA'S NATIONAL SECURITY IN THE ECONOMIC SPHERE	55

SIMONOV A.N.
**CONSPIRACY, CONFIDENTIALITY, SECRECY, PRIVACY AND NON-PUBLICITY
IN THE THEORY OF OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES: SYNONYMS
OR ASPECTOLOGICAL INTERPRETATION OF COVERT ACTIVITIES 63**

BELICHENKO R.V., BARINOVA E.D.
**THE PRINCIPLE OF ECONOMY OF MEASURES OF CRIMINAL REPRESSION:
THEORETICAL FRAMEWORK 70**

SELEZNEVA O.V.
**THE REPRESENTATIVE OF THE CIVIL PLAINTIFF AS A PARTICIPANT
ON THE PROSECUTION SIDE: CONTINUITY OF LEGAL REGULATION..... 75**

SAFETY AT TRANSPORT FACILITIES

SHCHUKIN V.I.
**FORENSIC SUPPORT FOR THE INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED IN RAILWAY
TRANSPORT..... 81**

ZINCHENKO D.S., PRIETO A.R.
**REVEAL (DETECTION) UNMANNED AIRCRAFT IN THE CONTEXT OF THE “UNMANNED
REVOLUTION”: THE MAIN WAYS AND FACTORS OF INFLUENCE 86**

CONTINUING PROFESSIONAL EDUCATION OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS

KVASOVA O.A., DVORNICHENKO A.M.
**PERSONALIZED HIGHER EDUCATION: CONCEPT, ESSENCE, POSSIBLE WAYS
OF IMPLEMENTATION 94**

GORELKIN S.I., KRUPENNIKOVA K.K.
DEVELOPMENT OF ADAPTIVE SPORTS AND PHYSICAL CULTURE IN BELGOROD OBLAST ...98

THE INTERNATIONAL EXPERIENCE

MAYOROV V.I.
LEGAL ASPECTS OF POLICE DIGITALIZATION IN THE PEOPLE’S REPUBLIC OF CHINA104

SELIN B.N., ARKHIPTSEV I.N.
**LEGAL MECHANISMS FOR PROTECTING VICTIMS OF DOMESTIC VIOLENCE IN THE BRICS
COUNTRIES: FEDERAL REPUBLIC OF BRAZIL112**

REVIEWS

KARAGODIN A.V., DUDAEV A.B.
**ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF THE STATE CIVIL SERVICE
IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES122**

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ОКАЗАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ В СФЕРЕ МИГРАЦИИ

LEGAL REGULATION AND SPECIFICS OF THE PUBLIC SERVICE DELIVERY IN THE FIELD OF MIGRATION

УДК 342

М.А. БУЧАКОВА,
доктор юридических наук, профессор
(Омская академия МВД России,
Россия, Омск)
mb290163@mail.ru

О.А. ДИЗЕР,
кандидат юридических наук
(Омская академия МВД России,
Россия, Омск)
oadizer-24@mail.ru

MARINA A. BUCHAKOVA,
Doctor of Law, Professor
(Omsk Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
Omsk, Russia)

OLGA A. DIZER,
Candidate of Law
(Omsk Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
Omsk, Russia)

Аннотация: в статье рассматриваются миграция и миграционные процессы в Российской Федерации в контексте совершенствования государственного управления в исследуемой сфере в части предоставления гражданам государственной услуги. Для изучения данной проблемы был осуществлен анализ нормативных правовых актов, в которых отражены положения, затрагивающие миграцию и миграционные процессы, происходящие в Российской Федерации. Рассмотрены некоторые проблемы, возникающие в случаях предоставления гражданам государственной услуги в электронной форме. Авторами выявлены несовершенства формулировок, а также затронуты аспекты, связанные с фактической сложностью исполнения установленных норм в области контроля за осуществлением государственных услуг в электронной форме.

Делается вывод о том, что процесс совершенствования законодательства, реформирования деятельности уполномоченных органов в сфере предоставления государственных услуг неразрывно связан с цифровизацией общества и теми миграционными процессами, которые происходят в России. В работе сделан акцент на перспективности использования системы государственных услуг в электронной форме. В результате рассмотрения ряда федеральных законов обозначены выводы и сформулированы предложения по внесению изменений относительно повышения качества предоставляемых государственных услуг, что позволит упростить саму процедуру обращения граждан в государственные органы и эффективно решать возникающие вопросы.

Ключевые слова: миграция, государственная услуга, органы внутренних дел, обеспечение, концепция, иностранцы.

Для цитирования: Бучакова М.А., Дизер О.А. Правовое регулирование и особенности оказания государственных услуг в сфере миграции // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2025. – № 4. – С. 6–11.

Abstract: the article examines migration and migration processes in the Russian Federation in the context of improving public administration in the field under study in terms of providing public services to citizens. To study this problem, an analysis of regulatory legal acts was carried out, which reflect the provisions affecting migration and migration processes taking place in the Russian Federation. Some problems that arise in cases of providing public services to citizens in electronic form are considered. The authors have identified imperfections in the wording, as well as aspects related to the actual complexity of the implementation of established standards, in terms of monitoring the provision of public services in electronic form.

It is concluded that the process of improving legislation and reforming the activities of authorized bodies in the public service delivery is inextricably linked to the digitalization of society and the migration processes taking place in Russia. The article focuses on the prospects of using the system of public services in electronic

form. As a result of the review of a number of federal laws, conclusions have been drawn and proposals have been formulated for making changes to improve the quality of public services provided, which will simplify the procedure for citizens to apply to government agencies and effectively resolve emerging issues.

Keywords: unified system of public power, Constitution of the Russian Federation, local self-government, population, democracy, foundations of the constitutional system.

For citation: Buchakova M.A., Dizer O.A. Legal regulation and specifics of the public service delivery in the field of migration // Problems of Law Enforcement Activity. – 2025. – № 4. – P. 6–11.

Миграция является не только одной из острейших мировых проблем, но и важным направлением деятельности государства и общества. В процессе социальных преобразований, обусловленных данным феноменом, в Российской Федерации восполняется дефицит рабочих рук и человеческого ресурса в целом. Государственное управление в области миграции направлено на регулирование перемещений населения как внутри государства, так и на международной арене [1].

Сложная миграционная ситуация в России, изменения в государственной миграционной политике и управлении миграционными процессами приводят к необходимости оптимального осуществления федеральными органами государственной власти законодательно установленных функций, определения тех государственных структур, которые будут эффективно действовать в данной сфере и решать поставленные перед ними государством задачи. В этих целях в Российской Федерации на протяжении последних десятилетий осуществлялась реформа системы государственного управления в сфере миграции [2].

Концепция государственной миграционной политики на 2019–2025 годы (далее – Концепция)¹ изменила ориентиры миграционной политики нашего государства, основу которой составили вопросы обеспечения национальной безопасности России. Соответственно, миграционное законодательство получило вектор направленности на ужесточение правил для въезжающих и проживающих иностранных граждан, а также для тех, кто приобрел российское гражданство в последние годы. В этих условиях был сделан акцент на эффективности деятельности миграционных органов, их взаимодействии с населением посредством оказания государственных услуг [3; 4].

Необходимость формирования государственных услуг в сфере миграции продиктована

прежде всего повышением миграционного прироста населения России, стремительным прибытием иностранных граждан в Россию после распада СССР. События последних лет, связанные с присоединением Крыма в 2014 году, а позднее еще четырех субъектов Федерации (Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская и Херсонская области), привели к тому, что жители этих территорий стали гражданами России в порядке признания. Это, в свою очередь, повлияло на интенсивность оказания государственной услуги по выдаче общегражданских паспортов.

Вышеперечисленные явления, связанные с динамикой перемещения граждан, иностранных граждан и апатридов, наглядно продемонстрировали значение разработки более совершенного нормативного правового регулирования, изменения тактики регулирования миграционных потоков и предоставления государственных услуг в сфере миграции федеральными органами исполнительной власти.

В целях координации работы, связанной с приемом значительного числа мигрантов из стран бывшего СССР, еще в 1992 году начался процесс регулирования миграционной политики, а также сформировался перечень государственных услуг, оказываемых миграционными органами. Созданная Федеральная миграционная служба за 10 лет трижды меняла ведомственную принадлежность, однако спектр оказываемых услуг не менялся: служба осуществляла лицензирование фирм, занимающихся трудоустройством мигрантов; услуги по трудоустройству иностранных граждан в России и граждан страны за рубежом [5]. Функции регистрационно-оформления граждан, пребывающих на территории Российской Федерации, осуществляла другая структура МВД России – паспортно-визовое управление (включающее паспортные столы и отделы виз и регистрации).

В настоящее время основные полномочия в области реализации государственного управления в сфере миграции сосредоточены у отраслевых федеральных органов государственной власти, одним из которых является Министерство внутренних дел Российской Федерации.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>

Согласно Положению о Министерстве внутренних дел Российской Федерации, утвержденному Указом Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699², МВД России – это федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий разнообразные функции в области миграции: реализацию государственной политики, нормативно-правовое регулирование, обеспечение государственного контроля (надзора) и др. К одной из функций, которую реализует Миграционная служба МВД России, относится предоставление государственных услуг в сфере миграции³.

Правовые основы деятельности органов исполнительной власти по предоставлению государственных услуг, изменившие практику взаимодействия граждан и госслужащих, связаны с принятием Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (далее – ФЗ № 210-ФЗ)⁴. Данный закон позволил изменить взаимоотношения между гражданами и органами публичной власти, придав им характер паритетности. В то же время функция федеральных органов исполнительной власти по оказанию государственных услуг стала рассматриваться сквозь призму основных принципов построения гражданского общества. С принятием ФЗ № 210-ФЗ была упрощена практика обращения к органам государственной власти, усовершенствована процедура взаимодействия между ведомствами, минимизировано количество предоставляемых документов.

Деятельность по оказанию государственных услуг основывается в настоящее время на обширной нормативной правовой базе: федеральное и региональное законодательство, ведомственные нормативные правовые акты (административные регламенты). Несмотря на обновление нормативной базы по предоставлению государственных услуг подразделениями МВД России, их исторически сформировавшиеся функции по-прежнему осуществляются сотрудниками полиции и обра-

зуют несколько групп: получение паспорта гражданина Российской Федерации и заграничного паспорта, лицензирование деятельности в сфере трудоустройства, предоставление адресно-справочной информации, регистрация граждан.

Вопросы правового обеспечения и тактики оказания государственных услуг сотрудниками органов внутренних дел в изменяющейся обстановке связаны с возрастанием роли информационно-коммуникационных технологий в сфере государственного управления. В условиях цифровой трансформации необходимо выделить такое направление деятельности полиции, как автоматизация предоставляемых органами внутренних дел государственных услуг. Этот процесс осуществляется посредством привлечения Единого портала государственных услуг (далее – ЕПГУ) и многофункциональных центров (далее – МФЦ).

МВД России неоднократно издавались приказы, направленные на повышение качества предоставляемых МВД России государственных услуг (функций), в том числе оказываемых в электронном виде. Следует отметить, что за более чем 10-летний период данная система предоставления услуг была хорошо отлажена. Внедрение ЕПГУ и МФЦ способствовало совершенствованию технологии межведомственного взаимодействия в дистанционном формате. В конечном итоге характер предоставления услуг приобрел прозрачность, открытость, доступность во взаимоотношениях граждан с полицейской структурой [5]. Возможности использования информационно-телекоммуникационной системы позволили значительно сократить время предоставления услуги и ликвидировать очереди. Новый характер взаимоотношений полиции и граждан основывается на принципах деятельности полиции, провозглашенных в Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»⁵ (ст. 5–11) [6].

Важным источником права в направлении предоставления государственных услуг является постановление Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2023 г. № 2267 «Об утверждении Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, образца и описания бланка паспорта гражданина Российской Федерации»⁶, которое закрепляет основные положения о дея-

² Указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 52 (ч. V). – Ст. 7614.

³ Указ Президента Российской Федерации от 2 апреля 2025 г. № 205 «О совершенствовании государственного управления в сфере миграции» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 31. – Ст. 4179.

⁵ Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2023 г. № 2267 «Об утверждении Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, образца и описания бланка паспорта гражданина Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

тельности государственных органов по выдаче паспорта гражданина России.

Предшественник представленного нормативного правового акта, принятый в 1997 году⁷, способствовал осуществлению государственных услуг подразделением МВД России по скорейшей замене паспортов граждан страны, которые по-прежнему активно использовали документы, удостоверяющие личность, несуществующего государства – СССР. Принятие современного правового акта взамен вышеуказанного обусловлено переходом предоставления государственных услуг в электронный формат. В частности, с 2023 года изменен порядок подачи документов на осуществление государственных услуг – их теперь можно предоставить в дистанционном формате с использованием электронной подписи.

В настоящий период осуществляется проработка вопроса по замене традиционного паспорта на специализированную электронную карту, которая содержит расширенную информацию об ее носителе, в том числе биометрические данные. На сегодняшний день на этапе разработки находится законопроект о новой форме паспорта гражданина Российской Федерации, однако до сих пор остается непроработанным вопрос об исчерпывающем количестве биометрических данных, которые будут содержаться в паспорте, а также об этапах перехода на новый формат. Предполагается, представленные изменения будут внедрены в практику к 2030 году, в связи с этим можно прийти к выводу, что современный нормативный акт в скорейшем времени потеряет свою актуальность.

Данные перспективы в контексте процессов цифровизации общества позволяют обеспечить удобство в обращении с личными документами гражданам, а также будут способствовать оптимизации деятельности органов государственной власти, работа которых связана с использованием персональных данных граждан России [7].

К отдельной группе нормативных правовых актов в области предоставления государственных услуг относятся административные регламенты, каждый из которых соответствует положениям ФЗ № 210-ФЗ.

Процесс совершенствования законодательства осуществляется в направлении расширения дистанционного предоставления государственных услуг [8]. Необходимость увеличения спектра государственных услуг, предоставляемых в электронной форме, как фактора повышения качества

деятельности органов государственной власти продиктована в Указе Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы».

Исследование содержания административных регламентов, в частности Административного регламента МВД России по предоставлению государственной услуги по предоставлению адресно-справочной информации, утвержденного приказом МВД России № 984⁸, свидетельствует о возможности получения государственных услуг в электронной форме.

Тем не менее на сегодняшний день необходимо претворить представленные изменения в практику деятельности подразделений МВД России, а также довести изменения до сведения граждан, являющихся непосредственными пользователями данных услуг. Для полноты охвата населения с целью предоставления государственных услуг в сфере миграции в электронной форме потребуется время [9].

В настоящий период особую актуальность имеет возможность получения государственных услуг в электронной форме для лиц, проживающих в отдаленных от подразделений миграции населенных пунктах, проходящих службу в Вооруженных Силах Российской Федерации и находящихся за пределами территории России. Кроме того, работа с цифровым документооборотом позволяет оптимизировать деятельность подразделений миграции, обеспечивающих получение документов, удостоверяющих личность гражданина России, для лиц, проживающих на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей [10].

Кроме того, с положительной стороны хотелось бы отметить внедрение специализированной системы мониторинга оценки качества предоставляемых услуг сотрудниками МВД России на основании положительных или отрицательных отзывов граждан. Достижение высокого показателя качества государственной услуги – главная задача подразделений МВД России. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления»⁹ показатель

⁷ Постановление Правительства Российской Федерации от 8 июля 1997 г. № 828 «Об утверждении Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, образца бланка и описания паспорта гражданина Российской Федерации» (документ не действует) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Приказ МВД России от 23 декабря 2022 г. № 984 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по предоставлению адресно-справочной информации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

удовлетворенности граждан качеством государственных услуг должен составлять не менее 90%.

Кроме того, положительными являются процессы внедрения биометрической идентификации лиц, въезжающих на территорию Российской Федерации (создание цифрового профиля иностранца), повышения требований для лиц, получающих гражданство России (кроме русского языка, иностранцам необходимо знать историю и основы законодательства страны), а также усиления контроля за проверкой вышеуказанных знаний и предоставлением иных государственных услуг в целом [11].

В заключение хотелось бы отметить, что государственные услуги в сфере миграции, пре-

доставляемые подразделением МВД России, в настоящее время имеют важное значение для граждан, иностранных граждан и лиц без гражданства. Последние изменения, связанные с информатизацией и компьютеризацией общества, трансформацией характера правонарушений и преступлений, совершаемых иностранными гражданами, в условиях проведения специальной военной операции, позволяют обеспечить внедрение в практику электронного документооборота (что способствует оптимизации деятельности государственных органов), а также повышение качества предоставляемых государственных услуг и контроля за их осуществлением.

Литература

1. **Евтушенко В.И., Дизер О.А.** Совершенствование публично-правового регулирования статуса вынужденного переселенца в Российской Федерации // Алтайский юридический вестник. – 2025. – № 1 (49). – С. 64–70.
2. **Евтушенко В.И.** Эволюция государственного регулирования процессов внешней миграции в Русском государстве в IX–XVII веках // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2025. – № 1 (58). – С. 191–196.
3. **Бучакова М.А.** Государственная миграционная политика в свете обеспечения национальной безопасности / Актуальные проблемы законодательного регулирования миграционных процессов на территории государств – участников СНГ: материалы ежегодной Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 2025 г. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2025. С. 100–104.
4. **Бучакова М.А.** Федеральный государственный миграционный контроль (надзор) / Актуальные проблемы полицейского права: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию вступления в силу Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», Омск, 1–2 июня 2021 г. – Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. С. 115–116.
5. **Петровская М.И.** Содержание государственного управления в сфере вынужденной миграции в России: административно-правовой аспект // Административное и муниципальное право. – 2021. – № 6. – С. 32–43.
6. **Бучакова М.А.** Полиция Российской Федерации в условиях цифровой трансформации / Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): материалы ежегодной Международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. С. 991–997.
7. Нравственные императивы российской государственности: достоинство личности, суверенитет, солидарность (обзор докладов научно-практических конференций и круглых столов в рамках Первого Белгородского юридического форума) / А.В. Габов, Е.Е. Тонков, М.В. Мархгейм [и др.] // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2024. – Т. 19. № 6. – С. 38–70.
8. **Старостин А.А.** Соотношения регистрационного и миграционного учета граждан с реализацией своих конституционных прав / Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. С. 1367–1373.
9. **Евтушенко В.И.** Виды миграционных процессов: вопросы правового регулирования / Сборник материалов научно-представительских мероприятий Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина по итогам 2023/2024 учебного года: электронный сборник статей. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2024.
10. **Дизер О.А.** О совершенствовании чрезвычайного законодательства, регламентирующего защиту государства от внешней агрессии // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 5 (117). – С. 183–191.
11. **Водяная М.Ю., Старостин А.А.** Запрет на въезд на территорию Российской Федерации: основания и принятие решений // Законодательство и практика. – 2023. – № 1 (50). – С. 5–9.

References

1. **Evtushenko V.I., Dizer O.A.** Sovershenstvovanie publichno-pravovogo regulirovaniya statusa vynuzhdenного pereselentsa v Rossiiskoi Federatsii // Altayskii yuridicheskii vestnik. – 2025. – № 1 (49). – S. 64–70.
2. **Evtushenko V.I.** Evolyutsiya gosudarstvennogo regulirovaniya protsessov vneshnei migratsii v Russkom gosudarstve v IX–XVII vekakh // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2025. – № 1 (58). – S. 191–196.

3. **Buchakova M.A.** Gosudarstvennaya migratsionnaya politika v svete obespecheniya natsional'noi bezopasnosti / Aktual'nye problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya migratsionnykh protsessov na territorii gosudarstv – uchastnikov SNG: materialy ezhegodnoi Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 2025 g. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii, 2025. S. 100–104.
4. **Buchakova M.A.** Federal'nyi gosudarstvennyi migratsionnyi kontrol' (nadzor) / Aktual'nye problemy politseiskogo prava: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 10-letiyu vstupleniya v silu Federal'nogo zakona ot 7 fevralya 2011 g. № 3-FZ "O politsii", Omsk, 1–2 iyunya 2021 g. – Omsk: Omskaya akademiya Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii, 2021. S. 115–116.
5. **Petrovskaya M.I.** Soderzhanie gosudarstvennogo upravleniya v sfere vyzhdennoi migratsii v Rossii: administrativno-pravovoi aspekt // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. – 2021. – № 6. – S. 32–43.
6. **Buchakova M.A.** Politsiya Rossiiskoi Federatsii v usloviyakh tsifrovoi transformatsii / Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-protseessual'nogo prava (Sorokinskie chteniya): materialy ezhegodnoi Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii, 2024. S. 991–997.
7. Nravstvennye imperativy rossiiskoi gosudarstvennosti: dostoinstvo lichnosti, suverenitet, solidarnost' (obzor dokladov nauchno-prakticheskikh konferentsii i kruglykh stolov v ramkakh Pervogo Belgorodskogo yuridicheskogo foruma) / A.V. Gabov, E.E. Tonkov, M.V. Markhgeim [i dr.] // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk. – 2024. – T. 19. № 6. – S. 38–70.
8. **Starostin A.A.** Sootnosheniya registratsionnogo i migratsionnogo ucheta grazhdan s realizatsiei svoikh konstitutsionnykh prav / Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-protseessual'nogo prava (Sorokinskie chteniya): sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii, 2024. S. 1367–1373.
9. **Evtushenko V.I.** Vidy migratsionnykh protsessov: voprosy pravovogo regulirovaniya / Sbornik materialov nauchno-predstavitel'skikh meropriyatii Bel YUI MVD Rossii imeni I.D. Putilina po itogam 2023/2024 uchebnogo goda: elektronnyi sbornik statei. – Belgorod: Belgorodskii yuridicheskii institut MVD Rossii imeni I.D. Putilina, 2024.
10. **Dizer O.A.** O sovershenstvovanii chrezvychainogo zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego zashchitu gosudarstva ot vneshnei agressii // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA). – 2024. – № 5 (117). – S. 183–191.
11. **Vodyanaya M.Yu., Starostin A.A.** Zapret na v'ezd na territoriyu Rossiiskoi Federatsii: osnovaniya i prinyatie reshenii // Zakonodatel'stvo i praktika. – 2023. – № 1 (50). – S. 5–9.

(статья сдана в редакцию 08.07.2025)

**ВЛИЯНИЕ МАССМЕДИА НА ФОРМИРОВАНИЕ
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ**

**THE INFLUENCE OF MASS MEDIA ON THE FORMATION
OF EXTREMIST IDEOLOGY AMONG YOUTH**

УДК 342.9

А.В. РИМСКИЙ,

доктор философских наук
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
alex.rimskiy@yandex.ru

ALEKSEY V. RIMSKIY,

Doctor of Philosophical Sciences
(Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Т.В. ЯЛОВЕНКО,

кандидат юридических наук, доцент
(Волгоградская академия МВД России,
Россия, Волгоград)
Hodareva.1986@mail.ru

TATIANA V. YALOVENKO,

Candidate of Law, Associate Professor
(Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
Volgograd, Russia)

Аннотация: актуальность исследования состоит в том, что экстремизм в настоящее время является наиболее опасным социальным явлением, специфика которого заключается в устрашении мирного населения путем применения радикальных практик, выраженных в физическом и ментально-психологическом насилии. Молодежный экстремизм имеет «различные лики» в российском обществе, простирается в диапазоне от деятельности футбольных фанатов до носителей агрессивной сектантской идеологии. К тому же следует учитывать, что на настроения российской молодежи влияет общий неблагоприятный социальный фон (рост молодежной безработицы, отсутствие ясных жизненных перспектив, неуверенность в будущем). В статье рассматривается влияние массмедиа на формирование экстремистской идеологии среди молодежи, анализируются механизмы распространения радикального контента, а также пути его минимизации. На современном этапе актуальным вопросом является исключение негативного влияния массмедиа на формирование экстремистской идеологии в молодежной среде. В статье особое внимание уделяется каналам распространения экстремистских идей, методам манипуляции общественным сознанием и нормативному правовому регулированию данной сферы в России. Анализируются государственные и общественные инициативы, направленные на повышение медиаграмотности и информационной безопасности молодежи. В завершение авторы подчеркивают необходимость комплексного подхода к борьбе с экстремизмом, включающего законодательные, образовательные и технологические меры.

Ключевые слова: массмедиа, экстремистская идеология, радикализация, молодежь, медиаграмотность, государственное регулирование, информационная безопасность.

Для цитирования: Римский А.В., Яловенко Т.В. Влияние массмедиа на формирование экстремистской идеологии в молодежной среде // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2025. – № 4. – С. 12–18.

Abstract: the relevance of this study lies in the fact that extremism is currently the most dangerous social phenomenon, characterized by intimidation of the civilian population through radical practices expressed in physical, mental, and psychological violence. Youth extremism has “various faces” in Russian society, ranging from the activities of football fans to proponents of aggressive sectarian ideology. Furthermore, it should be taken into account that the mood of Russian youth is influenced by the generally unfavorable social environment (rising youth unemployment, lack of clear life prospects, and uncertainty about the future). This article examines the influence of mass media on the formation of extremist ideology among young people, analyzing the mechanisms of dissemination of radical content, as well as ways to minimize it. Eliminating the negative influence of mass media on the formation of extremist ideology among young people is a pressing issue today. The article focuses on the channels for the dissemination of extremist ideas, methods of manipulating public opinion, and the legal regulation of this area in Russia. The article analyzes government and public initiatives aimed at improving media literacy and information

security among young people. In conclusion, the authors emphasize the need for a comprehensive approach to combating extremism, encompassing legislative, educational, and technological measures.

Keywords: mass media, extremist ideology, radicalization, youth, media literacy, government regulation, information security.

For citation: Rimskiy A.V., Yalovenko T.V. The influence of mass media on the formation of extremist ideology among youth // Problems of Law Enforcement Activity. – 2025. – № 4. – P. 12–18.

В соответствии с Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»¹ экстремизм представляет собой деятельность, направленную на подрыв основ конституционного строя, нарушение прав и свобод человека, а также разжигание социальной, расовой, национальной или религиозной розни. В свою очередь, экстремистская идеология – это система взглядов, оправдывающих насильственные методы достижения политических, социальных и иных целей, зачастую сопряженные с нарушением законов и правопорядка. Как отмечает И.В. Батыщев, «в его (экстремизма. – Прим. ред.) основе лежит глубокая идейная составляющая, которая достигается путем детальной идеологической обработки участников» [1, с. 43].

Основными признаками экстремистской идеологии являются абсолютное неприятие альтернативных точек зрения и критики, применение насильственных методов для достижения целей, формирование образа «врага», на которого возлагается ответственность за социальные или экономические проблемы, использование пропаганды и дезинформации для манипулирования общественным мнением, а также стремление к разрушению существующего государственного или общественного устройства. Экстремистские идеи опасны не только для отдельных социальных групп, но и для общества в целом.

Молодежь является особенно восприимчивой к радикальным идеям. М.О. Кузнецова [2, с. 3], Е.В. Панов [3, с. 88] указывают, что на учете в органах внутренних дел Российской Федерации состоит свыше 450 молодежных группировок экстремистской направленности общей численностью около 20 тыс. человек.

Как отмечает А.Е. Кудрявцева, «наиболее опасным с точки зрения вхождения в поле экстремистской активности является возраст от 14 до 22 лет. Сложность этого периода обуславливается наложением психологических и социальных факторов. С одной стороны, идет процесс развития самосознания, с присущими ему юношеским максимализмом, обостренным чувством справедливости, по-

иском смысла и ценности жизни, когда подросток озабочен поиском собственной идентичности и желанием найти свою группу» [4, с. 32]. Следует принимать во внимание влияние социальных сетей и интернет-пространства, которые становятся основным источником информации для большинства молодых людей. В отсутствие критического восприятия информации, а также под воздействием авторитетных лидеров мнений, блогеров и пропагандистских ресурсов молодежь может подвергаться манипуляциям, формирующим их мировоззрение в пользу экстремистских идей [5, с. 74]. Недостаточная правовая грамотность и слабое понимание последствий участия в экстремистской деятельности также увеличивают риск вовлеченности в деструктивные группы.

Распространение экстремистской идеологии в медиапространстве происходит через различные механизмы, включая манипулятивные техники, направленные на эмоциональное вовлечение аудитории, продвижение радикальных взглядов под видом «альтернативной правды», создание и распространение контента, способного вызвать ненависть и нетерпимость, использование закрытых групп и форумов для вербовки молодежи, а также проведение дезинформационных кампаний с целью подрыва доверия к государственным институтам. Благодаря сети Интернет экстремистские группы получают возможность воздействовать на широкую аудиторию, используя различные платформы для анонимного распространения радикальных идей. Формирование экстремистской идеологии сопровождается активной пропагандой, рассчитанной на максимальное вовлечение пользователей и создание у них ощущения принадлежности к определенному сообществу.

Такой подход позволяет радикальным группам привлекать молодежь, используя ее стремление к социальной справедливости, поиску смысла жизни и принадлежности к значимой группе.

С целью ограничения распространения экстремистской идеологии российское законодательство предусматривает ряд правовых механизмов, направленных на противодействие радикализации молодежи. Основным нормативным правовым актом является Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», определяющий

¹ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

понятие экстремизма и устанавливающий меры по его пресечению.

Государственное регулирование деятельности средств массовой информации осуществляется нормативными правовыми актами, центральным из них является Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации»². В законе отражены основные положения, определяющие свободу массовой информации (ст. 1), содержащие запрет любого ограничения на поиск, получение и распространение массовой информации, за некоторым исключением. Информация, предоставляемая средствами массовой информации, относится к общедоступной.

По мнению И.А. Панкеева, И.А. Тимофеева, «свобода не есть вседозволенность, а информация тогда благо, когда она правдива, достоверна и не наносит вреда. Никакая свобода не может быть оправданием пропаганды ненависти и насилия. Но отсутствие должной ответственности в некоторых случаях может привести к злоупотреблению свободой массовой информации. Ограничительная политика государства как раз направлена на недопущение этого. Следовательно, законодательное ограничение действий, приводящих к появлению фейковых новостей, к диффамации, к разжиганию национальной розни, к использованию языка вражды и т.д., в интересах всех – и общества, и государства» [6, с. 234].

Информация представляет собой объект правового регулирования и с этой точки зрения обладает определенной спецификой, заключающейся в ее достоверности, идентификации, материальности и иных свойствах, ее характеризующих [7]. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»³ регулирует порядок ограничения доступа к информации, распространяемой с нарушением закона (ст. 15.3) и т.д. Предусмотренные законодательные нормы направлены на пресечение деятельности экстремистских организаций, а также на блокировку распространения радикального контента в медиапространстве.

Экстремистские организации используют различные цифровые платформы и технологии для распространения своих взглядов и привлечения новых последователей. В условиях широкой доступности сети Интернет и анонимности возможности для распространения экстремистских идей

значительно расширились. Одним из ключевых каналов воздействия на молодежь являются социальные сети («ВКонтакте», Telegram и др.). Платформы позволяют оперативно распространять контент, содержащий радикальные взгляды, вовлекать пользователей в дискуссии и формировать закрытые сообщества. Использование алгоритмов рекомендаций в соцсетях приводит к тому, что пользователи, однажды заинтересовавшиеся подобным контентом, в дальнейшем получают материалы по запрашиваемой тематике.

Не менее значимым каналом распространения являются видеохостинги. На этих платформах радикальные группы размещают аналитические видео, пропагандистские лекции, интервью с идеологами экстремистских движений. Использование видеоконтента позволяет не только передавать информацию, но и эмоционально воздействовать на зрителя, формируя у него определенные убеждения и позиции.

Важную роль в распространении экстремистских идей играют анонимные форумы и мессенджеры. Они используются для координации действий, обмена материалами и создания закрытых групп, где участники могут свободно распространять радикальные идеи без риска обнаружения. Благодаря функции сквозного шифрования такие мессенджеры обеспечивают высокий уровень анонимности, что затрудняет работу правоохранительных органов.

Помимо традиционных платформ, экстремисты активно используют DarkNet (теневой сегмент Интернета) и анонимные веб-ресурсы. Площадки предоставляют возможность размещать материалы, запрещенные в сети Интернет, организовывать сбор средств и координировать незаконную деятельность. В DarkNet можно найти форумы, посвященные обсуждению стратегий экстремистской борьбы, обмену методическими пособиями и инструкциями. Как отмечает С.В. Девятковская, «проблемой противодействия завуалированным формам экстремистской деятельности является то, что в скрытой анонимной сети DarkNet пользователь не привязан к информации, которая была им выложена. На современном этапе существует большое количество подобных сетей, получивших широкое распространение во всем мире» [8, с. 44].

Еще одной относительно новой тенденцией является использование онлайн-игр и игровых чатов. Некоторые радикальные группы применяют игровые платформы для привлечения молодежи, внедряя экстремистские идеи через внутриигровое общение, совместные квесты и форумы игроков. При помощи игры распространяется идеология в непринужденной форме, не вызывая подозрений у правоохранительных органов и родителей несовершеннолетних пользователей.

² Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Современные экстремистские организации применяют многоканальный подход к распространению своей идеологии, используя широкий набор цифровых инструментов. Борьба с экстремистскими проявлениями требует активного мониторинга интернет-пространства, совершенствования законодательства и разработки эффективных стратегий по выявлению и блокировке экстремистского контента.

Пропагандистские материалы, распространяемые в сети Интернет, обладают рядом особенностей, делающих их эффективными инструментами влияния. Одним из основных механизмов является эмоциональная манипуляция, достигаемая путем создания ярких и провокационных образов, способных вызвать страх, ненависть или чувство несправедливости. Для этого широко используются видеоролики с драматичными сценами, шокирующие изображения, направленные на формирование у аудитории определенной эмоциональной реакции. Такие материалы не дают времени на осмысление, а сразу вовлекают пользователя в негативное восприятие происходящего.

Еще одним распространенным механизмом является конструирование образа «врага», который преподносится как угроза для общества, религиозных или национальных групп. В таких материалах создается четкое противопоставление «своих» и «чужих», искажение исторических и политических фактов, фальсификация событий и распространение конспирологических теорий и т.д. Радикальные идеологи представляют альтернативные версии истории, в которых оправдываются насильственные методы борьбы и дискредитируются государственные институты власти.

Враждебные высказывания, дискриминационные лозунги и уничижительные характеристики отдельных групп людей помогают разжигать агрессию и формировать у аудитории чувство превосходства.

Видеоролики, статьи и публикации в социальных сетях могут преподносить радикалов как борцов за справедливость, подвергшихся гонениям со стороны государства или общества, что способствует формированию ложного ощущения сопричастности у молодых людей, которые могут начать воспринимать экстремистские идеи как единственно верный путь борьбы с несправедливостью.

Дополнительно пропагандисты используют методы психологического воздействия, включая когнитивный диссонанс. Пользователю предлагаются противоречивые данные и альтернативные трактовки событий, что заставляет его сомневаться в официальных источниках информации, делает человека более восприимчивым к дезинформации и упрощает его дальнейшее вовлечение в экстремистскую среду.

Механизмы воздействия экстремистского контента представляют собой систему манипулятивных технологий, направленных на радикализацию общественного сознания, особенно среди молодежи. Противодействие этим процессам требует не только совершенствования законодательного регулирования, но и активного повышения уровня медиаграмотности, критического мышления и просветительской работы среди населения. Только комплексный подход позволит минимизировать влияние радикальных идей на молодое поколение.

Как уже отмечалось, правовое регулирование противодействия экстремистской деятельности в медиапространстве в Российской Федерации осуществляется через систему нормативных актов, направленных на предупреждение, выявление и пресечение распространения экстремистского контента. Основной нормативный правовой акт, регулирующий данную сферу, – Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», который определяет главные признаки экстремистской деятельности, формы ее проявления и меры государственного воздействия.

Важное значение имеет Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который устанавливает механизмы контроля за информационными ресурсами, содержащими экстремистские материалы. В соответствии с этим законом Роскомнадзор наделен полномочиями по блокировке сайтов и интернет-страниц, содержащих запрещенный контент, без предварительного судебного разбирательства.

В рамках борьбы с распространением экстремистской идеологии значительную роль играет Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ⁴, который усилил меры по контролю за интернет-коммуникациями и установил обязательное хранение данных операторами связи, что позволяет правоохранительным органам оперативно отслеживать подозрительную активность в Сети.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) содержит статьи, предусматривающие ответственность за распространение экстремистских материалов и разжигание межнациональной и межрелигиозной розни:

– ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»;

⁴ Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

– ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства».

Роскомнадзор совместно с Генеральной прокуратурой и судами ведет Федеральный список экстремистских материалов, в который включаются признанные судом запрещенные публикации, книги, статьи, видеоматериалы и интернет-ресурсы. Доступ к этим материалам на территории Российской Федерации ограничивается, а их распространение влечет административную и уголовную ответственность.

Правовое регулирование противодействия экстремистской деятельности в медиапространстве включает комплексную систему законодательных мер, направленных на выявление и пресечение угроз, защиту общества от радикального влияния и обеспечение информационной безопасности государства.

Несмотря на принятые меры, проблема остается актуальной из-за использования анонимных сетей, VPN и технологий шифрования, позволяющих распространять запрещенные материалы в обход блокировок.

Развитие медиаграмотности является одним из основных инструментов противодействия распространению экстремистской идеологии среди молодежи. В условиях современного информационного общества критическое восприятие информации становится важным навыком, позволяющим молодым людям эффективно анализировать получаемый контент. Медиаграмотность включает в себя способность распознавать дезинформацию, проверять источники сведений, анализировать манипулятивные приемы и формировать объективное представление о реальности.

Одним из эффективных способов повышения медиаграмотности является внедрение специализированных образовательных программ в школьное и вузовское обучение. Учащиеся знакомятся с основными принципами функционирования медиа, работы алгоритмов социальных сетей, особенностями распространения дезинформации и методами манипуляции общественным мнением. Важную роль играет преподавание навыков фактчекинга – проверки достоверности информации с использованием официальных источников и аналитических платформ.

Дополнительной мерой является развитие независимых образовательных инициатив и просветительских проектов, направленных на повышение осведомленности молодежи о рисках дезинформации и экстремистской пропаганды. Создание онлайн-курсов, проведение тематических лекций, вебинаров и интерактивных тренингов способствуют повышению уровня цифровой грамотности среди пользователей сети Интернет. Государственные

органы, общественные и образовательные организации должны активно участвовать в подобных инициативах, обеспечивая молодежь необходимыми знаниями.

Разработка тематических передач, публикация материалов, разъясняющих механизмы распространения фейковых новостей и экстремистской пропаганды, содействуют формированию критического мышления у аудитории. Важно стимулировать открытость и прозрачность работы средств массовой информации, поддерживать журналистские расследования и независимый анализ медиаконтента.

Не менее важным вопросом является сотрудничество с цифровыми платформами и социальными сетями. Современные алгоритмы распространения информации должны учитывать принципы медиаграмотности, предоставляя пользователям возможность доступа к проверенным источникам информации и инструментам по выявлению недостоверных сведений. Разработка встроенных функций предупреждения о возможных фейках, маркировка сомнительного контента и популяризация научно обоснованных источников способствуют снижению влияния экстремистской идеологии.

Развитие медиаграмотности является процессом, включающим образовательные, просветительские, медийные и технологические меры. Только системный подход, направленный на формирование критического мышления, осведомленности и ответственного отношения к информации, позволит снизить воздействие экстремистской пропаганды и повысить уровень информационной безопасности молодежи.

Следует отметить роль государственных и общественных инициатив в снижении негативного влияния экстремистского контента и формировании устойчивого информационного иммунитета у молодежи. Предпринимаемые меры на государственном уровне, участие общественных организаций и поддержка международных инициатив позволяют выработать эффективные стратегии противодействия распространению радикальной идеологии через массмедиа.

На государственном уровне реализуется ряд программ, направленных на мониторинг и пресечение распространения экстремистского контента. Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) осуществляет контроль за информационным пространством и блокирует интернет-ресурсы, содержащие экстремистские материалы. Совместно с правоохранительными органами ведется работа по выявлению и пресечению деятельности онлайн-сообществ, способствующих радикализации молодежи.

Важной инициативой является Международный информационно-образовательный проект «Безопасный Интернет», который направлен на создание механизмов автоматического мониторинга интернет-контента, предупреждение распространения экстремистских идей и повышение цифровой безопасности пользователей. Также значительную роль играет система образовательных инициатив, реализуемых Минпросвещения России и Минобрнауки России, включающая курсы медиаграмотности, тренинги по критическому мышлению и лекции по противодействию манипуляциям в Сети.

Общественные организации и волонтерские движения также вносят значительный вклад в борьбу с экстремизмом. Проекты, такие как «Лига безопасного Интернета», занимаются мониторингом социальных сетей, выявлением и опровержением ложной информации, а также просвещением молодежи о рисках деструктивного контента. Благотворительные фонды и правозащитные организации проводят просветительские мероприятия, организуют вебинары, семинары и круглые столы, посвященные вопросам информационной безопасности и профилактики экстремизма.

Государственные и общественные инициативы представляют собой многоуровневую систему, включающую мониторинг, правоприменительные меры, образовательные программы и международное сотрудничество. Только комплексный подход, объединяющий усилия государства, общественных и образовательных организаций и цифровых платформ, позволит эффективно противодействовать распространению экстремистской идеологии и повысить уровень информационной безопасности молодежи.

Таким образом, влияние массмедиа на формирование экстремистской идеологии среди молодежи представляет собой серьезную угрозу информационной и общественной безопасности. Анализ показывает, что цифровые платформы, социальные сети, видеохостинги и мессенджеры активно используются экстремистскими группами для распространения радикального контента, ма-

нипулирования общественным сознанием и вовлечения молодежи в деструктивные идеологии. Основными методами воздействия являются эмоциональная манипуляция, создание образа «врага», использование языка ненависти и конструирование альтернативной реальности, в которой насильственные методы борьбы с существующим порядком представляются оправданными.

Для противодействия этой проблеме в России применяется комплексный подход, включающий «образовательные программы, культурные мероприятия, информационные кампании, психосоциальную поддержку» [9, с. 70]. Не менее значимым направлением является развитие медиаграмотности среди молодежи, включающее обучение критическому мышлению, фактчекингу и анализу медиаконтента. Образовательные программы, реализуемые государственными структурами и общественными организациями, способствуют формированию у молодежи устойчивого информационного иммунитета к экстремистским идеям.

Важную роль в этом процессе играют сотрудничество с технологическими компаниями, а также развитие программ по мониторингу интернет-пространства и внедрение механизмов автоматического выявления деструктивного контента.

По мнению А.А. Хораева, О.В. Моховой, в настоящее время «не в полной мере используется потенциал различных институтов гражданского общества. Весьма перспективным видится активизация участия в антиэкстремистской и контртеррористической деятельности общественных организаций и объединений, функционирование которых осуществляется в молодежной среде» [10, с. 170].

Таким образом, эффективная борьба с распространением экстремистской идеологии в медиапространстве требует интеграции правовых, образовательных, технических и общественных мер. Только комплексный и системный подход позволит минимизировать влияние экстремистской пропаганды, повысить уровень информационной безопасности молодежи и сформировать устойчивые механизмы защиты общества от радикальных идеологий.

Литература

1. **Батыщева И.В.** К вопросу о деструктивном влиянии идеологии экстремизма на молодежную среду // Современная наука. – 2023. – № 1. – С. 43–45.
2. **Кузнецова М.О.** Расследование преступлений экстремистской направленности, совершаемых молодежными неформальными группировками: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2024. – 30 с.
3. **Панов Е.В.** Противодействие идеологии терроризма и экстремизма в молодежной среде средствами физической культуры и спорта // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2025. – № 1 (27). – С. 86–94.
4. **Кудрявцева А.Е.** Особенности проявления экстремизма в молодежной среде // Символ науки. – 2024. – Т. 3. № 12–1. – С. 31–35.

5. **Титкова М.В.** Причины экстремизма в молодежной среде // Научные дискуссии. – 2024. – Т. 4. № 1. – С. 73–76.
6. **Панкеев И.А., Тимофеев И.А.** Тенденции государственного регулирования российских СМИ: правовой аспект // Вопросы теории и практики журналистики. – 2020. – Т. 9. № 2. – С. 231–246.
7. **Миныхашев Э.Г.** К вопросу о понятии «информация» // Марийский юридический вестник. – 2022. – № 2 (38). – С. 58–61.
8. **Девятовская С.В.** Политико-правовые аспекты противодействия многофакторным проявлениям экстремизма в молодежной среде // Философия права. – 2020. – № 3 (94). – С. 42–46.
9. **Ковалева Л.В.** Профилактика экстремизма и терроризма через межрегиональное взаимодействие: опыт форума «Территория содружества» / Молодежная политика: вызовы и векторы развития: сборник научно-популярных статей руководителей и специалистов учреждений по делам молодежи Санкт-Петербурга и регионов Российской Федерации. – Санкт-Петербург: Научное издание технологии, 2024. С. 69–71.
10. **Хараев А.А., Моховиков О.В.** Совершенствование механизмов борьбы с экстремизмом и терроризмом в молодежной среде // Пробелы в российском законодательстве. – 2023. – Т. 16. № 4. – С. 167–172.

References

1. **Batyshcheva I.V.** K voprosu o destruktivnom vliyaniy ideologii ekstremizma na molodezhnyuyu sredu // Sovremennaya nauka. – 2023. – № 1. – S. 43–45.
2. **Kuznetsova M.O.** Rassledovanie prestupleniy ekstremistskoy napravlenosti, sovershaemykh molodezhnymi neformal'nymi gruppirovkami: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. – Saratov, 2024. – 30 s.
3. **Panov E.V.** Protivodeistvie ideologii terrorizma i ekstremizma v molodezhnoi srede sredstvami fizicheskoi kul'tury i sporta // Nauchnyi daidzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – 2025. – № 1 (27). – S. 86–94.
4. **Kudryavtseva A.E.** Osobennosti proyavleniya ekstremizma v molodezhnoi srede // Simvol nauki. – 2024. – Т. 3. № 12–1. – S. 31–35.
5. **Titkova M.V.** Prichiny ekstremizma v molodezhnoi srede // Nauchnye diskussii. – 2024. – Т. 4. № 1. – S. 73–76.
6. **Pankeev I.A., Timofeev I.A.** Tendentsii gosudarstvennogo regulirovaniya rossiiskikh SMI: pravovoi aspekt // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. – 2020. – Т. 9. № 2. – S. 231–246.
7. **Min'kashev E.G.** K voprosu o ponyatii "informatsiya" // Mariiskii juridicheskii vestnik. – 2022. – № 2 (38). – S. 58–61.
8. **Devyatovskaya S.V.** Politiko-pravovye aspekty protivodeistviya mnogofaktornym proyavleniyam ekstremizma v molodezhnoi srede // Filosofiya prava. – 2020. – № 3 (94). – S. 42–46.
9. **Kovaleva L.V.** Profilaktika ekstremizma i terrorizma cherez mezhregional'noe vzaimodeistvie: opyt foruma "Territoriya sodruzhestva" / Molodezhnaya politika: vyzovy i vektory razvitiya: sbornik nauchno-populyarnykh statei rukovoditelei i spetsialistov uchrezhdenii po delam molodezhi Sankt-Peterburga i regionov Rossiiskoi Federatsii. – Sankt-Peterburg: Naukoemkie tekhnologii, 2024. S. 69–71.
10. **Kharaev A.A., Mokhovikov O.V.** Sovershenstvovanie mekhanizmov bor'by s ekstremizmom i terrorizmom v molodezhnoi srede // Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. – 2023. – Т. 16. № 4. – S. 167–172.

(статья сдана в редакцию 27.05.2025)

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРИПТОВАЛЮТЫ В ЦЕЛЯХ
ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ
ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ**

**THE CRYPTOCURRENCY USE TO LEGALIZE FUNDS
OBTAINED BY CRIMINAL MEANS**

УДК 343.9.01

И.С. ИЛЬИН,

доктор юридических наук, доцент
(Международный юридический институт,
Россия, Москва)
isilyin@yandex.ru

ILYA S. ILYIN,

Doctor of Law, Associate Professor
(International Law Institute,
Moscow, Russia)

Е.Н. РЯЗАНОВА

(Главное управление МВД России
по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области,
Россия, Санкт-Петербург)
spbryazanova@mail.ru

EKATERINA N. RYAZANOVA

(Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs
of Russia for St. Petersburg
and the Leningrad Region,
Saint Petersburg, Russia)

Аннотация: в статье рассматривается процесс использования криптовалюты в преступной деятельности, в частности в целях легализации денежных средств, полученных преступным путем. Предлагается определение понятия криптовалюты, и объясняется ее принципиальное отличие от цифровой валюты. Указывается на децентрализованный характер криптовалюты, который влияет на отсутствие на государственном уровне возможности ее регулирования и закрепления правового статуса. Определено понимание технологии блокчейн в качестве инструмента обеспечения функционирования криптовалютных платформ, представляющей собой распределенный публичный реестр, где фиксируются все транзакции с криптовалютой. Обозначены технические средства (подменные IP-адреса, сервисы VPN и VPS, система прокси-серверов и др.), используемые преступниками для сокрытия криптовалютных транзакций, а также этапы процесса легализации денежных средств с применением возможностей криптовалюты. Обозначена роль лиц, используемых преступниками в качестве курьеров (дропов) в процессе легализации денежных средств. Раскрываются элементы теневой финансовой инфраструктуры (незаконные «серые» криптообменники, криптомиксеры, теневые кроссчейн-мосты), а также процесс непосредственного криптообмена. На основе анализа наработанной практики выявления преступлений, связанных с неправомерным изъятием похищенных в результате преступных деяний денежных средств посредством их перевода в криптовалюту, выявлены характерные признаки данного вида противоправной деятельности.

Ключевые слова: криптовалюта, криптообменники, блокчейн, легализация, денежные средства, дропы.

Для цитирования: Ильин И.С., Рязанова Е.Н. Использование криптовалюты в целях легализации денежных средств, полученных преступным путем // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2025. – № 4. – С. 19–25.

Abstract: the article examines the process of using cryptocurrencies in criminal activities, in particular for the purpose of money laundering. A definition of the concept of cryptocurrency is proposed and its fundamental difference from digital currency is explained. It points to the decentralized nature of cryptocurrencies, which affects the lack of opportunities at the state level to regulate them and consolidate their legal status. The understanding of blockchain technology as a tool for ensuring the functioning of cryptocurrency platforms, which is a distributed public registry where all transactions with cryptocurrency are recorded, is determined. The technical means (spoofed IP addresses, VPN and VPS services, proxy server system, etc.) used by criminals to conceal cryptocurrency transactions, as well as the stages of the money laundering process using the capabilities of cryptocurrencies, are indicated. The role of persons used by criminals as couriers (drops) in the process of money laundering is outlined. The elements of the shadow financial infrastructure (illegal “gray” crypto exchanges, cryptomixers, shadow cross-chain bridges), as well as the process of direct crypto exchange are revealed. Based on the analysis of the established practice of detecting crimes related

to the unlawful seizure of funds stolen as a result of criminal acts, through their transfer to cryptocurrency, the characteristic features of this type of illegal activity have been identified.

Keywords: cryptocurrency, crypto exchanges, blockchain, legalization, cash, drops.

For citation: Ilyin I.S., Ryazanova E.N. The cryptocurrency use to legalize funds obtained by criminal means // Problems of Law Enforcement Activity. – 2025. – № 4. – P. 19–25.

Введение. Современное развитие технологий обеспечивает безопасность и анонимность транзакций, открывая новую эру финансовых инноваций. Появление цифровой валюты и криптовалюты создало ряд серьезных проблем, связанных с легализацией денежных средств злоумышленниками. Эта незаконная деятельность не только угрожает целостности крипторынка, но и создает реальные проблемы для правоохранительных органов. В настоящее время криптовалюта стала одним из самых эффективных механизмов вывода денежных средств, которые присваивают злоумышленники в ходе совершения преступлений, прежде всего направленных на завладение имуществом граждан, таких как кражи и мошенничество, а также преступных деяний, связанных с незаконной игровой деятельностью, незаконной банковской деятельностью, мошенничеством в сфере компьютерной информации, незаконным сбытом наркотических средств, психотропных веществ и других. Понимание сущности механизма перевода денежных средств в криптовалюту крайне важно для разработки эффективной стратегии борьбы с отмыванием денежных средств и обеспечения безопасности цифрового рынка (крипторынка).

Материалы и методы. Авторами использовался спектр общенаучных методов, среди которых стоит выделить формально-логический, обобщение, системный анализ, и частнонаучных методов, таких как эмпирический, системный подход, сравнительный метод. Результаты, отраженные в статье, могут быть применены в рамках проведения дальнейших исследований криминологического предупреждения.

Обсуждение. Некоторые ученые рассматривают цифровую валюту как синоним криптовалюты и понимают ее как виртуальные (электронные) децентрализованные денежные единицы, которые представляют уникальный криптографический код [1, с. 51].

Мы придерживаемся несколько иной позиции, разделяя понятия цифровой валюты и криптовалюты. Криптовалюта, как и цифровая валюта, существует исключительно в виртуальном мире, в сети Интернет, но, в отличие от цифровой валюты, не контролируется и не

эмитируется Центральным банком страны. Процесс выпуска и обращения криптовалюты полностью децентрализован, отсутствует возможность его регулирования, в том числе со стороны государства. Криптовалюта построена на технологии блокчейн, представляющей собой распределенный публичный реестр, где фиксируются все транзакции.

Разберемся, что такое блокчейн. Пользователи осуществляют транзакции – операции по переводу криптовалюты от одного участника крипторынка другому. Все проведенные транзакции записываются в так называемый блок. Когда происходит заполнение блока, он добавляется в цепочку предыдущих блоков, которая обозначается на английском blockchain. Таким образом, блокчейн как цепочка заполненных информацией о проведенных транзакциях блоках фактически является одним из способов хранения данных, обладающим определенными технико-алгоритмическими особенностями [2, с. 20]. При этом блокчейн не хранится в одном месте, отдельные его блоки разбросаны по серверам, размещенным по всему миру. Использование технологии блокчейн и делает довольно затруднительным процесс эмиссии виртуальной валюты Центральным банком. В то же время информация об операциях с криптовалютой (о предыдущем и следующем блоке) отражается в сети блокчейн, с ней можно ознакомиться, но ее нельзя каким-либо образом изменить или уничтожить [3, с. 3].

На практике для сокрытия преступлений с использованием криптовалюты применяются следующие технические средства и их сочетание: криптомиксеры, подменные IP-адреса, многократные VPN (сервис, позволяющий шифровать интернет-трафик пользователя и предотвращать его идентификацию в Интернете), VPS (сервис аренды выделенного сервера, в результате которого при его использовании оставляются электронные следы выделенного сервиса, а не электронного устройства пользователя), TOR (система прокси-серверов, позволяющая устанавливать анонимное сетевое соединение, передающая данные в зашифрованном виде и дающая возможность обеспечить анонимность при передаче сообщений, посещении сайтов, ведении блогов), позволяющие скрывать электронные

следы, специализированные закрытые платформы, мессенджеры с системой шифрования, анонимная криптовалюта, криптообменники [4, с. 8].

Конкретизируя понимание криптовалюты, в частности в вопросах ее назначения и регулирования, а также учитывая возможности использования блокчейн-технологии, сформулируем авторское определение.

Криптовалюта – это децентрализованный цифровой актив, существующий в виртуальном мире, представляющий собой совокупность электронных данных и использующий криптографические протоколы для регулирования создания новых единиц и технологию блокчейн для их дальнейшего хранения.

Несомненно, важность использования криптовалюты подчеркивает необходимость ее регулирования. В то же время создание четкой нормативной правовой базы сопряжено с трудностями, связанными с децентрализованным характером криптовалюты [5, с. 8].

При этом принимаемые меры противодействия могут привести к тому, что организованные преступные группировки станут использовать более изощренную и скрытую тактику.

В настоящее время в Российской Федерации не только не выработан единый механизм регулирования цифровой валюты, но и полностью отсутствует правовой механизм регулирования рынка виртуальных активов [6, с. 38].

В отсутствие единого механизма на законодательном уровне предприняты попытки реализации контроля над данной сферой деятельности и обеспечения соблюдения уже существующих правовых норм. Так, в отечественном законодательстве отсутствует определение криптовалюты [7, с. 50], однако имеется понятие цифровой валюты. Как мы уже отметили, на наш взгляд, это принципиально разные вещи, однако на законодательном уровне между ними ставится знак равенства.

Порядок оборота цифровой валюты определен ст. 14 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹. Согласно п. 5 данной статьи в Российской Федерации запрещается предложение неограниченному кругу лиц цифровой валюты, а также товаров (работ, услуг) в целях организации обращения и (или) обращения цифровой валюты. Однако за нарушение

указанного закона не предусмотрена ответственность.

Федеральным законом от 29 ноября 2024 г. № 418-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»² в Налоговый кодекс Российской Федерации внесены изменения путем введения ст. 282.3 «Особенности определения налоговой базы по операциям с цифровой валютой», устанавливающие механизм налогообложения операций с цифровой валютой, включая ее куплю-продажу. Таким образом, цифровая валюта (криптовалюта) с 1 января 2025 года получила правовой статус путем признания ее одним из видов имущества.

Использование криптовалюты является распространением средств легализации денежных средств, приобретенных преступным путем [8, с. 107; 9, с. 84].

В последнее время фиксируется постоянный рост масштабов перевода в криптовалюту денежных средств, похищенных в результате преступных деяний, что обусловлено сложным характером этих транзакций, анонимностью цифровой среды, трансграничными возможностями сети Интернет, скоростью передачи данных, возможностью моментального вывода похищенных денежных средств из-под юрисдикции Банка России и другими факторами.

Способы совершения и сокрытия преступлений с использованием криптовалюты совпадают для большинства сфер преступной деятельности.

Идентичными являются и этапы процесса легализации денежных средств с применением возможностей криптовалюты, а именно: получение денежных средств; подбор лиц, способствующих выводу денежных средств; движение денежных средств через счета номинальных владельцев (дропов); поступление денежных средств в криптообменные пункты; зачисление денежных средств на электронные кошельки; перевод денежных средств с электронных кошельков на счета в кредитных организациях, зарегистрированные на номинальных владельцев (дропов); вывод денежных средств в наличный оборот.

Изначально преступниками выстраивается алгоритм, с использованием которого они завладевают денежными средствами. Хищение денежных средств в большинстве случаев происходит путем обмана или злоупотребления

¹ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. – 2020. – 6 августа.

² Федеральный закон от 29 ноября 2024 г. № 418-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

доверием в отношении потерпевших, которые переводят денежные средства на указанные злоумышленниками счета или передают их курьерам (дропам). Организаторы такого вида преступной деятельности находятся за границей, как правило на территории Украины, Польши, Грузии и других недружественных государств. Для реализации преступного умысла в указанных странах создаются кол-центры, подбирается и обучается персонал.

Курьеры (дропы) отбираются преступниками заранее через закрытые чаты в темном сегменте Интернета или в мессенджере «Телеграм» с помощью объявлений с предложением удаленной работы.

Привлечение дропов позволяет преступникам перед переводом денежных средств в криптовалюту провести их через большое количество счетов номинальных владельцев, на которых они смешиваются в том числе с денежными средствами, находящимися в легальном обороте.

Долгое время в уголовном законодательстве не была предусмотрена ответственность для лиц, используемых в качестве дропов. Данные лица предоставляли за денежное вознаграждение злоумышленникам реквизиты своих банковских карт и счетов, которые в последующем использовались преступниками в проведении противоправных финансовых транзакций. В основном дропы понимали и осознали участие в реализации преступного умысла, но не считали именно свои действия противоправными. И для этого были объективные основания, поскольку криминализация данного деяния произошла только в июне 2025 года с изданием Федерального закона от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ³, вносящего соответствующие изменения в ст. 187 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Однако до момента обозначенных нами изменений законодательства, а именно криминализации действий дропов, в распоряжение злоумышленников уже попал огромный массив банковских карт, переданных ими гражданами.

Помимо этого, преступники начали активнее вовлекать несовершеннолетних в процесс обналичивания денежных средств, что обусловлено тем, что ранее с 14 лет банковские карты можно было оформить без согласия родителей или законных представителей.

Только с 1 августа 2025 года в соответствии с Федеральным законом от 24 июня 2025 г.

№ 178-ФЗ⁴ вступили изменения в ст. 26 Гражданского кодекса Российской Федерации, в рамках которых несовершеннолетним в возрасте от 14 до 18 лет для открытия банковского счета требуется согласие родителей, усыновителей или попечителя (за исключением случаев, когда такие несовершеннолетние приобрели дееспособность в полном объеме в соответствии с п. 2 ст. 21 или со ст. 27 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Данное ограничение, конечно, сыграет свою роль в снижении числа вовлеченных несовершеннолетних в деятельность по обналичиванию денежных средств, полученных преступным путем, но все же не исключит такие случаи, поскольку в соответствии с положениями ст. 20 УК РФ уголовной ответственности за противоправные деяния, предусмотренные ст. 158, 159, 187 УК РФ, подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления 16-летнего возраста. Этим активно пользуются злоумышленники, вовлекая несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет в совершение указанных преступлений в качестве курьеров (дропов), а также лиц, обеспечивающих на территории Российской Федерации функционирование инфраструктуры, позволяющей осуществлять деятельность мошеннических кол-центров на Украине.

При задержании несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет, совершивших противоправные деяния с установленной субъективной стороной, к ним не могут быть применены меры законодательного воздействия в силу недостижения ими возраста наступления уголовной ответственности.

Практика выявления преступлений, связанных с неправомерным изъятием похищенных в результате преступных деяний денежных средств, показывает, что после этапа завладения денежными средствами злоумышленники прибегают к услугам криптообменных пунктов для зачисления электронных денежных средств на электронные кошельки, перечисления средств с электронных кошельков на счета в кредитных организациях, зарегистрированные на номинальных владельцев (дропов), а затем выводят деньги в наличный оборот.

Денежные средства, поступившие в криптообменные пункты, разделяются преступниками на два потока: первый переводится в криптовалюту и остается в ней для хранения, второй вы-

³ Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2025. – 27 июня.

⁴ Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 178-ФЗ «О внесении изменений в часть первую и статью 846 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2025. – 27 июня.

водится в наличный оборот для дальнейшего использования в качестве оборотных средств в осуществлении преступной деятельности. Вывод в наличный оборот проходит через многоступенчатые финансовые схемы, чтобы скрыть истинное происхождение средств.

Как верно отмечает В.В. Красинский, «сложные финансовые схемы легализации неправомерно полученных денежных средств обеспечивают многократный разрыв связи между лицами, совершившими преступление, и движением указанных средств» [10, с. 106].

В дальнейшем используемые преступниками многоступенчатые механизмы вывода денежных средств не позволяют в полном объеме задокументировать преступный характер легализуемых финансовых активов.

Кроме того, поскольку координаторы данной преступной деятельности зачастую могут являться действующими или бывшими сотрудниками правоохранительных органов, если учесть их осведомленность о наличии открытых баз блокчейнов криптовалюты и успешную практику деанонимизации правоохранительными органами участников криптовалютных транзакций, преступники начинают использовать для вывода денежных средств криптовалюту повышенной анонимности и теневую финансовую инфраструктуру.

Элементами теневой финансовой инфраструктуры являются:

1. Нелегальные «серые» криптообменники – неофициальные сервисы, осуществляющие свою деятельность вне установленных регулятором в лице Банка России регламентов. Преступников они привлекают высокой степенью анонимности и простотой использования, не подразумевающей предоставление в Банк России каких-либо сведений о движении денежных средств. При использовании нелегальных «серых» обменников для преступников существует только один риск, выраженный в потере денежных средств, поскольку нелегальные криптообменники могут закрыться в любой момент.

2. Криптомиксеры – сервис, который позволяет смешивать цифровые активы разных пользователей в один общий пул, чтобы скрыть первоначальный источник и конечный пункт каждой транзакции. Таким образом создается довольно запутанный путь обмена финансовых активов, что позволяет скрывать преступное происхождение криптовалюты и делает невозможным отслеживание транзакций.

3. Теневые кроссчейн-мосты, позволяющие перемещать нелегальные и легальные цифровые активы из одного блокчейна в другой путем смешивания в криптокошельке на бирже

похищенных денежных средств граждан с переведенными в токены, имеющимися чистыми клиентскими средствами. Кроссчейн-мосты связаны с высокими рисками безопасности, в том числе и для преступников, из-за своей сложности и наличия множества потенциальных точек отказа в проведении транзакции. Этот сервис полагается на безопасность смарт-контентов, что делает их достаточно привлекательными для хакеров, которые, в свою очередь, могут похитить у преступников уже ранее похищенные денежные средства.

Уникальная архитектура технологии блокчейн, лежащая в основе криптовалюты, а также существующие элементы теневой финансовой инфраструктуры создают значительные препятствия для отслеживания незаконных финансовых актов.

Общение между сотрудниками криптообменников и заказчиками услуг по незаконному обналичиванию денежных средств осуществляется в основном через зашифрованные тематические форумы и чаты, расположенные в мессенджере «Телеграм». Опытные участники процесса криптообмена часто используют приложения для обмена личными сообщениями и браузер TOR, создавая сложную, практически неуязвимую сеть.

На первом этапе процесса криптообмена злоумышленниками денежные средства, переведенные в криптовалюту, перечисляются на депозитный адрес, которым в основном является блокчейн-кошелек. Стоит отметить, что псевдоанонимность биткойна и других криптовалют способствует этой форме отмывания денежных средств, поскольку транзакции можно отследить только до анонимного адреса, а не до конкретного получателя. После внесения криптовалюты преступники используют криптомиксеры, чтобы скрыть историю транзакций. Криптомиксеры, как нами указано ранее, смешивают криптовалюту одного пользователя с криптовалютой других пользователей, что делает отслеживание денежных средств, добытых преступным путем, практически невозможным. После использования криптомиксера, чтобы скрыть следы, денежные средства конвертируют в наличные или криптовалюту с низкой волатильностью. Для этой цели используется централизованная биржа или P2P-платформы, позволяющие совершать сделки напрямую, без участия третьей стороны в виде биржи или банка. Конвертация в фиатную валюту (например, российский рубль, доллар Соединенных Штатов Америки и т.п.) является конечной точкой транзакции. На данном этапе правоохранительным органам уже довольно сложно определить, ка-

кие средства поступили с незаконных адресов. Однако цифровые следы все еще остаются.

В дальнейшем денежные средства переводятся на заранее подготовленные счета, с которых, в том числе с использованием дропов, в последующем снимаются и выводятся в легальную экономику. Это ключевой момент в процессе легализации через криптовалюту денежных средств, добытых преступным путем, поскольку отследить операции с наличными гораздо сложнее, чем с их цифровыми аналогами.

Имеются положительные примеры пресечения данного вида противоправной деятельности. В 2024 году Главным управлением Министерства внутренних дел Российской Федерации по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области впервые в нашей стране начата и реализована практика пресечения противоправной деятельности, связанной с незаконной банковской деятельностью и неправомерным воздействием на значимые объекты критической инфраструктуры Российской Федерации, неправомерным доступом к охраняемой законом компьютерной информации кредитно-финансовых организаций в сетях необщего пользования, а также неправомерным оборотом средств платежей посредством интернет-площадок (криптобирж) UAPS, Cryptex («Криптекс») и др., осуществляющих обменные операции в криптовалюте.

В результате пресечения противоправной деятельности задержаны организаторы и участники преступного сообщества, изъяты полученные незаконный доход от противоправной деятельности в размере 1,8 млрд рублей, а также другие ценности (предметы антиквариата). Возбуждено уголовное дело № 12402450048000149 по чч. 1, 2 ст. 210 УК РФ, пп. «а», «б», ч. 2 ст. 172 УК РФ, ч. 3 ст. 272 УК РФ, ч. 2 ст. 187 УК РФ.

На основе анализа сложившейся практики выявления преступлений, связанных с неправомерным изъятием похищенных в результате

преступных деяний денежных средств посредством их перевода в криптовалюту, нами выявлены признаки данного вида противоправной деятельности:

- наличие нелегальных «серых» криптообменников;
- установленное скопление большого числа статичных сим-карт и ID-устройств в одном месте, на которые не поступают звонки (используется только интернет-трафик);
- СМС и пуш-уведомления, регулярно поступающие на сим-карты лиц, причастных к преступной деятельности;
- использование лицами, причастными к преступной деятельности, одних и тех же ID-устройств для управления сим-картами и онлайн-банками;
- ежедневное снятие определенными лицами в одних и тех же банкоматах крупных сумм;
- наличие в сети Интернет большого количества объявлений о предоставлении на территории соответствующих услуг, а также о проведении лекций (семинаров) о заработке в области P2P-платежей и т.п.;
- большое количество выданных на одной территории доверенностей на одних и тех же поверенных.

Заключение. Криптообменники предлагают достаточно простой и доступный способ приобретения криптовалюты, что способствует росту их популярности в том числе среди преступников, легализующих доходы, полученные преступным путем. В то же время мы видим, что, несмотря на использование криптовалюты и криптообменников, документировать данную преступную деятельность возможно, поскольку присутствует цифровой след такой деятельности. Несомненно, это требует более тщательного подхода правоохранительных органов к сбору доказательной базы и установлению фактов противоправной деятельности лиц, связанных с крипторынком.

Литература

1. **Плотникова Т.В., Харин В.В.** Криптовалюта: эволюция становления и перспектива развития // Проблемы в российском законодательстве. – 2018. – № 4. – С. 50–54.
2. **Амелин Р.В., Чаннов С.Е.** Эволюция права под воздействием цифровых технологий. – Москва: Норма, 2023. – 280 с.
3. **Виноградова М.М.** Возможности судебной экономической экспертизы при расследовании преступлений, связанных с оборотом криптовалюты // Российский следователь. – 2024. – № 8. – С. 2–5.
4. **Тисен О.Н.** Механизм совершения преступлений с использованием криптовалют: по результатам анализа следственной и судебной практики // Российский следователь. – 2024. – № 5. – С. 7–11.
5. **Грибунов О.П., Усачев С.И., Усачева Е.А.** Криптовалюта и иные виртуальные активы как феномен современной преступности: проблемы раскрытия, расследования и предупреждения // Российский следователь. – 2024. – № 4. – С. 7–12.
6. **Жадяева М.А., Янина И.Ю.** Современное состояние состава легализации (отмывания) денежных средств, полученных преступным путем // Российский следователь. – 2022. – № 7. – С. 35–38.

7. **Долгиева М.М.** Легализация криптовалюты: судебная практика // Законность. – 2021. – № 3. – С. 50–54.
8. **Русскевич Е.А., Малыгин И.И.** Преступления, связанные с обращением криптовалют: особенности квалификации // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – № 3. – С. 106–125.
9. **Григорьева Н.В.** Меры, направленные на предупреждение использования цифровых активов в преступных целях // Современное право. – 2024. – № 5. – С. 83–85.
10. **Красинский В.В.** Противодействие финансированию наркобизнеса и отмыванию преступных доходов с использованием криптовалют // Современное право. – 2025. – № 4. – С. 105–111.

References

1. **Plotnikova T.V., Kharin V.V.** Kriptovalyuta: evolyutsiya stanovleniya i perspektiva razvitiya // Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. – 2018. – № 4. – С. 50–54.
2. **Amelin R.V., Channov S.E.** Evolyutsiya prava pod vozdeistviem tsifrovyykh tekhnologii. – Moskva: Norma, 2023. – 280 s.
3. **Vinogradova M.M.** Vozmozhnosti sudebnoi ekonomicheskoi ekspertizy pri rassledovanii prestuplenii, svyazannykh s oborotom kriptovalyuty // Rossiiskii sledovatel'. – 2024. – № 8. – С. 2–5.
4. **Tisen O.N.** Mekhanizm soversheniya prestuplenii s ispol'zovaniem kriptovalyut: po rezul'tatam analiza sledstvennoi i sudebnoi praktiki // Rossiiskii sledovatel'. – 2024. – № 5. – С. 7–11.
5. **Gribunov O.P., Usachev S.I., Usacheva E.A.** Kriptovalyuta i inye virtual'nye aktivy kak fenomen sovremennoi prestupnosti: problemy raskrytiya, rassledovaniya i preduprezhdeniya // Rossiiskii sledovatel'. – 2024. – № 4. – С. 7–12.
6. **Zhadyaeva M.A., Yanina I.Yu.** Sovremennoe sostoyanie sostava legalizatsii (otmyvaniya) denezhnykh sredstv, poluchennykh prestupnym putem // Rossiiskii sledovatel'. – 2022. – № 7. – С. 35–38.
7. **Dolgieva M.M.** Legalizatsiya kriptovalyuty: sudebnaya praktika // Zakonnost'. – 2021. – № 3. – С. 50–54.
8. **Ruskevich E.A., Malygin I.I.** Prestupleniya, svyazannye s obrashcheniem kriptovalyut: osobennosti kvalifikatsii // Pravo. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki. – 2021. – № 3. – С. 106–125.
9. **Grigor'eva N.V.** Mery, napravlennye na preduprezhdenie ispol'zovaniya tsifrovyykh aktivov v prestupnykh tselyakh // Sovremennoe pravo. – 2024. – № 5. – С. 83–85.
10. **Krasinskii V.V.** Protivodeistvie finansirovaniyu narkobiznesa i otmyvaniyu prestupnykh dokhodov s ispol'zovaniem kriptovalyut // Sovremennoe pravo. – 2025. – № 4. – С. 105–111.

(статья сдана в редакцию 23.09.2025)

**РАСКРЫТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ
С БАНКРОТСТВОМ ПРЕДПРИЯТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ**

**SOLVING CRIMES RELATED TO THE BANKRUPTCY
OF ENTERPRISES AND ORGANIZATIONS**

УДК 34.096

Е.А. ГЛУШКОВ,

кандидат юридических наук
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
opr1@inbox.ru

EVGENY L. GLUSHKOV,

Candidate of Law
(Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

И.Н. ОЗЕРОВ,

кандидат юридических наук, доцент
(Московская академия Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева,
Россия, Москва)
79092026466@yandex.ru

IGOR N. OZEROV,

Candidate of Law, Associate Professor
(Sukharev Moscow academy
of the Investigative Committee,
Moscow, Russia)

Аннотация: в статье рассматриваются преступления, связанные с процедурой банкротства, включая преднамеренное и фиктивное банкротство, а также неправомерные действия при банкротстве. Особое внимание уделено мерам оперативно-разыскной деятельности, направленным на выявление, пресечение и раскрытие подобных преступлений. Представлен анализ действующего законодательства, судебной практики и проблем взаимодействия следственных органов с оперативными подразделениями. Авторами определены основные задачи оперативно-разыскной деятельности по раскрытию неправомерных банкротств с целью сбора и закрепления информации о фактах подготовки и совершения иных сопутствующих преступлений в сфере банкротства предприятий и организаций. По мнению авторов, эффективность оперативно-разыскной деятельности зависит от синергии методов цифровой криминалистики, классического агентурного розыска и криминалистического анализа документов. Определены и рассмотрены основные причины низкой выявляемости и раскрываемости незаконных банкротств, а также предложены меры совершенствования оперативно-разыскной деятельности по противодействию незаконному банкротству предприятий и организаций, особенно в современных условиях, с учетом технологичности схем и активного использования преступниками организованных конспиративных приемов. Авторы считают, что только системный и комплексный подход к созданию специализированных подразделений, информационных платформ и постоянное повышение квалификации оперативных сотрудников, следователей, экспертов позволит существенно повысить раскрываемость криминального банкротства.

Ключевые слова: банкротство, раскрытие преступлений, оперативно-разыскная деятельность, преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство, неправомерные действия при банкротстве.

Для цитирования: Глушков Е.Л., Озеров И.Н. Раскрытие преступлений, связанных с банкротством предприятий и организаций // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2025. – № 4. – С. 26–30.

Abstract: this article examines bankruptcy-related crimes, including intentional and fraudulent bankruptcy, as well as unlawful actions during bankruptcy. Particular attention is paid to investigative measures aimed at identifying, preventing, and solving such crimes. An analysis of current legislation, judicial practice, and the interactions between investigative bodies and operational units is presented. The authors identify the key objectives of investigative operations to uncover unlawful bankruptcies with the goal of collecting and securing information on the preparation and commission of other related crimes in the bankruptcy of enterprises and organizations. According to the authors, the effectiveness of investigative operations depends on the synergy of digital forensics, traditional undercover investigation, and forensic document analysis. The

main reasons for the low detection and clearance rates of illegal bankruptcies are identified and examined, and measures are proposed to improve operational investigative activities to combat illegal bankruptcies of enterprises and organizations, especially in today's environment, given the technological advancement of these schemes and the active use of organized conspiracy tactics by criminals. The authors believe that only a systematic and comprehensive approach to creating specialized units, information platforms, and continuous training for operational officers, investigators, and experts will significantly improve the clearance rate of criminal bankruptcies.

Keywords: bankruptcy, solving crimes, law enforcement intelligence operations, deliberate bankruptcy, fictitious bankruptcy, illegal actions in bankruptcy proceedings.

For citation: Glushkov E.L., Ozerov I.N. Solving crimes related to the bankruptcy of enterprises and organizations // Problems of Law Enforcement Activity. – 2025. – № 4. – P. 26–30.

Преступления в сфере банкротства на сегодняшний день представляют собой одну из наиболее сложных и скрытых форм экономической преступности.

По данным Федеральной налоговой службы, только в 2024 г. было выявлено свыше 6212 фактов преднамеренного и фиктивного банкротства, тогда как возбуждено уголовных дел менее 1200 (менее 27%), что является явным свидетельством высокой латентности таких правонарушений. Количество намерений кредиторов обратиться в суд с заявлениями о банкротстве компаний упало на 25% по сравнению с предыдущим годом¹. Масштаб проблемы усугубляется тем, что преступники зачастую действуют в составе организованных групп, используют сложные корпоративные и финансовые схемы, а при минимальном объеме сведений остаются незамеченными длительное время.

В современной России рост числа банкротств обусловлен не только объективными экономическими предпосылками, но и распространением «криминальных банкротств» – преднамеренного доведения до несостоятельности конкурентоспособных организаций с целью захвата активов или ухода от обязательств перед кредиторами. Фиктивное банкротство используется для вывода активов через цепочки подконтрольных фирм-прокладок, что порождает у кредиторов и государства многомиллиардные убытки.

Так, С.Н. Сычев указывает, что преступления по ст. 195–197 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) мало изучены, при том что ущерб «исчисляется миллионами, а к ответственности привлекаются единицы» [1, с. 6].

С учетом сложности доказательства состава таких преступлений (отсутствие прямых доказательств вывода активов, высокая технологичность схем и сознательное сокрытие информации) опе-

ративно-разыскная деятельность (далее – ОРД) выступает ключевым звеном в механизме их выявления. Задача нашей статьи – проанализировать специфику оперативно-разыскного подхода к раскрытию и расследованию преступлений в сфере банкротства предприятий и организаций, выявить основные проблемы и предложить пути совершенствования действий правоохранительных органов.

В главу 22 УК РФ входят три латентных состава:

– ст. 195 УК РФ «Неправомерные действия при банкротстве» – материальный состав, требующий доказательства фактической неплатежеспособности должника и действий, препятствующих удовлетворению требований кредиторов (например, умышленное сокрытие активов)²;

– ст. 196 УК РФ «Преднамеренное банкротство», которая указывает на умысел доведения до несостоятельности, когда причиной банкротства выступают умышленные действия (подписание убыточных сделок, невнесение изменений в учредительные документы)³;

– ст. 197 УК РФ «Фиктивное банкротство», которое заключается в подаче заведомо ложных сведений о задолженности или наличии имущества, оформлении «притворных» договоров с целью создания иллюзии неплатежеспособности без фактического экономического кризиса⁴.

Основная трудность квалификации – разграничение ст. 195 и 196 УК РФ, требующее оценки целей субъекта: если деяния приводят к непла-

¹ Опубликована статистика по банкротствам за 2024 год [Электронный ресурс]. – URL: <https://rvzrus.ru/news/2791#sthsh.SvSdCRjZ.dpuf>

² Комментарий к статье 195 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] // Образовательный портал. – URL: <https://research.pravo.ru/listing/bankrotstvo-krupnye-praktiki-bolee-30-proektov/>

³ Комментарий к статье 196 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] // Образовательный портал. – URL: <https://00.pravo.ru/award/search/?AwardSearch%5Bawardee%5D=1&AwardSearch%5Bquery%5D=комментарий>

⁴ Комментарий к статье 197 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] // Образовательный портал. – URL: <https://300.pravo.ru/award/search/?AwardSearch%5Bawardee%5D=1&AwardSearch%5Bquery%5D=197>

тежеспособности и направлены на ее достижение, применяется ст. 196 («Преднамеренное банкротство»), иначе – ст. 195 («Неправомерные действия»). Дискуссионным остается вопрос об отнесении определенных действий к фиктивному банкротству, что требует доказательства умысла и искусственности процедуры банкротства.

Судебная практика показывает, что в 70% дел обвиняемые изначально привлекаются просто по мошенничеству (ст. 159 УК РФ) или присвоению или растрате (ст. 160 УК РФ), а уже затем прокуратура квалифицирует дело по специальными статьями о банкротстве, что увеличивает срок предварительного расследования и затягивает привлечение к ответственности. Оперативные сотрудники должны понимать, какие обстоятельства подлежат установлению и доказыванию по делам о криминальных банкротствах, это зависит от того, какое именно преступление совершено: неправомерные действия при банкротстве, фиктивное или преднамеренное банкротство [2, с. 85].

Безусловно, считаем, что ОРД призвана обеспечить сбор и закрепление информации о фактах подготовки и совершения преступлений в сфере банкротства предприятий и организаций до возбуждения уголовного дела. К основным ее задачам отнесем:

1. Выявление оперативных признаков – анализ открытых реестров (ЕГРЮЛ, ЕФРСБ), выявление резкой смены собственников, возникновения новых аффилированных фирм-прокладок, дробления задолженностей на несколько юридических лиц.

2. Сбор агентурной информации – привлечение информаторов в среде арбитражных управляющих, бухгалтеров, контролеров, что позволяет получать сведения о договоренностях сторон и реальном ходе процедуры банкротства.

3. Наблюдение и скрытое документирование – фото- и видеофиксация передачи документов, встреч, фиксация работы «несуществующих» служб доставки и курьеров при передаче подложных документов.

4. Контроль финансовых потоков – совместно с Росфинмониторингом и банками выявление подозрительных операций, множественных безналичных переводов с последовательным обналичиванием через «подконтрольные кассы».

5. Оперативный эксперимент и инсценировка – организация сделок с участием оперативных сотрудников экономической безопасности и противодействия коррупции (далее – ЭБиПК) в роли кредиторов или покупателей активов злоумышленников, что позволяет зафиксировать их готовность к противоправным операциям.

По нашему мнению, эффективность ОРД зависит от синергии методов цифровой криминали-

стики, классического негласного розыска и криминалистического анализа документов. Однако до сих пор оперативники ЭБиПК недостаточно обучены навыкам работы с бухгалтерскими программами 1С и SAP, что снижает глубину первичного анализа. Исходя из вышеизложенного сотрудники оперативных подразделений должны понимать, где искать материальные и идеальные следы криминальных банкротств, а также как наиболее эффективно это сделать с использованием оперативно-розыскного инструментария. Ответ на первый вопрос лежит в плоскости обоснования и раскрытия направлений оперативного поиска названных преступлений и признаков, на основе которых осуществляется оперативное распознавание и вычленение из реальных фактов объективной действительности обстоятельств, свидетельствующих о совершении неправомерных действий при банкротстве, преднамеренного и фиктивного банкротства.

В.Ф. Луговик при обозначении направлений оперативного поиска предлагает придерживаться позиции, что они должны определяться местом и средой, где целесообразно проводить поисковые мероприятия [3, с. 71]. А.Г. Маркушин приходит к выводу, что оперативно-розыскные мероприятия, направленные на выявление лиц и фактов, представляющих оперативный интерес, целесообразно осуществлять в местах концентрации лиц, представляющих оперативный интерес, и местах вероятного сбыта похищенного имущества; среди граждан, проживающих на обслуживаемой органами внутренних дел территории; в криминальных группах; на обслуживаемых объектах (в отраслях); среди лиц, привлекавшихся к ответственности за совершение преступления [4, с. 130–131]. Полагаем, что данная классификация носит обобщающий характер, может быть применима ко всем преступлениям, но требует конкретизации и уточнения при анализе неправомерных действий при банкротстве, преднамеренном и фиктивном банкротстве.

Анализируя практическую деятельность по противодействию неправомерным банкротствам, можно выделить наиболее типичные незаконные схемы:

– передачу активов на подконтрольные компании через фиктивные договоры поставки или займа;

– дробление долгов на малозначительные суммы (чтобы не привлекать внимания кредиторов и контролеров);

– нарушение правил публикации сведений о банкротстве.

В практике МВД России в отдельных региональных подразделениях есть успешные кейсы раскрытия незаконных банкротств предприятий и

организаций: в 2022 г. в г. Самаре раскрыта группа, организовавшая фиктивное банкротство крупного завода, вывод средств на сумму более 1 млрд рублей через цепочку из 23 фирм-прокладок. Благодаря сочетанию агентурных сведений и анализа банковских операций удалось задокументировать преступление и задержать организаторов до полной передачи активов. Но такие примеры скорее исключение – в целом раскрываемость преднамеренного банкротства по ст. 196 УК РФ не превышает 5% от числа выявленных признаков банкротства, а фиктивного (ст. 197 УК РФ) – около 3%⁵.

Опираясь на данные проведенного исследования, к основным причинам низкой выявляемости и раскрываемости незаконных банкротств отнесем:

1. Отсутствие единой методики оперативно-разыскной работы в экономической сфере, что приводит к разрозненным подходам и слабой координации между подразделениями МВД России, ФСБ России и ФНС России.

2. Низкая техническая оснащенность – нет единых информационных платформ для обмена данными о подозрительных сделках и участниках банкротств.

3. Недостаточная квалификация – оперуполномоченные и следователи часто ориентированы на традиционные преступления (убийства, кражи) и не имеют опыта в финансовом анализе сложных схем.

4. Сложность доказывания – суды требуют детального доказывания умысла, причинно-следственной связи между действиями и банкротством, что затягивает слушания и снижает мотивацию правоохранителей к доведению дел до суда.

5. Рост профессионализма и организованности лиц, совершающих преступления против собственности, и увеличение противодействия оперативным подразделениям [5, с. 143].

В целях совершенствования ОРД по противодействию незаконным банкротствам предлагаем:

1. Создать специализированные структурные подразделения при Главном управлении экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России, включая аналитические группы с экспертами по бухгалтерии и цифровой криминалистике.

⁵ Проведенный анализ на основе данных, полученных в ГИАЦ МВД России.

2. Внедрить единую информационную платформу – аналог «Антанты» или SORM, адаптированную под экономические преступления, где оперуполномоченные, налоговые инспекторы и финансовые аудиторы могли бы обмениваться данными о подозрительных операциях и аффилированных структурах в режиме реального времени.

3. Автоматизировать анализ рисков через использование машинного обучения – алгоритмы на основе исторических данных выявляют шаблоны фиктивных банкротств, формируют «стоп-листы» компаний для приоритетных проверок.

4. Системно повышать квалификацию сотрудников – ввести в основные и дополнительные образовательные программы образовательных организаций МВД России курсы (модули) по финансовой криминалистике, работе с бухгалтерскими системами и судебно-финансовой экспертизе.

5. Главному управлению экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России предусмотреть единые рекомендации по организации оперативно-разыскных мероприятий для противодействия незаконному банкротству предприятий и организаций, включая алгоритмы действий, чек-листы для экспертов и формы отчетности.

6. Стремиться к повышению правовой ответственности – расширить нормы о субсидиарной ответственности руководителей за сокрытие сведений о банкротстве, что создаст дополнительный сдерживающий эффект.

Раскрытие преступлений в сфере банкротства предприятий (организаций) требует глубокой интеграции оперативно-разыскных и следственных мер, усиленного взаимодействия с финансовыми и налоговыми органами, а также внедрения современных цифровых инструментов анализа. В условиях высокой технологичности схем и активного использования преступниками конспиративных приемов только системный подход (создание специализированных подразделений, информационных платформ и постоянное повышение квалификации кадров) позволит существенно увеличить раскрываемость преднамеренного и фиктивного банкротства. В конечном счете это укрепит экономическую безопасность государства и защитит права кредиторов и добросовестных контрагентов.

Литература

1. **Сычев С.Н.** Методика расследования криминального банкротства: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2012. – 225 с.
2. **Серова Е.Б.** Обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию по делам о криминальных банкротствах // Криминалистика. – 2012. – № 2 (11). – С. 85–90.

3. **Луговик В.Ф.** Информационное обеспечение деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел по раскрытию преступлений: монография. – Омск: Омская академия МВД России, 2005. – 204 с.
4. **Маркушин А.Г.** Оперативно-розыскная деятельность – необходимость и законность: монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – Нижний Новгород, 1997. – 360 с.
5. **Павличенко Н.В., Софронов В.Н.** Оперативно-розыскная профилактика преступлений против собственности: теоретические подходы к пониманию сущности // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2009. – № 3 (5). – С. 140–145.
6. **Бабеева Ю.Г., Грудцына Л.Ю.** Уголовно-правовое противодействие криминальному банкротству в Российской Федерации // Уголовное право. – 2023. – № 11. – С. 273–280.
7. **Крохин Р.И.** Новые криминальные банкротства в российском уголовном праве: два года после изменений // Юридический вестник. – 2024. – № 4. – С. 140–149.
8. **Ефимов А.П.** Финансовая разведка и банкротства: правовые подходы. – Москва: Проспект, 2023. – 374 с.
9. **Батаев С.Б.** О фальсификации при банкротстве / Противодействие преступлениям в сфере экономической деятельности: материалы Всероссийской научно-практ. конф. (Новосибирск, 20 марта 2024 г.) / Мос. akad. следств. ком. им. А.Я. Сухарева. – Москва, 2024. С. 5–12.
10. **Азизов М.М.** Объективная сторона преступления, предусмотренного статьей 196 Уголовного кодекса Российской Федерации (преднамеренное банкротство) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – № 2. – С. 144–150.

References

1. **Sychev S.N.** Metodika rassledovaniya kriminal'nogo bankrotstva: dis. ... kand. yurid. nauk. – Moskva, 2012. – 225 s.
2. **Serova E.B.** Obstoyatel'stva, podlezhashchie ustanovleniyu i dokazyvaniyu po delam o kriminal'nykh bankrotstvakh // Kriminalist". – 2012. – № 2 (11). – С. 85–90.
3. **Lugovik V.F.** Informatsionnoe obespechenie deyatel'nosti operativnykh podrazdelenii organov vnutrennikh del po raskrytiyu prestuplenii: monografiya. – Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2005. – 204 s.
4. **Markushin A.G.** Operativno-rozysknaya deyatel'nost' – neobkhodimost' i zakonnost': monografiya. – 2-e izd., pererab. i dop. – Nizhnii Novgorod, 1997. – 360 s.
5. **Pavlichenko N.V., Sofronov V.N.** Operativno-rozysknaya profilaktika prestuplenii protiv sobstvennosti: teoreticheskie podkhody k ponimaniyu sushchnosti // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2009. – № 3 (5). – С. 140–145.
6. **Babaeva Yu.G., Grudtsyna L.Yu.** Ugolovno-pravovoe protivodeistvie kriminal'nomu bankrotstvu v Rossiiskoi Federatsii // Ugolovnoe pravo. – 2023. – № 11. – С. 273–280.
7. **Krokhin R.I.** Noveye kriminal'nye bankrotstva v rossiiskom ugolovnom prave: dva goda posle izmenenii // Yuridicheskii vestnik. – 2024. – № 4. – С. 140–149.
8. **Efimov A.P.** Finansovaya razvedka i bankrotstva: pravovye podkhody. – Moskva: Prospekt, 2023. – 374 s.
9. **Bataev S.B.** O fal'sifikatsii pri bankrotstve / Protivodeistvie prestupleniyam v sfere ekonomicheskoi deyatel'nosti: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakt. konf. (Novosibirsk, 20 marta 2024 g.) / Mos. akad. sledstv. kom. im. A.Ya. Sukhareva. – Moskva, 2024. С. 5–12.
10. **Azizov M.M.** Ob'ektivnaya storona prestupleniya, predusmotrennogo stat'ei 196 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii (prednamerennoe bankrotstvo) // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. – 2011. – № 2. – С. 144–150.

(статья сдана в редакцию 05.11.2025)

**МЕТОДЫ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ТРАНСФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ
ЦИФРОВИЗАЦИИ**

**METHODS OF LAW ENFORCEMENT INTELLIGENCE
OPERATIONS: THEORETICAL BASIS OF TRANSFORMATION
IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION**

УДК 343.1

В.Ю. ЖАНДРОВ,

кандидат юридических наук, доцент
(Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя,
Россия, Москва)
vaisvladimir74@gmail.com

VLADIMIR YU. ZHANDROV,

Candidate of Law, Associate Professor
(Kikot Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia)

Аннотация: статья предлагает авторский подход к формированию системы методов оперативно-разыскной деятельности, отвечающей потребностям теории и практики противодействия киберпреступности. Опираясь на классическую доктрину оперативно-разыскной науки о соотношении методов и мероприятий с применением обобщения, анализа и синтеза, а также учитывая закономерности эволюции криминальной ситуации в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий, автор обосновывает необходимость обновления понятийного аппарата и перегруппировки методов оперативно-разыскной деятельности. Предлагается перечень методов, адаптированных к решению правоохранительных задач в условиях цифровизации, а именно: метод оперативного электронного наблюдения, метод цифрового оперативного поиска (включая OSINT и элементы аналитической разведки), киберагентурный метод (агентурные кибероперации), а также метод эксперимента в цифровой среде. Их интеграция в единую систему позволяет увязать содержательную сторону оперативного познания с нормативно определенными оперативно-разыскными мероприятиями, повысить тактическую вариативность и обеспечить непрерывность контроля в киберпространстве при соблюдении правовых гарантий и требований допустимости электронных доказательств. Показано, что предложенная модель усиливает методическую целостность подготовки кадров, обеспечивает воспроизводимость практик и открывает возможности для дальнейшей регламентации цифровых форм оперативной деятельности. Принятие данного подхода призвано компенсировать дефицит инструментов реагирования на цифровые криминальные угрозы, повысить эффективность выявления и пресечения преступлений, совершаемых с использованием современных технологий, и создать основу для системного развития оперативно-разыскной деятельности в условиях цифровой трансформации.

Ключевые слова: методы оперативно-разыскной деятельности, киберпреступность, электронное наблюдение, агентурный метод, оперативный эксперимент, аналитическая разведка.

Для цитирования: Жандров В.Ю. Методы оперативно-разыскной деятельности: теоретическая основа трансформации в условиях цифровизации // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2025. – № 4. – С. 31–40.

Abstract: the article offers the author's approach to the formation of a system of law enforcement intelligence operations that meets the needs of the theory and practice of countering cybercrime. Based on the classical doctrine of operational investigative science on the relationship between methods and activities, using generalization, analysis and synthesis, and taking into account the patterns of evolution of the criminal situation in the context of the development of information and telecommunication technologies, the need to update the conceptual apparatus and regroup the operational investigative activity methods is substantiated. A list of methods adapted to solving law enforcement problems in the context of digitalization is proposed: the method of operational electronic surveillance, the method of digital operational search (including OSINT and elements of analytical intelligence), the cyber agent method (undercover cyber operations), and the method of experiment in the digital environment. Their integration into a single system allows us to link

the substantive side of operational knowledge with regulatory defined operational investigative activities, increase tactical variability and ensure continuity of control in cyberspace while observing legal guarantees and requirements for the admissibility of electronic evidence. It is shown that the proposed model enhances the methodological integrity of personnel training, ensures the reproducibility of practices and opens up opportunities for further regulation of digital forms of operational activities. The adoption of this approach is intended to compensate for the lack of tools for responding to digital criminal threats, increase the efficiency of identifying and suppressing crimes committed using modern technologies, and create a basis for the systemic development of operational activities in the context of digital transformation.

Keywords: methods of law enforcement intelligence operations, cybercrime, electronic surveillance, agent method, operational experiment, analytical intelligence.

For citation: Zhandrov V.Yu. Methods of law enforcement intelligence operations: theoretical basis of transformation in the conditions of digitalization // Problems of Law Enforcement Activity. – 2025. – № 4. – P. 31–40.

Глубоко проникающая в общественные отношения цифровизация повлекла за собой существенную трансформацию форм и способов преступной деятельности и породила острую необходимость адаптации всей правоохранительной деятельности к новым криминальным вызовам. В условиях активного использования криминалитетом технологий телекоммуникации, анонимизированных сервисов, криптовалютных транзакций и распределенных сетевых технологий традиционные средства и способы оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) оказываются малоэффективными в противодействии преступлениям, совершаемым с использованием современных цифровых технологий.

Обострение киберугроз становится устойчивой характеристикой криминальной ситуации в России: в 2024 году количество киберпреступлений показало рост более чем на 17%, три четвертых из них совершены с использованием методов социальной инженерии и цифровых средств анонимизации. Похожая картина криминологической динамики наблюдается и в зарубежной практике: согласно отчету Федерального бюро расследований США в 2024 году через Центр обращений по фактам киберпреступлений (IC3) зарегистрировано 880 418 жалоб, а совокупный ущерб от преступной деятельности составил рекордные 16,6 млрд долларов США¹.

Статистические показатели свидетельствуют о неуклонном росте и расширении масштабов киберугроз, усложнении преступных схем, применяемых в цифровой среде. В этой связи на первый план выходят две основные проблемы, первая из которых заключается в объективной недостаточности имеющихся у оперативных подразделений инструментов реагирования на

цифровые угрозы, а вторая связана с отсутствием концептуально нового подхода к противодействию преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ).

На этом фоне серьезную озабоченность вызывает отставание теоретико-методологической базы оперативно-разыскной науки от практических реалий: действующая нормативная конфигурация, обеспечивающая ОРД, в значительной степени ориентирована на аналоговую среду и не охватывает специфические аспекты кибероперативной работы, требующие использования технологий дистанционного доступа, автоматизированного сбора данных, электронной маскировки и т.д. Это подтверждает возрастание научной и практической значимости разработки подхода, позволяющего адаптировать ОРД к новым вызовам цифровой эпохи. Перечень оперативно-разыскных инструментов, их выбор и порядок применения в меняющихся условиях цифровой трансформации коммуникационной среды нуждается в прочной теоретической основе, позволяющей строить работу системно, учитывая необходимое «преломление» методов ОРД в информационно-телекоммуникационной среде, а вместе с ними и оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ).

Несмотря на отсутствие в законодательстве Российской Федерации закрепленного перечня методов ОРД, в научной доктрине сложилось устойчивое представление о методе как целостной, логически и тактически структурированной совокупности приемов и форм воздействия, направленных на достижение целей ОРД. Среди фундаментальных трудов, заложивших теоретические основания исследования категории метода ОРД и его разграничения с ОРМ, особое значение имеют работы таких авторов, как В.Н. Омелин, Н.С. Железняк и А.Е. Чечетин и др.

¹ Internet Crime Report 2024 / FBI Internet Crime Complaint Center (IC3). – Washington, D.C.: Federal Bureau of Investigation, 2025 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ic3.gov/AnnualReport/Reports/2024_IC3Report.pdf (дата обращения: 08.07.2025).

В рамках принятой теоретической концепции В.Н. Омелин обосновывает необходимость разграничения понятия метода и ОРМ исходя из их различной правовой и логической природы. Как отмечает исследователь, методы ОРД представляют собой сложную и многогранную систему логически взаимосвязанных приемов, реализуемых субъектами ОРД для достижения целей, поставленных законом, в то время как ОРМ являются закрепленными в законодательстве формами реализации этих методов [1, с. 143]. Развивая исследовательскую позицию, автор настаивает на необходимости нормативного различения данных категорий, подчеркивая при этом самостоятельную научную значимость «метода» как формы оперативного познания, отличающейся вариативностью, внутренней логикой и функциональной гибкостью.

Следуя по пути научной логики совместно с Т.В. Астишиной, исследователи приходят к выводу о том, что под методами ОРД следует понимать «комплексы тактически однородных, научно обоснованных разведывательно-поисковых приемов и способов, избираемых и используемых с учетом сложившейся оперативно-разыскной ситуации и конкретных фактических обстоятельств в целях решения оперативно-разыскных задач» [2, с. 45]. Сформулированное понятие позволяет вывести методы ОРД за рамки исключительно приемов, выразить их как систему тактически упорядоченных действий, направленных на решение оперативных задач и опирающихся на научные основания и профессиональную апробацию.

Выработанный подход позволяет сформировать представление о методах как относительно самостоятельной научной категории, отличной по своей сущности от ОРМ, которые, в свою очередь, обладают нормативной закрепленностью, фиксированы в законе и строго ограничены по содержанию и процессуальной форме. В отличие от ОРМ, закрепленных в ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»², методы не имеют нормативного регулирования и потому выступают в качестве содержательной формы реализации задач оперативного поиска, определяя логику и тактику действий, а не только их правовую форму. Концепция В.Н. Омелина и Т.В. Астишиной предполагает, что методы по своей сути формируются в процессе длительной практики и научного осмысления, в то время как мероприятия лишены этого обобщения. Это разграничение принципиально для теоретического выделения новых форм оперативной деятельно-

сти: «методы всегда реализуются в конкретных организационно-тактических формах... Важнейшей правовой формой применения методов ОРД являются ОРМ» [2, с. 44].

Таким образом, метод выступает не как альтернатива ОРМ, а как надстройка над конкретными действиями, объединяющая их в единую логическую структуру. Смещение этих двух категорий (метода и мероприятия) приводит к методологическим ошибкам и затрудняет как правоприменение, так и научное развитие отрасли. Именно через категорию метода может быть описана и обоснована та часть оперативной деятельности, которая не охватывается нормативными рамками мероприятий, но при этом активно реализуется на практике, в том числе с использованием современных технических и цифровых средств.

Следуя в русле схожих рассуждений, Н.С. Железняк утверждает, что метод необходимо рассматривать в качестве логико-организационной формы реализации оперативных задач, такой категории, которая характеризуется воспроизводимостью и вариативностью реализации в отличие от ОРМ [3, с. 32]. В рамках теоретических воззрений автора оказывается вывод о том, что методы ОРД в целом требуются определять как совокупность выработанных практикой способов решения частных задач ОРД, в то время как ОРМ являются совокупностью действий.

В целом той же теоретической позиции придерживается и А.Е. Чечетин, предложивший многоуровневую структуру оперативного воздействия, которую образуют не совпадающие по своему значению мероприятия, действия и меры и в которой метод выполняет роль родовой по отношению к мероприятию и действиям категории, что позволяет сформировать единую тактическую систему воздействия. Согласно авторскому подходу законодательное определение ОРД, основанное исключительно на перечне ОРМ, не охватывает всего ее содержания. Соответственно, необходимо исходить из положения, что в состав ОРД входят и иные структурные элементы, включая действия организационно-тактического и информационно-аналитического характера, а также применение методов, которые не находят прямого отражения в законе, но являются неотъемлемой составляющей оперативной практики [4, с. 54–55].

Анализируя системную природу ОРД, В.Г. Бобров пришел к заключению, что в ее содержании наличествуют разные уровни – от организационно-управленческого до оперативно-тактического, поэтому данная деятельность не исчерпывается перечнем мероприятий, установленным законом. По его мнению, в состав ОРД входят также методы и иные действия, не имеющие

² Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

нормативной формы, но обеспечивающие практическое исполнение задач выявления и пресечения преступлений [5, с. 137].

Следуя тенденции развития теории ОРД как особой области практического знания, в том же разграничительном ключе методов и мероприятий формируют свои исследования понятийного аппарата В.А. Лукашов [6], Г.К. Синилов [7], А. Ю. Шумилов [8], Е.А. Митрофанов и С.С. Овчинский [9]. Накопленный исследовательский материал свидетельствует, что метод в качестве научной категории подвергался глубокой разработке теории ОРД, что позволило создать основу его соотношения с ОРМ как теоретической модели и конкретной формы ее практической реализации. Иными словами, ОРМ – это всегда действия, реализуемые в рамках закона и подлежащие контролю судебных и прокурорских органов. Метод же может охватывать разные ОРМ и использовать их инструментарий для построения более сложных, адаптивных форм оперативного реагирования. Такой подход отвечает признакам метода: системности, комплексности структуры, тактической вариативности, устойчивости, возможности к повторному применению в различных ситуациях.

Разграничение методов и мероприятий не только сохраняет внутреннюю логику ОРД как прикладной дисциплины, но и создает условия для научного обоснования новых форм деятельности, в том числе методов, формируемых под воздействием цифровой среды. В ситуации ускоряющейся цифровой трансформации правоприменительной практики это приобретает особенно важное значение, поскольку многие действия, применяемые оперативными подразделениями в киберпространстве, не укладываются в традиционные форматы ОРМ, но могут быть рассмотрены как форма реализации методов ОРД, трансформированных под условия цифровой реальности.

Потребность формирования теоретической основы адаптации методов ОРД к современным вызовам является вполне созревшей, что тем более заметно на фоне бурного развития науки уголовного процесса в трудах, посвященных электронным доказательствам и цифровым следам преступной деятельности. В этой сфере заслуженное место заняли разработки А.Л. Осипенко [10], С.С. Епифанова [11], С.В. Зуева [12], С.П. Щербы [13], в которых раскрываются как теоретические, так и прикладные аспекты фиксации и допустимости электронных следов, а также рассматриваются механизмы их получения с применением негласных цифровых технологий.

Способы сбора, анализа и фиксации информации в цифровой среде, в силу своей специфики,

поднимают актуальность дальнейшего развития теоретического аппарата ОРД на особый уровень. Расширение криминальной активности в киберпространстве, использование зашифрованных каналов связи, облачных и распределенных хранилищ, а также анонимных платформ и VPN-протоколов существенно затрудняет выявление, документирование и пресечение противоправной деятельности традиционными методами ОРД. В ситуации, когда значительная часть криминальных коммуникаций и следов преступной деятельности существует исключительно в техническом формате, возникает объективная практическая потребность в формализации применения методов, ориентированных на сбор и фиксацию информации именно в цифровой среде.

В научной доктрине сложилось устойчивое представление о существовании и функционировании системы методов ОРД. Такие методы, как агентурный, оперативная установка, личный сыск, оперативная комбинация, разведывательный опрос, а также методы информационно-аналитического обеспечения, рассматривались в трудах В.М. Аتماжитова [14], В.В. Антонова [15], Н.С. Железняк [3], А.Е. Четчина [16], В.В. Омелина [1], Е.В. Латынина [17], Т.В. Астишиной [2] и других исследователей. Сложившаяся система категориального аппарата и ее выражение в виде перечня методов ОРД, в силу глубоких изменений среды применения, сегодня требуют переосмысления, в основание которого может быть положена диалектика.

Диалектический метод определяет общий вектор анализа и позволяет рассматривать ОРД как изменяющуюся систему, подверженную объективным социальным, технологическим и правовым трансформациям. Как подчеркивает С.И. Захарцев, применение его в ОРД обеспечивает глубокое понимание природы оперативного познания, выявление внутренних противоречий в системе ОРД и позволяет адаптировать научный инструментарий к трансформирующимся условиям цифровой реальности. Указанный метод, по его мнению, дает возможность развивать понятийный аппарат и формулировать новые научные категории, включая методы, способные эффективно работать в условиях изменяющейся криминогенной среды [18]. Опираясь на такого рода научный подход, предложенный, в частности, Л.Б. Прудниковой и А.А. Белецким, стало возможным преодолеть методологический разрыв между «традиционными» и «цифровыми» формами ОРД, что способствует выработке адекватного понятийного аппарата [19].

Распространение лежащей в основе диалектики идеи о взаимосвязанности, изменчивости и развитии явлений на теорию и практику ОРД в условиях

цифровизации позволяет дополнить и в известной степени пересмотреть традиционные взгляды на перечень и содержание оперативно-разыскных методов. Адаптируясь к условиям цифровой среды, известные теории ОРД методы трансформируются с учетом ее особенностей, наполняются новым содержанием, требуют соответствующего терминологического преобразования, отражающего их внутреннюю специфику. Обобщение теоретико- и практико-ориентированных подходов позволяет говорить о трансформации выделяемых в теории методов ОРД в условиях цифровой среды и формировании их новой системы, в которой можно выделить методы оперативного электронного наблюдения, цифрового оперативного поиска, киберагентурный (агентурных киберопераций), эксперимента в цифровой среде.

Метод оперативного электронного наблюдения. Введение в научный оборот понятия «электронное наблюдение» сталкивается с неоднозначностью определения его оперативно-разыскного значения разными авторами. Так, Ю.Н. Соколов предложил возвести его в степень комплексного оперативно-технического мероприятия, объединяющего в своем содержании прослушивание телефонных переговоров и контроль технических каналов связи [20, с. 56]. Подвидом ОРМ «наблюдение» считают его А.А. Машковцев и Е.А. Моляров [21, с. 92]. Вместе с тем ст. 20 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности (Нью-Йорк, 15 ноября 2000 г.)³ и ст. 50 Конвенции ООН против коррупции (Нью-Йорк, 31 октября 2003 г.)⁴ применительно к электронному наблюдению используют термин *special investigative techniques*, в самом близком приближении соотносимый с доктринальными положениями российской теории, касающимися методов ОРД, что позволяет определить его в переводе как «специальные методы расследования». Данные положения подтверждают признание цифровых форм наблюдения как легитимного и самостоятельного института.

С научной точки зрения введение понятия «электронное наблюдение» как метода ОРД позволяет систематизировать и структурировать множество разрозненных техник и приемов, уже применяемых в оперативной практике, но не

интегрированных в существующую методическую систему. Это обеспечит не только концептуальную целостность оперативно-разыскной науки, но и позволит выстроить четкую методологическую и тактическую основу для обучения, контроля и нормативного регулирования. Таким образом, введение в научный и правовой оборот категории «электронное наблюдение» представляется не только своевременным, но и глубоко обоснованным шагом, способным повысить эффективность ОРД, обеспечить соблюдение прав человека и укрепить институциональный режим в условиях цифровой трансформации общества.

Электронное наблюдение как метод может реализовываться путем применения разных ОРМ, а именно: наблюдения; обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; контроля почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивания телефонных переговоров и снятия информации с технических каналов связи. Оно представляет собой широкий и многоуровневый процесс, включающий структурно целостный, технологически обусловленный комплекс действий по негласному сбору, фиксации, хранению, интерпретации и анализу цифровой информации. Электронное наблюдение может осуществляться в гибком, модульном и длительном формате, охватывая не только фиксированные события, но и повседневную цифровую активность субъектов. Как совокупность скрытых, непрерывных и отчасти автоматизированных действий по сбору оперативно значимой информации в цифровом пространстве электронное наблюдение позволяет обеспечить непрерывность контроля за объектом, при этом не нарушая его физическую неприкосновенность. Это открывает перед правоохранительными органами новые возможности – от ретроспективного анализа данных до предупреждения и пресечения преступлений на стадии их планирования. Однако без четкого научного и нормативного обоснования его использования такой инструмент может вызывать правовые коллизии, включая вопросы допустимости собранной информации в уголовном процессе, соразмерности вмешательства в частную жизнь и соответствия принципам правовой определенности, что требует его самостоятельной разработки.

Киберагентурный метод (агентурных киберопераций). Агентурный метод в теории ОРД разработан достаточно глубоко. Как отмечает Н.С. Железняк, он представляет собой совокупность осуществляемых сотрудником оперативно-подразделения или конфиденциально содействующим ему лицом действий, направленных на создание условий для непосредственного легендированного общения и установления дове-

³ Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (Нью-Йорк, 15 ноября 2000 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (дата обращения: 11.06.2025).

⁴ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (Нью-Йорк, 31 октября 2003 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 11.06.2025).

рительных отношений с проверяемыми в целях выведывания у последних оперативно значимой информации, решения иных частных задач ОРД [3, с. 31]. В условиях информационно-телекоммуникационной сети агентурный метод трансформирует свое содержание, одновременно расширяя его с учетом возможностей новых технологических инструментов.

Кибернетизация агентурного метода приводит к его реализации по двум основным направлениям. Первое выражается в использовании устоявшегося подхода, реализуемого посредством разведывательного опроса, оперативной установки и (или) специально подготовленных конфидентов, внедряемых в цифровую среду (онлайн-сообщества, торговые площадки даркнета, каналы онлайн-коммуникации и т.п.). Цифровая среда имеет ряд особенностей, позволяющих использовать преимущества анонимной коммуникации для решения задач ОРД с применением специального инструмента – контролируемого цифрового профиля реальной либо искусственно сгенерированной личности.

Второе направление – использование «кибер-агентов» – программных инструментов, позволяющих фиксировать с помощью цифровых ловушек и анализировать активность фигурантов без их ведома, собирать данные из доступного киберпространства и информационных систем. Решение задач ОРД осуществляется путем интеграции в коммуникационные платформы искусственных элементов – скриптов, фишинговых ресурсов, подложных аккаунтов и каналов, чтобы незаметно направлять поведение объекта и собирать информацию в контексте его естественного цифрового взаимодействия.

В отличие от классического агентурного метода, в котором основное внимание уделяется установлению доверительных межличностных связей и работе «в поле», киберагентурный метод в большей степени опирается на инфраструктуру цифровой среды – системы мониторинга, алгоритмы анализа данных, автоматические фильтры, инструменты отслеживания поведения и искусственный интеллект. В этом контексте человеческий фактор хотя и остается значимым (например, в управлении конфидентами, находящимися в виртуальной среде, или при анализе полученной информации), но уступает ведущую роль технологическим средствам, способным масштабировать и обеспечивать непрерывный, негласный контроль за множеством объектов одновременно.

Посредством управления цифровыми устройствами, использования информационно-технических уязвимостей и иных форм воздействия на цифровую среду может формироваться устойчивая инфраструктура негласного контро-

ля, охватывающая не только технические параметры функционирования систем, но и поведенческие, социальные и психологические аспекты деятельности фигурантов. Такой подход обеспечивает возможность для оперативных подразделений осуществлять превентивные меры, прогнозировать риски и выявлять скрытые угрозы до их проявления в физическом пространстве.

Метод агентурных киберопераций как трансформационная форма агентурного метода в цифровой среде может реализовываться через ОРМ «оперативное внедрение», а также посредством иных мероприятий в рамках «оперативной игры» при решении задач по выявлению и раскрытию преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий, на что уже указывалось в литературе [22, с. 211].

Метод цифрового оперативного поиска. Будучи опосредованным цифровыми условиями применения, данный метод включает в себя элементы личного сыска и аналитической разведки.

В теории ОРД личный сыск разделяется как форма реализации комплекса ОРМ и методов, осуществляемых оперативным сотрудником лично, как гласно, так и негласно, в целях выявления, пресечения и раскрытия преступлений [23, с. 182–183]. Указанный метод представляет собой не разовое действие, а целенаправленный процесс, включающий различные ОРМ, выбираемые в зависимости от конкретной обстановки. Личный сыск может рассматриваться как метод, стадия оперативно-разыскного процесса и самостоятельный элемент оперативной практики с разведывательно-поисковым характером. Его ключевыми признаками являются индивидуальность исполнения, гибкость, конспиративность и строгое соблюдение правовых ограничений. Осуществление личного сыска в информационно-телекоммуникационной сети реализуется в иной, технологически опосредованной, плоскости – в виртуальной среде, где за субъектом устанавливается постоянное или периодическое цифровое сопровождение. Это включает в себя анализ сетевой активности, закономерностей поведения в мессенджерах, на цифровых платформах, в социальных сетях и иных онлайн-средах. Такой формат сыска позволяет отслеживать коммуникационные связи, перемещения, цифровые следы и даже эмоциональные реакции пользователя, что обеспечивает более глубокое понимание мотивации и потенциальных намерений объекта. При этом сохраняются ключевые черты метода личного сыска (скрытность, непрерывность, гибкость и способность адаптации) при расширении возможностей за счет автомати-

зации, ретроспективного анализа и масштабируемости, что затруднительно при выполнении традиционных ОРМ.

Метод аналитической разведки в условиях цифровизации правоохранительной деятельности и трансформации оперативно-разыскных задач под влиянием условий информационно-технологического сопровождения в значительном объеме своего содержания преобразуется в метод разведки по открытым источникам (англ. Open Source Intelligence, сокр. OSINT). Он представляет собой систематизированную деятельность по сбору, обработке и аналитическому осмыслению информации, находящейся в свободном доступе, с применением автоматизированных и интеллектуальных средств анализа больших данных.

Вопреки распространенному заблуждению OSINT не ограничивается лишь пассивным мониторингом сети Интернет. Его актуальное применение предполагает построение сложных цифровых моделей, в которых поведенческая активность субъектов (аккаунты, посты, переписки, связи, цифровые поведенческие маркеры) подвергается машинной обработке, классификации и прогностическому анализу. Благодаря использованию таких инструментов, как Spiderfoot, Maltego, IntelTechniques, UserSherlock и др., возможно не только распутывание коммуникационных связей интересующего субъекта, но и формирование его цифрового оперативного профиля⁵.

Современные технологии позволяют интегрировать OSINT в автоматизированные системы ситуационного анализа, включая когнитивные платформы, способные в реальном времени генерировать сигналы угроз. В этом аспекте разведка по открытым источникам выступает как ядро комплексного цифрового метода, лежащего на стыке традиционного ОРМ и искусственного интеллекта. Как указывается в ряде практико-ориентированных пособий, ключевым фактором эффективности OSINT является кросс-сопоставление разнородных данных, а также обеспечение юридической чистоты процедуры сбора информации [24, с. 71–89]. С теоретико-практической точки зрения OSINT можно рассматривать как дигитализированную форму поиска, совмещающую элементы внешнего и внутреннего контроля с возможностями аналитического прогнозирования и обладающую характеристиками: (а) неинвазивности и право-

вой легитимности; (б) возможности масштабной автоматизации; (в) использования в профилактических, ориентировочных и доказательных целях; (г) интеграции в системы информационно-телекоммуникационной сети субъектов ОРД. Подобная методика успешно применяется как в сфере кибербезопасности, так и в деликатных зонах информационного противоборства.

Зарубежный опыт, в частности стандарты Глобальной сети журналистов-расследователей (англ. Global Investigative Journalism Network, сокр. GIJN), предполагает обязательное включение этических норм в OSINT-практику: документирование источников, верификация изобретений (через EXIF, обратный поиск) и оценка достоверности источника – все это формирует новый стандарт «цифровой этической разведки»⁶. Примечательно, что OSINT может быть интегрирован в информационно-аналитическую платформу субъектов ОРД не только в качестве вспомогательного инструмента, но и как основа для формирования первичной ориентировки, выстраивания гипотез, верификации сведений, полученных от иных источников. Его применение позволяет с высокой степенью достоверности подтвердить или опровергнуть сигналы о готовящихся или совершаемых преступлениях, особенно в сфере экстремизма, незаконного оборота наркотиков, торговли людьми, а также иных трансграничных угроз.

Формой реализации метода оперативного поиска являются ОРМ «наведение справок», «исследование предметов и документов», «отождествление личности» и «получение компьютерной информации».

Метод эксперимента в цифровой среде. В качестве самостоятельного метода ОРД оперативный эксперимент рассматривался советской юридической наукой [25, с. 78]. В традиционном понимании методика проведения оперативного эксперимента в ОРД представляет собой контролируемое создание условий, в которых проверяется реакция объекта оперативного интереса. Формами его реализации являются ОРМ «проверочная закупка», «оперативный эксперимент» и «контролируемая поставка».

В современных условиях стремительного развития технологий искусственного интеллекта и цифровых симуляций эксперимент приобретает новое содержание. Как метод оперативный эксперимент может выражаться в реализации разных моделей. Цифровая среда предлагает возможности формирования си-

⁵ GIJN. Как находить людей в Интернете, распутывать сети и оставаться в безопасности: руководство [Электронный ресурс]. – URL: <https://gijn.org/ru/2020/07/29/как-находить-людей-в-интернете-распутывать-сети-и-оставаться-в-безопасности> (дата обращения: 08.07.2025).

⁶ Руководство по проверке новостей [Электронный ресурс]. – URL: <https://mediacentre.sseriga.edu> (дата обращения: 08.07.2025).

мулированных информационных воздействий (видеосвязь, голосовое сообщение, цифровая переписка и др.), которые способны индуцировать поведенческий отклик проверяемого лица. В рамках ОРД это открывает возможности для имитационного моделирования ситуаций, направленных на выявление и фиксацию признаков преступной деятельности без прямого вовлечения сотрудника правоохранительных органов в коммуникацию. В этой связи особенно актуальным становится использование так называемых технологий дипфейка (deepfake) – синтетически сгенерированных медиаизображений, воспроизводящих голос, лицо и поведение конкретного человека. Данная технология позволяет сотрудникам оперативных подразделений не только наблюдать за объектом, но и активно управлять коммуникацией, сохраняя при этом анонимность, конфиденциальность и дистанцию, исключая риск раскрытия личности оперативного сотрудника.

Согласно ряду теоретических подходов, формирующихся в современной криминалистике и оперативной тактике, использование дипфейков как экспериментального инструмента требует особой правовой оценки [26; 27]. С одной стороны, создается возможность документировать преступные намерения, не прибегая к физическому контакту. С другой – возникает риск нарушения базовых принципов допустимости доказательств, включая запрет на провокацию преступления и манипулятивное вовлечение лица в противоправную деятельность. Учитывая позицию Европейского суда по правам человека, высказанную, в частности, в делах «Ваньян против России»⁷, «Веселов и другие против России»⁸, любые формы провокационного воздействия подлежат исключению, а доказательства, полученные с нарушением баланса между наступательностью и нейтральностью, могут быть признаны недопустимыми.

В практико-ориентированных разработках отмечается, что проверочная закупка в сети Интернет уже трансформировалась в модель, предполагающую использование управляемых цифровых профилей, построенных на алгоритмах маскировки, социальной инженерии

и адаптивного поведения. Реализация дипфейк-технологий – следующий логический этап развития такого подхода, где под видом существующего участника интернет-сообщества в коммуникацию вступает оперативный сотрудник или конфидент. Тем самым обеспечивается контролируемое экспериментальное пространство, в рамках которого возможно выявление признаков сбыта запрещенных веществ, подготовки к совершению преступлений террористической направленности, вовлечения несовершеннолетних и т.д. С точки зрения допустимости эксперимента в цифровой среде необходима системная регламентация. В частности, требуется закрепление правового статуса цифрового аватара как формы маскировки, а также разработка методических рекомендаций по допустимым пределам имитации. Необходимо учитывать, что дипфейк, применяемый в ОРД, должен использоваться не для создания искусственных поводов к преступлению, а для объективного выявления уже сформировавшегося умысла. В этом ключе он может рассматриваться как формализованный метод верификации подозреваемого поведения, а не как средство оперативной ловушки.

Таким образом, метод эксперимента в цифровой среде с применением дипфейков может быть признан самостоятельной формой ОРМ при соблюдении следующих условий: наличия объективных данных, свидетельствующих о подготовке или совершении преступления; отсутствия провокационного влияния на поведение лица; документирования всех действий в процессе цифровой имитации; технической фиксации коммуникации и хранения цифровых следов для последующей верификации. В обстановке перехода к цифровым ОРМ необходимо не просто адаптировать существующие правовые и тактические подходы, но создать новые правовые конструкции, которые бы учитывали уникальность цифровой среды. В этом контексте оперативный эксперимент с применением дипфейка может служить не только инструментом сбора доказательств, но и технологическим индикатором развития цифрового правоохранительного пространства.

Предложенный подход к формированию перечня методов ОРД в условиях цифровизации позволяет не только устранить методологический разрыв между методами и мероприятиями, но и сформировать основу для признания новых способов решения оперативно-разыскных задач, опирающихся на современные технологии. Это особенно важно в условиях трансформации преступной среды и необходимости адаптации оперативного воздействия к новым криминальным вызовам киберпреступности.

⁷ Европейский суд по правам человека. Дело «Ваньян против России» (Vanyan v. Russia), жалоба № 53203/99: решение от 15 декабря 2005 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng/?i=001-71791> (дата обращения: 08.07.2025).

⁸ Европейский суд по правам человека. Дело «Веселов и другие против России» (Veselov and Others v. Russia), жалобы № 23200/10, 24009/07 и 556/10: решение от 2 октября 2012 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng/?i=001-113474> (дата обращения: 08.07.2025).

1. **Омелин В.Н.** Соотношение и связь методов оперативно-розыскной деятельности и оперативно-розыскных мероприятий // Закон и право. – 2020. – № 3. – С. 143–144.
2. **Астишина Т.В., Омелин В.Н.** К вопросу о методах оперативно-розыскной деятельности // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2018. – № 2 (31). – С. 41–46.
3. **Железняк Н.С.** Оперативно-розыскное мероприятие и метод оперативно-розыскной деятельности – близнецы-братья? // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2024. – № 2 (55). – С. 27–33.
4. **Чечетин А.Е.** Разграничение понятий оперативно-розыскных мероприятий, действий и мер // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2004. – № 6. – С. 54–57.
5. **Бобров В.Г.** Некоторые вопросы законодательного регулирования оперативно-розыскных мероприятий в свете нового проекта закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // Полицейское право. – 2007. – № 2 (10). – С. 136–143.
6. **Лукашов В.А.** Введение в курс «Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел». – Киев: Киевская ВШ МВД СССР, 1976. – 134 с.
7. **Синилов Г.К.** Правовые и тактические основы оперативно-розыскной деятельности советской милиции: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва: Академия МВД СССР, 1983.
8. **Шумилов А.Ю.** Оперативно-розыскное право: иллюзия или реальность // Правоведение. – 1994. – № 4. – С. 44–51.
9. **Митрофанов Е.А., Овчинский С.С.** Оперативно-розыскные действия: понятие, типологии, тактика. – Омск: ВШМ МВД СССР, 1987.
10. **Осипенко А.Л.** Информационное воздействие на криминальную среду в условиях цифровизации // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2024. – № 4 (66). – С. 6–14.
11. **Епифанов С.С.** Актуальные направления организации оперативно-розыскной деятельности в условиях цифровой трансформации и научно-технического развития / Уголовно-исполнительная система на современном этапе с учетом реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции по проблемам исполнения уголовных наказаний: в 2 т., Рязань, 17–18 ноября 2022 г. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. Т. 1. С. 98–101.
12. **Зуев С.В.** Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: понятие и значение // Правопорядок: история, теория, практика. – 2020. – № 3 (26). – С. 46–51.
13. Собираемые электронные доказательства по уголовным делам на территории России и зарубежных стран: опыт и проблемы / С.П. Щерба, Е.А. Архипова, Е.В. Быкова [и др.]. – Москва: Проспект, 2022. – 168 с.
14. **Атмажитов В.М.** Теория и практика оперативно-розыскной деятельности. – Москва, 2003. – 280 с.
15. **Антонов В.В.** Методы оперативно-розыскной деятельности: учебное пособие. – Москва: Юрлитинформ, 2006. – 216 с.
16. **Чечетин А.Е.** Основы оперативно-розыскной деятельности: учебное пособие. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2007. – 236 с.
17. **Латынин Е.В.** О соотношении понятий «оперативно-розыскные мероприятия» и «методы оперативно-розыскной деятельности» / Пенитенциарная безопасность: сборник материалов конференции. – Самара, 2018. С. 147–149.
18. **Захарцев С.И.** Диалектический метод в оперативно-розыскной деятельности // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 62–69.
19. **Прудникова Л.Б., Белецкий А.А.** Актуальные вопросы формирования понятийного аппарата оперативно-розыскной теории // Юристы-Правоведы. – 2025. – № 1 (112). – С. 172–177.
20. **Соколов Ю.Н.** Электронное наблюдение в уголовном судопроизводстве и оперативно-розыскной деятельности. – Екатеринбург: ОПТИМА ПРОФ, 2006. – 164 с.
21. **Машковцев А.А., Моляров Е.А.** Электронное наблюдение как современный способ оперативно-розыскного документирования преступлений // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2024. – № 4 (57). – С. 91–99.
22. **Самоделькин А.С., Тимофеев С.В.** Современные методы выявления и раскрытия преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2022. – № 2 (101). – С. 206–215.
23. Оперативно-розыскная деятельность: учебник. – 2-е изд., доп. и перераб. / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова, А.Ю. Шумилова. – Москва: ИНФРА-М, 2004. – 848 с.
24. **Райтман М.А.** Как найти и скачать в Интернете любые файлы. – Санкт-Петербург: БХВ-Петербург, 2015. – 432 с.
25. **Овчинский С.С., Самохин Б.М.** Роль эксперимента в оперативно-розыскной деятельности // Труды ВНИИ МВД СССР. – 1974. – № 32. – С. 76–87.
26. **Батоев В.Б.** Об использовании технологии «Deepfake» в оперативно-розыскной деятельности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2023. – № 1 (61). – С. 70–76.
27. **Жандров В.Ю.** Проверочная закупка наркотиков в сети Интернет: формирование новой модели оперативно-розыскного мероприятия // Труды Академии управления МВД России. – 2024. – № 4 (72). – С. 129–138.

References

1. **Omelin V.N.** Sootnoshenie i svyaz' metodov operativno-rozysknoi deyatel'nosti i operativno-rozysknykh meropriyatii // Zakon i pravo. – 2020. – № 3. – S. 143–144.
2. **Astishina T.V., Omelin V.N.** K voprosu o metodakh operativno-rozysknoi deyatel'nosti // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2018. – № 2 (31). – S. 41–46.
3. **Zheleznyak N.S.** Operativno-rozysknoe meropriyatie i metod operativno-rozysknoi deyatel'nosti – bliznetsy-brat'ya? // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2024. – № 2 (55). – S. 27–33.

4. **Chechetin A.E.** Razgranichenie ponyatii operativno-rozysknykh meropriyatii, deistvii i mer // Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2004. – № 6. – S. 54–57.
5. **Bobrov V.G.** Nekotorye voprosy zakonodatel'nogo regulirovaniya operativno-rozysknykh meropriyatii v svete novogo proekta zakona "Ob operativno-rozysknoi deyatel'nosti" // Politseiskoe pravo. – 2007. – № 2 (10). – S. 136–143.
6. **Lukashov V.A.** Vvedenie v kurs "Operativno-rozysknaya deyatel'nost' organov vnutrennikh del". – Kiev: Kievskaya VSH VD SSSR, 1976. – 134 s.
7. **Sinilov G.K.** Pravovye i takticheskie osnovy operativno-rozysknoi deyatel'nosti sovetskoj militsii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. – Moskva: Akademiya MVD SSSR, 1983.
8. **Shumilov A.Yu.** Operativno-rozysknoe pravo: illyuziya ili real'nost' // Pravovedenie. – 1994. – № 4. – S. 44–51.
9. **Mitrofanov E.A., Ovchinskii S.S.** Operativno-rozysknye deistviya: ponyatie, tipologii, taktika. – Omsk: VSHM MVD SSSR, 1987.
10. **Osipenko A.L.** Informatsionnoe vozdeistvie na kriminal'nuyu sredu v usloviyakh tsifrovizatsii // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2024. – № 4 (66). – S. 6–14.
11. **Epifanov S.S.** Aktual'nye napravleniya organizatsii operativno-rozysknoi deyatel'nosti v usloviyakh tsifrovoi transformatsii i nauchno-tehnicheskogo razvitiya / Ugolovno-ispolnitel'naya sistema na sovremennom etape s uchedom realizatsii Kontseptsii razvitiya ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda: sbornik tezisov vystuplenii i dokladov uchastnikov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii po problemam ispolneniya ugolovnykh nakazanii: v 2 t., Ryazan', 17–18 noyabrya 2022 g. – Ryazan': Akademiya prava i upravleniya Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii, 2022. T. 1. S. 98–101.
12. **Zuev S.V.** Elektronnye dokazatel'stva v ugolovnom sudoproizvodstve: ponyatie i znachenie // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. – 2020. – № 3 (26). – S. 46–51.
13. Sobiranie elektronnykh dokazatel'stv po ugolovnym delam na territorii Rossii i zarubezhnykh stran: opyt i problemy / S.P. Shcherba, E.A. Arkhipova, E.V. Bykova [i dr.]. – Moskva: Prospekt, 2022. – 168 s.
14. **Atmazhitov V.M.** Teoriya i praktika operativno-rozysknoi deyatel'nosti. – Moskva, 2003. – 280 s.
15. **Antonov V.V.** Metody operativno-rozysknoi deyatel'nosti: uchebnoe posobie. – Moskva: YurLitinform, 2006. – 216 s.
16. **Chechetin A.E.** Osnovy operativno-rozysknoi deyatel'nosti: uchebnoe posobie. – Barnaul: Barnaul'skii yuridicheskii institut MVD Rossii, 2007. – 236 s.
17. **Latynin E.V.** O sootnoshenii ponyatii "operativno-rozysknye meropriyatia" i "metody operativno-rozysknoi deyatel'nosti" / Penitentsiarnaya bezopasnost': sbornik materialov konferentsii. – Samara, 2018. S. 147–149.
18. **Zakhartsev S.I.** Dialekticheskii metod v operativno-rozysknoi deyatel'nosti // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. – 2012. – № 7. – S. 62–69.
19. **Prudnikova L.B., Beletskii A.A.** Aktual'nye voprosy formirovaniya ponyatiinogo apparata operativno-rozysknoi teorii // Yurist-Pravoved. – 2025. – № 1 (112). – S. 172–177.
20. **Sokolov Yu.N.** Elektronnoe nablyudenie v ugolovnom sudoproizvodstve i operativno-rozysknoi deyatel'nosti. – Ekaterinburg: OPTIMA PROF, 2006. – 164 s.
21. **Mashkovtsev A.A., Molyarov E.A.** Elektronnoe nablyudenie kak sovremennyyi sposob operativno-rozysknogo dokumentirovaniya prestuplenii // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2024. – № 4 (57). – S. 91–99.
22. **Samodelkin A.S., Timofeev S.V.** Sovremennye metody vyyavleniya i raskrytiya prestuplenii, sovershaemykh s ispol'zovaniem tsifrovyykh tekhnologii // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – 2022. – № 2 (101). – S. 206–215.
23. Operativno-rozysknaya deyatel'nost': uchebnik. – 2-e izd., dop. i pererab. / pod red. K.K. Goryainova, V.S. Ovchinskogo, G.K. Sinilova, A.Yu. Shumilova. – Moskva: INFRA-M, 2004. – 848 s.
24. **Raitman M.A.** Kak naiti i skachat' v Internete lyubye faily. – Sankt-Peterburg: BKHV-Peterburg, 2015. – 432 s.
25. **Ovchinskii S.S., Samokhin B.M.** Rol' eksperimenta v operativno-rozysknoi deyatel'nosti // Trudy VNII MVD SSSR. – 1974. – № 32. – S. 76–87.
26. **Batoev V.B.** Ob ispol'zovanii tekhnologii "Deepfake" v operativno-rozysknoi deyatel'nosti // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii. – 2023. – № 1 (61). – S. 70–76.
27. **Zhandrov V.Yu.** Proverochnaya zakupka narkotikov v seti Internet: formirovanie novoi modeli operativno-rozysknogo meropriyatia // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2024. – № 4 (72). – S. 129–138.

(статья сдана в редакцию 04.09.2025)

**РЕФОРМИРОВАНИЕ МИГРАЦИОННОЙ СЛУЖБЫ
МВД РОССИИ: НОВЫЕ ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ**

**REFORMING THE MIGRATION SERVICE OF THE RUSSIAN
INTERIOR MINISTRY: NEW DEVELOPMENT VECTORS**

УДК 351.741

Р.М. СТЕПКИН,

кандидат юридических наук, доцент
(Санкт-Петербургский университет МВД России,
Россия, Санкт-Петербург)
stepkinr@list.ru

ROMAN M. STEPKIN,

Candidate of Law, Associate Professor
(Saint Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia,
Saint Petersburg, Russia)

Д.С. ХАЙРУСОВ,

кандидат юридических наук
(Санкт-Петербургский университет МВД России,
Россия, Санкт-Петербург)
denmvd71@mail.ru

DENIS S. KHAIRUSOV,

Candidate of Law
(Saint Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia,
Saint Petersburg, Russia)

Аннотация: миграционная служба России неоднократно претерпевала существенные изменения своего статуса. В 2024–2025 гг. началась очередная реорганизация миграционных подразделений в системе МВД России, затрагивающая их структуру, механизмы взаимодействия с иными министерствами и службами, силовыми ведомствами, институтами гражданского общества, иностранцами и апатридами, финансирование и штатное расписание. Цель – рассмотрение вопросов оптимизации государственного администрирования миграционных процессов, направлений реформирования и развития органов государственного управления в миграционной сфере. Методологическую основу составили анализ, синтез, системный подход, исторический метод, показавший генезис развития миграционной службы в России, сравнительно-правовой метод, позволивший продемонстрировать различия в концепциях миграционной политики 2018 и 2025 гг., а также сходство и разницу в функциях и полномочиях миграционной службы на разных этапах ее исторического развития. На основе проведенного анализа прогнозируется, что сохранение за МВД России главной функции в вопросах миграции, скорее всего, не временное явление и новые векторы развития будут ориентированы на баланс между экономическими потребностями, национальной безопасностью и социальной стабильностью с акцентом на легализации и интеграции мигрантов.

Ключевые слова: миграция, МВД России, подразделения по вопросам миграции, полиция, миграционная политика, Служба по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан.

Для цитирования: Степкин Р.М., Хайрусов Д.С. Реформирование миграционной службы МВД России: новые векторы развития // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2025. – № 4. – С. 41–47.

Abstract: the Russian Migration Service has repeatedly undergone significant changes in its status. In 2024–2025, the latest reorganization of migration units within the Russian Ministry of Internal Affairs began, affecting their structure, mechanisms for interaction with other ministries and services, law enforcement agencies, civil society institutions, foreigners and stateless persons, funding, and staffing. The goal is to examine issues of optimizing state administration of migration processes, as well as areas for reform and development of government bodies in the migration sphere. The methodological basis was analysis, synthesis, a systems approach, a historical method that demonstrated the genesis of the development of the migration service in Russia, and a comparative legal method that demonstrated the differences in the migration policy concepts of 2018 and 2025, as well as the similarities and differences in the functions and powers of the migration service at different stages of its historical development. Based on the analysis, it is predicted that the Russian Ministry of Internal Affairs' continued primary role in migration matters will likely not be temporary, and new development vectors will be focused on balancing economic needs, national security, and social stability, with an emphasis on the legalization and integration of migrants.

Keywords: migration, Ministry of Internal Affairs, migration units, police, migration policy, Service for Citizenship and Registration of Foreign Citizens.

For citation: Stepkin R.M., Khairusov D.S. Reforming the Migration Service of the Russian Interior Ministry: new development vectors // Problems of Law Enforcement Activity. – 2025. – № 4. – P. 41–47.

Международная миграция была обозначена как серьезная проблема XXI века, часто рассматриваясь в научных и общественных дискурсах с позиции угрозы (культурной, экономической, социальной или политической) государственной безопасности. Миграционные процессы затрагивают не только самих мигрантов, потенциальных или бывших, но и все общество в целом. Государства стремятся контролировать количество мигрантов, их навыки и квалификацию, а также отстаивают свое право выбирать, кому предоставлять статус мигранта, не только для того, чтобы получить ожидаемую экономическую выгоду, но и для минимизации политических издержек принятия или отказа в приеме миграционных потоков в национальных и международных актах. Страны часто стремятся извлечь максимальный экономический и политический доход из своей диаспоры, функционирующей на территории другого государства.

В современном мире международная миграция представляет собой сложную систему сетей обмена не только людьми, но и капиталом, товарами и информацией, которые выходят за территориальные границы государств и создают экономические, политические, правовые и социальные взаимосвязи.

Хотя миграция подразумевает не только перемещение за пределами национальных границ, но и ремиграцию, т.е. процесс возвращения мигранта в страну своего происхождения с перспективой постоянного проживания и передислокацию граждан в границах своей страны, в политико-правовом дискурсе вокруг миграционного вопроса наибольшие споры вызывает именно кризис управления в сфере международных миграционных потоков.

Для России этот аспект миграционного вопроса весьма значим: наша страна на протяжении последних десятилетий обладает высокой миграционной привлекательностью и входит в первую пятерку стран, лидирующих по количеству иностранных мигрантов на их территории [1, с. 64], и в перспективе до 2030 г. тенденция роста численности трудовых мигрантов будет сохраняться (п. 7 Концепции миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы)¹. С учетом определенного негативного влияния иностранных

граждан и бипатридов на криминогенную ситуацию, экономико-трудовые процессы и демографические институты растет недовольство населения либеральной миграционной политикой государства [2, с. 7–8]. В.В. Путин на пресс-конференции по итогам визита в Душанбе в 2025 году заявил о наличии проблем в сфере миграции и подчеркнул необходимость приоритета интересов граждан России². В 2024–2025 гг. началась реорганизация в миграционной сфере: принята новая Концепция миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы, сформирована новая структура в системе МВД России – Служба по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан.

С 2024 года был принят 21 федеральный закон в сфере миграционной политики, но в научных кругах предлагают создавать новые законы. Так, например, О.В. Катаева «в целях решения имеющихся проблем видит целесообразной разработку и принятие Федерального закона «О государственной системе управления миграцией в Российской Федерации», содержащего правовую регламентацию общественных отношений, возникающих в сфере регулирования процессов миграции в Российской Федерации» [3, с. 109–110]. Таким образом, рассмотрение оптимизации государственного администрирования миграционных процессов, направлений реформирования и развития органов государственного управления в миграционной сфере представляется весьма актуальным.

Взвешенный подход к вопросам миграционной политики, управления миграционными процессами и обеспечения национальной безопасности всегда предполагает необходимость соблюдения баланса интересов общества, государства и личности [4, с. 103]. По мнению А.В. Липунцовой, «управление миграционным процессом можно определить как вид юридического процесса, представляющего собой регламентированный нормами права порядок деятельности органов власти посредством определенных юридических механизмов и средств, направленный на урегулирование общественных отношений, возникающих в связи с перемещением физических лиц» [5, с. 142]. В целом соглашаясь с предложенной трактовкой, добавим, что в основу указанного

¹ Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Заявления для СМИ по итогам российско-таджикских переговоров [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/78177/videos>

юридического процесса должна быть положена стратегия государственной миграционной политики, на основе которой будут строиться институциональные механизмы, ее реализующие, что в итоге сегодня и происходит.

Сравнивая тексты Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы³ (далее – старая Концепция) и Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы (далее – новая Концепция), которая стала четвертым стратегическим документом в данной области (после вариантов 2003, 2012 и 2018 гг.), приходим к следующим выводам:

а) в новой Концепции при формулировании цели миграционной политики «решение задач демографического развития страны» (путем «замещающей» миграции населения) заменено на «научно-технологическое развитие страны»;

б) в старой Концепции в качестве фактора, влияющего на миграционные процессы и проблемы мигрантов, обозначены «качество жизни, доступность социальных, образовательных, медицинских, культурных и иных услуг»; в новой Концепции – «состояние правопорядка, степень развитости транспортной, энергетической, телекоммуникационной и инфраструктурной инфраструктуры, наличие высокооплачиваемых рабочих мест и благоустроенность общественных мест»;

в) в новой Концепции отмечена необходимость принятия дополнительных мер, связанных с совершенствованием налогового администрирования в области уплаты НДФЛ и страховых взносов с доходов иностранных работников и со снижением нагрузки на все социальные сферы, сопряженные с «обслуживанием» семей мигрантов;

г) иерархия основных принципов миграционной политики изменена – наиболее значимым принципом в новой Концепции обозначен «приоритет интересов Российской Федерации и ее граждан», в старой Концепции таковым считалась «комплексность решения задач миграционной политики с учетом решения задач социально-экономического, культурного, демографического и иного развития Российской Федерации»;

д) основные направления реализации миграционной политики в новой Концепции расширены за счет положений:

– о цифровизации контроля нахождения мигрантов на территории России, в том числе введения реестра контролируемых лиц для «неблагонадежных» мигрантов, попадание в который

влечет запрет на совершение ряда юридически значимых действий (брак, открытие счетов в банке, сделки с недвижимостью);

– целевом отборе мигрантов под конкретные трудовые или образовательные задачи при невозможности заполнения вакансии российскими гражданами;

– ограничении пребывания членов семей;

– ответственности работодателя за привлеченного к трудовой деятельности мигранта, в том числе его правовом и социальном сопровождении;

– развитии у мигрантов уважения к традиционным российским духовно-нравственным ценностям;

– создании «режима открытых дверей» для жителей новых территорий, покинувших места постоянного проживания в период проведения специальной военной операции, и тех иностранцев, которые значимы для российской экономики, культуры, науки и разделяют традиционные духовно-нравственные ценности российского общества;

е) адаптация мигрантов более не включает обеспечение всем «уровня доходов и иных обстоятельств равных возможностей для получения государственных услуг в сфере миграции», а акцентирована на формировании у них уважения к российским ценностям, российскому правосознанию и правовой культуре;

ж) в новой Концепции координирующим органом в сфере миграции определен Совет Безопасности Российской Федерации (в старой Концепции таковым органом являлось Правительство Российской Федерации), а полномочия по формированию и реализации миграционной политики получило МВД России при участии органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.

Итак, в новой Концепции государство предприняло попытку реализовать запрос общества на «наведение порядка дома» и выдворение нежелательных (нелегальных) иностранцев, подчеркнув, что вопрос международной миграции – это вопрос национальной безопасности, и в механизме управления миграционным процессом сделало акцент на тотальном контроле миграционных процессов и защите российских ценностей. Насколько эта попытка будет успешной, покажет время. Однако следует учитывать, что реализация положений концепции требует стабильной профессиональной работы соответствующей структуры в системе исполнительной власти. Вместе с тем деятельность органов, которые реализуют государственную миграционную политику, достаточно широко критикуется. Ключевыми вопросами дискуссии являются место и роль миграционной служ-

³ Указ Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 (ред. от 12.05.2023) «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

бы в системе органов публичной власти и ее функционал.

Необходимо ли создание отдельного органа (службы, министерства, агентства) либо существующее положение, когда миграционные полномочия реализуются органами МВД России, отвечает потребностям общества?

Кратко обратимся к истории вопроса. Исторически реализация государственной политики Российской Федерации в сфере миграции (в части контроля за миграционными потоками) возлагалась на МВД. Указом Петра I от 11 сентября (по новому стилю) 1719 года был введен учет всех иностранцев, прибывающих в Санкт-Петербург – на тот момент столицу Российского государства, осуществление которого возлагалось в первую очередь на канцелярию Полицеймейстерских дел. И в царской России XVIII–XIX вв., и в советский период правоприменительные функции в сфере миграции осуществляла полиция (милиция) [6].

Попытки вывести миграционную службу из-под юрисдикции МВД предпринимались неоднократно: в июне 1992 года Федеральная миграционная служба Российской Федерации (далее – ФМС) была сформирована при Министерстве труда и занятости населения Российской Федерации. В 2000 году служба была упразднена, а ее функции переданы в Министерство по делам Федерации, национальной и миграционной политики Российской Федерации – гражданскому ведомству, не обладающему «силовым» ресурсом. Это был орган, координирующий порядка 25 ведомств, которые были уполномочены решать различные аспекты миграционных процессов, и ориентированный на решение гуманитарного и социального аспекта международной миграции.

В 2001 году Министерство было расформировано, а в 2002 году ФМС была воссоздана как структурное звено системы МВД России. С 2012 по 2016 год ФМС была переведена из подчинения МВД России в прямое подчинение Правительству Российской Федерации и в вертикали исполнительной власти заняла нишу самостоятельной федеральной службы [6]. Отметим, что все усилия по организации ФМС как самостоятельного ведомства или как структурного подразделения в составе «несилового» министерства были малоэффективными. Получив контрольные полномочия без должного силового ресурса, ФМС как отдельная структура не смогла существовать автономно (без поддержки и взаимодействия с МВД России) и результативно справляться с контрольно-надзорными функциями в миграционной сфере. В 2016 году функции ФМС снова были переданы МВД России и на базе упраздненной службы было сформировано Главное управление по вопросам миграции МВД России. В ходе мигра-

ционной реформы 2 апреля 2025 г. В.В. Путин подписал Указ № 205 «О совершенствовании государственного управления в сфере миграции»⁴, согласно которому на базе Главного управления по вопросам миграции МВД России создается Служба по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан (далее – Служба).

В научной литературе неоднократно высказывалось мнение об отсутствии четко выстроенной системы координации между государственными органами, занимающимися различными аспектами миграции, и разграничения их полномочий в данной сфере. Сейчас вопросами миграции ведают Комиссия по вопросам гражданства при Президенте Российской Федерации, Управление Президента Российской Федерации по обеспечению конституционных прав граждан, ФСБ России, МИД России, Минобороны России, Минюст России, Министерство труда и социальной защиты, Федеральное агентство по делам национальностей и иные ведомства [7].

Решение этой проблемы видится в создании единого ведомства, которое полностью бы отвечало за все аспекты, связанные с реализацией миграционной политики: и контрольно-надзорные, и разрешительно-регистрационные, и социальные.

Существование такого ведомства возможно в двух вариантах правового статуса – как структурного подразделения МВД России с расширенным функционалом либо «независимого» правоохранительного органа – федерального министерства, непосредственно подчиненного Президенту Российской Федерации [8, с. 18].

Президент России В.В. Путин 19 декабря 2024 г. в ходе прямой линии по данному вопросу не занял однозначной позиции, заявив, что «отдельное ведомство по работе с мигрантами России не требуется, однако нужно укреплять эту составляющую, эту работу в рамках Министерства внутренних дел». Президент допустил возможность того, что «по мере получения нужных компетенций, может быть, в будущем можно будет создать и отдельное ведомство. Но так, чтобы там присутствовала и правоохранительная компонента, и экономическая»⁵.

Правовой статус миграционной службы как структурного подразделения МВД России – силового ведомства – обуславливает дисбаланс между развитием контрольно-надзорных и правоохранительных механизмов и упадком тех направлений

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 2 апреля 2025 г. № 205 «О совершенствовании государственного управления в сфере миграции» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Итоги года с Владимиром Путиным [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/75909>

миграционной политики, которые связаны с социальной и правовой адаптацией мигрантов. Сейчас ни МВД России, ни Служба – правопреемник Главного управления по вопросам миграции МВД России – не обладают надлежащими полномочиями в сфере социальной защиты и адаптации мигрантов. Указанный функционал с 2017 года возложен на Федеральное агентство по делам национальностей. Однако, как отмечает М.А. Фираго, «полномочия агентства ограничены: оно не располагает инструментами, позволяющими оказывать мигрантам поддержку, выходящую за рамки информационного сопровождения» [9, с. 504].

Если сохранять за МВД России роль главного органа в вопросах миграции, то требуется расширить его функционал за счет добавления «социально-адаптационных» полномочий.

Второе направление развития миграционной службы считаем решенным – создание шести департаментов Службы в составе МВД России, отвечающих за все вопросы, связанные с подготовкой предложений для формирования миграционной политики и реализацией этой политики во всех сферах миграции. Миграция – это сложное и многоаспектное явление: категорий мигрантов значительное количество – это трудовые мигранты, образовательные мигранты, чрезвычайные мигранты (беженцы), этнические мигранты, мигранты, воссоединяющиеся с семьей, внутренние мигранты. Соответственно, административное регулирование миграции охватывает упорядочение миграционных потоков, организацию подготовки мигрантов к работе в России, вопросы гражданства, аспекты привлечения в Россию соотечественников, проживающих за рубежом, внутреннюю миграцию, социальную интеграцию мигрантов, контроль за соблюдением законодательства мигрантами и их работодателями (образовательными учреждениями), поддержание цифровых сервисов, обеспечивающих регистрацию и контроль, вопросы профессиональной подготовки сотрудников миграционной службы, а также проведения научных исследований в сфере миграции. Сочетание «полицейских» (силовых) и социально-экономических компетенций в рамках одного ведомства представляется достаточно сложной задачей, но если необходимый баланс не будет найден, то новое министерство рискует повторить судьбу упраздненной ФМС. Также следует учитывать, что разделение «силового» и «несилового» функционала сводит на нет саму идею создания отдельного ведомства, комплексно решающего вопросы управления миграционными процессами.

Что касается статуса и полномочий Службы, то наиболее активная коммуникация видится с ФСБ России по вопросам обеспечения наци-

ональной безопасности в контексте совершения мигрантами террористических или диверсионных актов на территории нашей страны, с Рострудом в пределах согласования квот для трудовых мигрантов и с МИД России в рамках согласованных действий по выдаче виз, а также с институтами гражданского общества и религиозными организациями.

Отметим, что в структуре Службы в настоящий момент определено шесть департаментов: паспортной и регистрационной деятельности, разрешительно-визовой работы, цифрового развития и информационных технологий, по внешней трудовой миграции, по вопросам гражданства, по работе с беженцами, соотечественниками и вынужденными переселенцами. Полагаем, что данная структура должна быть дополнена подразделениями, занимающимися социализацией и адаптацией мигрантов, профессиональной подготовкой сотрудников миграционной службы и проведением научных исследований.

Согласно положениям Концепции государственной миграционной политики цифровизация в настоящее время является приоритетным направлением работы по оптимизации и повышению эффективности административных процедур в сфере миграции, а также по профилактике, выявлению и пресечению нарушений миграционного законодательства. Это обуславливает тесное взаимодействие миграционной службы с Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Отметим, что по инициативе данного министерства в январе 2022 года запущена Цифровая платформа миграционных процессов и трудовых ресурсов (в виде мобильного приложения), на которой возможно оформить дополнительное медицинское страхование, ИНН, оплатить патент и получить ряд других услуг, актуальных для внешнего мигранта⁶. Если данная платформа направлена на упрощение процесса доступа и получения мигрантом государственных услуг, т.е. решает вопросы социализации и адаптации, то цифровизация контроля преимущественно осуществляется электронными ресурсами МВД России. Так, в настоящее время на основе информационно-телекоммуникационной инфраструктуры МВД России согласно Указу Президента Российской Федерации от 9 июля 2025 г. № 467⁷ формируется «Цифровой про-

⁶ Платформа для трудовых мигрантов [Электронный ресурс]. – URL: <https://digital.gov.ru/activity/czifrovaya-identifikacziya/platforma-dlya-trudovuyh-migrantov>

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 9 июля 2025 г. № 467 «О государственном информационном ресурсе «Цифровой профиль иностранного гражданина» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

филь иностранного гражданина», на базе официального сайта МВД России и на Едином портале государственных и муниципальных услуг функционирует реестр контролируемых лиц, утративших право законного пребывания в России⁸, в Москве и Московской области тестируется мобильное приложение «Амина» – локатор, который позволяет в автоматическом режиме направлять в территориальное подразделение МВД России уведомления о месте проживания мигранта, об изменениях адреса и о его фактическом положении в определенный период.

На практике реформирование миграционной службы МВД России ограничилось пока преобразованием Главного управления по вопросам миграции МВД России в Службу с незначительным изменением функций и полномочий. Приказ МВД России от 10 июня 2025 г. «Об утверждении Положения о Службе по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан Министерства внутренних дел Российской Федерации»⁹ конкретизирует отдельные полномочия сотрудников Службы, однако принципиальных изменений по сравнению с приказом МВД России от 13 декабря 2019 г. № 940 «Вопросы деятельности Главного управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации»¹⁰ не содержит.

В заключение отметим следующее: мобильность людей следует рассматривать не столько как проблему, сколько как исторический факт и социальное явление, характеризующее глобализованный мир, требующее взвешенного подхода, грамотного государственного управления и регулирования. Помещение мигранта в сценарий двойной связи и взаимодействия обеих стран – происхождения и назначения, многообразный, продолжительный и интерактивный, порождает

правоотношения с элементами интернациональности, что усложняет государственное администрирование миграционных потоков.

В настоящее время сохранение за МВД России главной функции в вопросах миграции представляется логичным в свете ориентированности Концепции миграционной политики на усилении контроля миграционных процессов и защите российских ценностей, которая выводит вопрос международной миграции на уровень национальной безопасности. Но необходимо учитывать ряд моментов. Во-первых, следует помнить, что управление миграцией, это не только репрессии и противодействие криминальной активности мигрантов, но и оптимизация их социальной интеграции, а также подготовка профессиональных кадров и научная деятельность. Исходя из этого требуется либо расширить функционал МВД России за счет добавления «социально-адаптационных» полномочий либо наделить таким функционалом Федеральное агентство по делам национальностей, четко оговорив на уровне ведомственных нормативных правовых актов аспекты взаимодействия между указанными органами исполнительной власти. В вопросах подготовки кадров для миграционной службы в условиях реформирования учебные заведения системы МВД России уже ориентированы на актуализацию учебных программ, а именно включение в них соответствующих дисциплин, раскрывающих вопросы оперативно-разыскной, контрольно-надзорной деятельности в сфере миграции. Необходимо обеспечить надлежащую материально-техническую базу, позволяющую выработать у будущих сотрудников миграционной службы умения и навыки для эффективной работы в условиях «цифровизации миграционной сферы». Во-вторых, нельзя отрицать, что миграция и мигранты – многомерные феномены, т.е. межведомственные «по определению». Независимо от того, будет ли создано «комплексное министерство миграции» или миграционная служба продолжит свое функционирование как структурное подразделение МВД России, полностью самостоятельно эта структура действовать не сможет. Требуется нормативное закрепление на уровне ведомственных (межведомственных) нормативных правовых актов вопросов координации и взаимодействия всех заинтересованных ведомств между собой, а также четкое отслеживание и своевременное устранение дублирующих полномочий.

⁸ См. ст. 31.2 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Приказ МВД России от 10 июня 2025 г. № 360 «Об утверждении Положения о Службе по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан Министерства внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Приказ МВД России от 13 декабря 2019 г. № 940 «Вопросы деятельности Главного управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации» (утратил силу) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. **Аверутин Р.Ю., Паук Н.Н.** Актуальные проблемы законодательного регулирования миграционных процессов на территории государств – участников СНГ, об итогах проведенной 15 октября 2021 года Международной научно-практической конференции // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1 (93). – С. 56–68.

2. **Величко А.И.** Актуальные проблемы современной миграционной политики Российской Федерации // Вестник университета. – 2024. – № 12. – С. 5–14.
3. **Катаева О.В.** О совершенствовании публично-правового регулирования миграции в Российской Федерации / Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 21 марта 2025 г. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. С. 105–110.
4. **Бучакова М.А.** Государственная миграционная политика в свете обеспечения национальной безопасности / Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 21 марта 2025 г. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. С. 100–104.
5. **Липунцова А.В.** Правовое положение органов власти, осуществляющих государственный контроль в сфере миграции // Правовая политика и правовая жизнь. – 2018. – № 3. – С. 140–146.
6. **Разин М.В., Кошкарлова Ю.А.** Исторические аспекты регулирования и контроля миграции в России // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9. № 10-1. – С. 469–476.
7. **Гайнутдинова Е.И.** Становление и развитие миграционной службы Российского государства // Вестник экономической безопасности. – 2020. – № 6. – С. 193–197.
8. **Третьякова Ж.Ю.** Федеральная миграционная служба: перспективы развития // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2010. – № 2. – С. 16–21.
9. **Фираго М.А.** Современные векторы развития государственного администрирования в миграционной сфере в Российской Федерации // Вестник науки. – 2025. – № 6 (87). – С. 500–507.
10. **Рыжакова Ю.Н.** Отдельные вопросы деятельности подразделений по вопросам миграции // Закон и право. – 2024. – № 9. – С. 88–92.

References

1. **Avrutin R.Yu., Pauk N.N.** Aktual'nye problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya migratsionnykh protsessov na territorii gosudarstv – uchastnikov SNG, ob itogakh provedennoi 15 oktyabrya 2021 goda Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2022. – № 1 (93). – С. 56–68.
2. **Velichko A.I.** Aktual'nye problemy sovremennoi migratsionnoi politiki Rossiiskoi Federatsii // Vestnik universiteta. – 2024. – № 12. – С. 5–14.
3. **Kataeva O.V.** O sovershenstvovanii publichno-pravovogo regulirovaniya migratsii v Rossiiskoi Federatsii / Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-protseessual'nogo prava (Sorokinskie chteniya): sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 21 marta 2025 g. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii, 2025. S. 105–110.
4. **Buchakova M.A.** Gosudarstvennaya migratsionnaya politika v svete obespecheniya natsional'noi bezopasnosti / Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-protseessual'nogo prava (Sorokinskie chteniya): sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 21 marta 2025 g. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii, 2025. S. 100–104.
5. **Lipuntsova A.V.** Pravovoe polozhenie organov vlasti, osushchestvlyayushchikh gosudarstvennyi kontrol' v sfere migratsii // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. – 2018. – № 3. – С. 140–146.
6. **Razin M.V., Koshkarova Yu.A.** Istoricheskie aspekty regulirovaniya i kontrolya migratsii v Rossii // Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2019. – Т. 9. № 10-1. – С. 469–476.
7. **Gainutdinova E.I.** Stanovlenie i razvitie migratsionnoi sluzhby Rossiiskogo gosudarstva // Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti. – 2020. – № 6. – С. 193–197.
8. **Tret'yakova Zh.Yu.** Federal'naya migratsionnaya sluzhba: perspektivy razvitiya // Vestnik Povolzhskoi akademii gosudarstvennoi sluzhby. – 2010. – № 2. – С. 16–21.
9. **Firago M.A.** Sovremennye vektory razvitiya gosudarstvennogo administrirovaniya v migratsionnoi sfere v Rossiiskoi Federatsii // Vestnik nauki. – 2025. – № 6 (87). – С. 500–507.
10. **Ryzhakova Yu.N.** Otdel'nye voprosy deyatel'nosti podrazdelenii po voprosam migratsii // Zakon i pravo. – 2024. – № 9. – С. 88–92.

(статья сдана в редакцию 10.11.2025)

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ
ОТ ИНФОРМАЦИИ, ПРИЧИНЯЮЩЕЙ ВРЕД ИХ РАЗВИТИЮ**

**STATE POLICY FOR PROTECTING CHILDREN
FROM INFORMATION HARMFUL TO THEIR DEVELOPMENT**

УДК 342.924

В.А. ШАПОШНИКОВ,
кандидат юридических наук, доцент
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
v.shaposhnikov@mail.ru

VITALY L. SHAPOSHNIKOV,
Candidate of Law, Associate Professor
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: в статье рассматривается правовое регулирование осуществления государством в лице уполномоченных органов деятельности по защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию. Автор анализирует содержание основных подзаконных нормативных актов, определяющих вектор развития государственной политики в области защиты детей от информации, содержащейся в Интернете и причиняющей вред их здоровью и развитию. Определена центральная роль государства и государственных органов в решении задач защиты детей от деструктивной информации посредством проведения широкого спектра воспитательных мероприятий патриотического содержания (правовое просвещение и информационная защита), в создании условий для обеспечения их духовного и нравственного развития, противодействию распространению среди детей деструктивной идеологии в условиях геополитического противостояния Российской Федерации внешним и внутренним угрозам. Раскрываются виды ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации за распространение информации, вредной для здоровья и развития детей. В статье формулируются и обосновываются перспективы развития законодательства Российской Федерации в области защиты детей от информации, причиняющей вред их развитию, раскрывается содержание некоторых мер, которые позволят повысить эффективность работы в этом направлении.

Ключевые слова: Интернет, деструктивная информация, молодежная политика, безопасность.

Для цитирования: Шапошников В.Л. Государственная политика защиты детей от информации, причиняющей вред их развитию // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2025. – № 4. – С. 48–54.

Abstract: the article examines the legal regulation of the implementation by the state, represented by authorized bodies, of activities to protect children from information harmful to their health and development. The author analyzes the content of the main subordinate regulations that determine the vector of development of state policy in the field of protecting children from information contained on the Internet and causing harm to their health and development. The central role of the state and government agencies in solving the tasks of protecting children from destructive information through a wide range of educational activities with patriotic content (legal education and information protection), creating conditions for their spiritual and moral development, countering the spread of destructive ideology among children in the context of the geopolitical confrontation of the Russian Federation with external and internal threats is determined. The types of responsibility in accordance with the legislation of the Russian Federation for the dissemination of information harmful to the health and development of children are disclosed. The article formulates and substantiates the prospects for the development of legislation of the Russian Federation in the field of protecting children from information harmful to their development, reveals the content of some measures that will improve the effectiveness of work in this area.

Keywords: Internet, destructive information, youth policy, safety.

For citation: Shaposhnikov V.L. State policy for protecting children from information harmful to their development // Problems of Law Enforcement Activity. – 2025. – № 4. – P. 48–54.

Масштабы информационного воздействия на сознание и поведение детей в современном мире приобретают колоссальные размеры. Совершенствование информационных технологий, их доступность ставят под угрозу развитие человеческого потенциала, внутреннюю и внешнюю безопасность общества и государства. При этом мировое сообщество единодушно признает одинаковую опасность негативного влияния информационно-телекоммуникационной сети Интернет на детей вне зависимости от их возраста и страны проживания [1; 2].

Пока строятся прогнозы относительно возможного распада Интернета на неопределенное множество национальных и транснациональных информационных сетей [3, с. 78], что, несомненно, упростит работу государственных, контролирующих эту сферу структур, существующие тенденции общественного развития не позволяют равнодушно смотреть на происходящие негативные процессы, причина которых кроется в сети Интернет.

Деструктивное информационное воздействие, исходящее из Интернета, способствует формированию и развитию у детей и подростков неправильного восприятия традиционных российских духовно-нравственных ценностей, провоцирует «психологический слом», следствием которого могут стать как депрессивное состояние, так и проявление девиантного поведения, повышенной агрессии к окружающим. Кроме того, идеологическое и психологическое воздействие на детей через различные средства электронной коммуникации ведет к насаждению чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей, включая культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, созидательного труда, позитивного вклада России в мировую историю и культуру, разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений.

В цифровом пространстве остро, как никогда, поднимается вопрос свободы, поскольку ее реализация требует тщательного правового подхода и правовой регламентации [4, с. 74]. Особая роль в современном обществе в противодействии информации, причиняющей вред развитию детей, отводится механизмам, закрепленным в национальном законодательстве. Следует согласиться с А.Е. Епифановым, утверждающим, что специальное национальное законодательство в цифровой среде, направленное на защиту граждан

от незаконного или вредоносного контента, является относительно недавним явлением [5, с. 37]. Однако следует сказать, что в Российской Федерации уже выработана система нормативного правового регулирования, которая позволяет не только получить развернутое предостережение об этом виде деятельности, но и определить круг и полномочия контролирующих органов.

Население России составляет 146,4 млн человек, из которых 30,2 млн – несовершеннолетние (20,6% населения), из них 27 млн (89,4%) являются активными пользователями сети Интернет¹.

В соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2023 г. № 1105-р «Об утверждении Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации и признании утратившим силу распоряжения Правительства Российской Федерации от 2 декабря 2015 г. № 2471-р» нестабильность эмоциональной сферы и низкий уровень критичности восприятия и обработки информационного потока детьми и подростками свидетельствуют о том, что именно дети и подростки находятся в группе потенциального риска негативного воздействия и интернет-манипуляций с последующим вовлечением в деструктивную деятельность.

В Российской Федерации государственная политика в области защиты детей от негативной информации проводится на протяжении длительного периода. С принятием Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»² сформировался вектор развития государственной политики в области отношений, связанных с защитой детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, в том числе от такой, которая содержится в информационной продукции. На основе указанного закона сформировалось правовое поле, закрепляющее правовые институты в этой специфической, но активно развивающейся сфере общественных отношений. Определен орган исполнительной власти, уполномоченный Правительством Рос-

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2023 г. № 1105-р «Об утверждении Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации и признании утратившим силу распоряжения Правительства Российской Федерации от 2 декабря 2015 г. № 2471-р» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 19. – Ст. 3481.

² Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1. – Ст. 48.

сийской Федерации, в сфере защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, – Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), который уполномочен:

- разрабатывать и реализовывать единую государственную политику в сфере защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию;
- разрабатывать и реализовывать перечень федеральных мероприятий, направленных на обеспечение информационной безопасности детей, производство информационной продукции для детей и оборот информационной продукции;
- устанавливать порядок проведения экспертизы информационной продукции;
- осуществлять федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию.

Причем эта работа проводится по нескольким направлениям. Прежде всего это создание условий, ограничивающих возможность распространения информации, вредной для здоровья и развития детей, выявление фактов ее распространения и административно-правовое воздействие на нарушителей российского законодательства. Согласно ст. 22 Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» нарушение законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, влечет за собой ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации. Так, за нарушение правил маркировки, распространение деструктивной информационной продукции, а также за невыполнение обязанностей по защите детей от вредоносной информации установлена административная ответственность в соответствии со ст. 6.17 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях³ «Нарушение законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию». Гражданско-правовая ответственность предполагает возмещение вреда, причиненного здоровью или развитию ребенка в результате распространения запрещенной

информации, посредством предъявления в судебном порядке гражданских исков о возмещении ущерба. Наконец, за деяния, связанные с распространением вредоносной информации (например, детской порнографии), предусмотрена уголовная ответственность в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации (например, ст. 242.1 «Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних», ч. 2 ст. 110 «доведение несовершеннолетнего лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего» и т.д.)⁴.

Также государственная политика в области защиты детей от деструктивной информации связана с осуществлением комплекса воспитательных мероприятий, направленных на выработку у пользователей своего рода иммунитета к негативному контенту, формирование критической оценки получаемых сведений.

Именно сеть Интернет является проводником значительного объема информации и в наибольшей мере влияет на изменение ее качества [6, с. 131]. Вполне справедливо утверждение О.Ю. Ситковой, что государство должно обеспечить получение детьми качественной и полезной информации [7, с. 30]. Насколько возложение контроля и ответственности на родителей (законных представителей) за деятельностью ребенка в сети Интернет, о которых упоминает тот же автор, является эффективным, можно рассуждать с учетом объективной оценки наличия (отсутствия) специальных знаний у родителей (законных представителей) для осуществления контроля, а также исходя из того, что в Российской Федерации насчитывается более 4,85 млн матерей-одиночек и 1,13 млн отцов-одиночек. Это к вопросу о возможности осуществления такого контроля вообще с точки зрения наличия временных ресурсов у законных представителей.

В соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года»⁵ задачами субъектов воспи-

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

⁵ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 23. – Ст. 3357.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

тательной работы являются обеспечение защиты прав и соблюдение законных интересов каждого ребенка, в том числе гарантий доступности ресурсов системы образования, физической культуры и спорта, культуры и воспитания; формирование внутренней позиции личности по отношению к окружающей социальной действительности. В свою очередь, распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 г. № 2233-р «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года»⁶ закрепило цели молодежной политики в Российской Федерации:

- развитие традиционных российских ценностно-смысловых и нравственных ориентиров, гражданственности и патриотизма в молодежной среде;
- формирование системы ценностей здорового образа жизни в молодежной среде, обеспечение социальных гарантий молодежи, содействие ее образованию, научной, научно-технической и творческой деятельности;
- противодействие деструктивному поведению молодежи, ее правовое просвещение и информационная защита и т.д.

Сформулированы проблемы, возникающие в сфере молодежной политики, а именно:

- экспансия западного образа жизни и стиля потребления (космополитизм, аполитичность, девиация), в том числе посредством сети Интернет;
- распространение, в том числе посредством сети Интернет, деструктивных материалов, причиняющих вред здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию детей и молодежи, распространяющих идеологию терроризма и экстремизма, осуществляющих пропаганду антисемейных ценностей, нетрадиционных сексуальных отношений, потребления психоактивных веществ;
- слабость системы просвещения в сфере работы с информацией, выявления ложных информационных потоков, реагирования в ситуациях травли, обеспечения безопасности персональных данных.

Сегодня приоритетным направлением молодежной политики в Российской Федерации является противодействие деструктивному поведению молодежи, ее правовое просвещение и информационная защита. Мерами реализации этой политики, в соответствии с распоря-

жением Правительства Российской Федерации от 24 июня 2023 г. № 1667-р «Об утверждении комплекса мер по профилактике негативных социальных явлений в детской и молодежной среде на 2023–2025 годы»⁷, является проведение мониторинга сети Интернет на наличие деструктивной активности профилей в субъектах Российской Федерации и выявление противоправного контента для последующей блокировки. Федеральным агентством по делам молодежи (Росмолодежь), автономной некоммерческой организацией «Центр изучения и сетевого мониторинга молодежной среды» оказывается содействие субъектам Российской Федерации в области использования специализированного программного обеспечения, методического и экспертного сопровождения по применению механизмов противодействия распространению деструктивной информации в сети Интернет. Создаются и размещаются в сети Интернет информационные материалы, направленные на укрепление гражданской идентичности, формирование традиционных духовно-нравственных ценностей, а также на профилактику негативных социальных явлений в детской и молодежной среде.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 января 2021 г. № 122-р «Об утверждении плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 года»⁸ определены меры в сфере информационной безопасности и цифровой грамотности для детей, их родителей (законных представителей) и работников образовательных организаций по популяризации информационной продукции для детей, в том числе в печатной, электронной и иных формах распространения, созданию безопасного информационного пространства для детей; установлено ограничение доступа к сайтам (страницам сайтов) в сети Интернет, содержащим информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено.

Особое внимание уделяется мероприятиям по сохранению и укреплению традиционных ценностей. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г.

⁷ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 июня 2023 г. № 1667-р «Об утверждении комплекса мер по профилактике негативных социальных явлений в детской и молодежной среде на 2023–2025 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 27. – Ст. 5083.

⁸ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 января 2021 г. № 122-р «Об утверждении плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 5. – Ст. 914.

№ 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁹ целями государственной политики являются:

- сохранение и укрепление традиционных ценностей, обеспечение их передачи от поколения к поколению;
- противодействие распространению деструктивной идеологии.

Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» определяет перечень видов информации, наносящей вред здоровью и (или) развитию детей (ст. 5). Учитывая, что в Российской Федерации обеспечивается взаимосвязь государственной политики в целом и молодежной политики в частности, следует указать на неполноту этого перечня. Современная геополитическая ситуация, распространение деструктивной идеологии влекут за собой риски подрыва доверия к институтам государства, дискредитации идеи служения Отечеству, формирования негативного отношения к воинской и в целом к государственной службе. Подобного рода информацию также следует отнести к видам информации, причиняющей вред развитию детей, поскольку она приводит к отрицанию идеалов патриотизма, служения Отечеству, любви к Родине, желания сохранять и приумножать богатства страны. Это не способствует формированию ребенка как патриота своей Родины. В современных условиях нет задачи важнее и сложнее, чем задача формирования у молодого поколения патриотизма.

Одним из каналов поступления деструктивной информации в среду молодежи являются социальные сети. Сегодня для большинства подростков социальные сети – это, к сожалению, значительная часть жизни. Несомненно, они включают в себе ряд преимуществ, но с их использованием связаны некоторые угрозы, от которых детей важно ограничить.

Интернету в контексте развития несовершеннолетних отводится положительная роль в Китайской Народной Республике. При этом создается позитивная онлайн-среда, обозначается и преодолевается проблема интернет-зависимости несовершеннолетних, вопросы же кибербезопасности детей решаются развитием у них соответствующих навыков [8, с. 239].

Все большее распространение получает взаимодействие сетевых платформ и мессенджеров для вовлечения детей в несогласованные публичные мероприятия, поскольку несовершеннолетние не только легче поддаются идеологическому и психологическому воздействию, но и при определенных обстоятельствах не подлежат уголовной ответственности.

Выявление фактов совершения противоправных деяний в области распространения информации, причиняющей вред развитию детей, является частью повседневной работы правоохранительных органов, в том числе в рамках взаимодействия с Роскомнадзором и информирования представителей этого органа о выявленных фактах распространения информации, вредной для детей. Особое значение приобретает осуществление различными способами фильтрации информационных ресурсов, включая способы, положительно зарекомендовавшие себя за рубежом, но с учетом отечественной правоприменительной практики [9].

Органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на постоянной основе осуществляется профилактическая работа по недопущению травли (буллинга) среди несовершеннолетних и т.д. [10].

В соответствии с Правилами взаимодействия операторов связи с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 27 августа 2005 г. № 538¹⁰, органы Федеральной службы безопасности Российской Федерации, являясь уполномоченными органами, осуществляют взаимодействие с операторами связи при проведении в рамках оперативно-разыскной деятельности оперативно-разыскных мероприятий, связанных с использованием технических средств, в том числе в интересах других уполномоченных органов. При отсутствии у органов Федеральной службы безопасности Российской Федерации необходимых оперативно-технических возможностей для проведения оперативно-разыскных мероприятий, связанных с использованием технических средств, указанные мероприятия осуществляют органы внутренних дел, являющиеся уполномоченными

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 46. – Ст. 7977.

¹⁰ Постановление Правительства Российской Федерации от 27 августа 2005 г. № 538 «Об утверждении Правил взаимодействия операторов связи с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 36. – Ст. 3704.

ми органами, в том числе в интересах других уполномоченных органов.

Текстовые сообщения пользователей услугами связи, голосовая информация, изображения, звуки, видео-, иные сообщения пользователей услугами связи оператор связи хранит в технических средствах на территории Российской Федерации и в случаях, установленных федеральным законодательством, предоставляет уполномоченным органам.

Указанная информация должна храниться оператором связи в течение трех лет на территории Российской Федерации и предоставляться органам Федеральной службы безопасности, а при отсутствии у органов Федеральной службы безопасности необходимых оперативно-технических возможностей для проведения оперативно-разыскных мероприятий – органам внутренних дел путем осуществления круглосуточного удаленного доступа к базам данных.

Анализ законодательства Российской Федерации позволяет сделать вывод, что в защите прав детей в информационном пространстве центральная роль принадлежит государству, уполномоченным на то государственным структурам, включая правоохранительные органы. При этом используется совокупность методов защиты и административно-правового регулирования как обязывающего, так и запрещающего характера. Стратегической целью государственной политики и деятельности уполномоченных государственных структур в области информационной безопасности детей является развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия.

С учетом имеющихся тенденций развития российского общества, мнений специалистов к направлениям развития законодательства Российской Федерации в области защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, в ближайшей перспективе следует отнести:

– установление законодательного запрета на пользование социальными сетями до достижения подростком определенного возраста. В России таких запретов на сегодняшний день фактически не существует. До определенного периода дети, несмотря на проводимую с ними родителями и школой разъяснительную работу, не в состоянии, в силу особенностей психического развития, критически оценивать информацию и характер ее влияния на себя. Предметом отдельной дискуссии должно стать, о каком возрасте может идти речь;

– установление ответственности родителей (законных представителей) за ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию детей в части несоблюдения запрета подростками до достижения определенного возраста на пользование социальными сетями;

– разработку и внедрение широкой и полной верификации пользователей социальных сетей, т.е. исключение анонимности в социальных сетях, что должно повысить уровень ответственности пользователей за содержание распространяемой информации, способствовать снижению уровня агрессии, случаев деструктивного поведения и демонстрации неуважения друг к другу путем взаимных оскорблений. Сегодня анонимность в социальных сетях является фактором, способствующим совершению противоправных действий в отношении добросовестных пользователей;

– дополнение перечня видов информации, причиняющей вред здоровью и развитию детей, содержащегося в ст. 5 Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», следующим видом информации – «влекущая за собой риски подрыва доверия к институтам государства, дискредитации идеи служения Отечеству, формирования негативного отношения к воинской и в целом к государственной службе».

Литература

1. Долгова С.И. Отдельные аспекты организации деятельности органов внутренних дел государств – участников СНГ по противодействию вовлечению несовершеннолетних в деструктивные группы в сети Интернет // Административное право и процесс. – 2021. – № 6. – С. 68–73.
2. Перица А.С. Феномен использования компьютерных технологий при совершении преступлений против личности: анализ международных документов и уголовного законодательства отдельных стран // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2022. – № 5. – С. 115–126.
3. Емельянов А.С. Информационная безопасность Российской Федерации и перспективы правовой регламентации информационно-коммуникационной сети Интернет // Журнал российского права. – 2022. – № 5. – С. 70–78.
4. Виноградов В.А. Права и свободы человека и гражданина в цифровую эпоху: государства versus IT-гиганты // Журнал российского права. – 2024. – № 9. – С. 72–87.

Теоретические и прикладные аспекты правоохранительной деятельности

5. **Епифанов А.Е.** Защита несовершеннолетних от рисков преступной эксплуатации в сети Интернет (сравнительно-правовой анализ зарубежного и международного опыта) // Международное публичное и частное право. – 2024. – № 4. – С. 36–39.
6. **Напсо М.Б.** Информационные права и их ограничения в условиях трансформации качества информации // Журнал российского права. – 2024. – № 11. – С. 124–137.
7. **Ситкова О.Ю.** Правовая природа права ребенка на доступ к информации и его ограничения в целях защиты ребенка от информации, наносящей вред психическому здоровью и развитию несовершеннолетних // Семейное и жилищное право. – 2021. – № 1. – С. 27–30.
8. **Соломатина Е.А.** Административно-правовое регулирование защиты прав несовершеннолетних при использовании ими информационно-телекоммуникационной сети Интернет (на примере Китайской Народной Республики) // Сибирское юридическое обозрение. – 2025. – № 2. – С. 227–239.
9. **Жарова А.К.** Технологии фильтрации контента в целях предотвращения преступлений, совершенных с использованием Интернета // Российский судья. – 2023. – № 6. – С. 49–54.
10. **Долгова С.И.** Профилактика травли (буллинга) в образовательных организациях и полномочия органов внутренних дел в ее осуществлении // Административное право и процесс. – 2022. – № 11. – С. 57–60.

References

1. **Dolgova S.I.** Otdel'nye aspekty organizatsii deyatelnosti organov vnutrennikh del gosudarstv – uchastnikov SNG po protivodeistviyu вовлечению несовершеннолетних в деструктивные группы в сети Интернет // Административное право и процесс. – 2021. – № 6. – С. 68–73.
2. **Perina A.S.** Fenomen ispol'zovaniya komp'yuternykh tekhnologii pri sovershenii prestuplenii protiv lichnosti: analiz mezhdunarodnykh dokumentov i ugolovnoho zakonodatel'stva otdel'nykh stran // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. – 2022. – № 5. – С. 115–126.
3. **Emel'yanov A.S.** Informatsionnaya bezopasnost' Rossiiskoi Federatsii i perspektivy pravovoi reglamentatsii informatsionno-kommunikatsionnoi seti Internet // Zhurnal rossiiskogo prava. – 2022. – № 5. – С. 70–78.
4. **Vinogradov V.A.** Prava i svobody cheloveka i grazhdanina v tsifrovuyu epokhu: gosudarstva versus IT-giganty // Zhurnal rossiiskogo prava. – 2024. – № 9. – С. 72–87.
5. **Epifanov A.E.** Zashchita nesovershennoletnikh ot riskov prestupnoi ekspluatatsii v seti Internet (sravnitel'no-pravovoi analiz zarubezhnogo i mezhdunarodnogo opyta) // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. – 2024. – № 4. – С. 36–39.
6. **Napso M.B.** Informatsionnye prava i ikh ogranicheniya v usloviyakh transformatsii kachestva informatsii // Zhurnal rossiiskogo prava. – 2024. – № 11. – С. 124–137.
7. **Sitkova O.Yu.** Pravovaya priroda prava rebenka na dostup k informatsii i ego ogranicheniya v tselyakh zashchity rebenka ot informatsii, nanosyashchei vred psikhicheskomu zdorov'yu i razvitiyu nesovershennoletnikh // Semeinoe i zhilishchnoe pravo. – 2021. – № 1. – С. 27–30.
8. **Solomatina E.A.** Administrativno-pravovoe regulirovanie zashchity prav nesovershennoletnikh pri ispol'zovanii imi informatsionno-telekommunikatsionnoi seti Internet (na primere Kitaiskoi Narodnoi Respubliki) // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. – 2025. – № 2. – С. 227–239.
9. **Zharova A.K.** Tekhnologii fil'tratsii kontenta v tselyakh predotvrashcheniya prestuplenii, sovershennykh s ispol'zovaniem Interneta // Rossiiskii sud'ya. – 2023. – № 6. – С. 49–54.
10. **Dolgova S.I.** Profilaktika travli (bullinga) v obrazovatel'nykh organizatsiyakh i polnomochiya organov vnutrennikh del v ee osushchestvlenii // Administrativnoe pravo i protsess. – 2022. – № 11. – С. 57–60.

(статья сдана в редакцию 01.10.2025)

**ЦИФРОВАЯ И ТЕХНОТРОННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ КАК УГРОЗА
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В СФЕРЕ
ЭКОНОМИКИ**

**DIGITAL AND TECHNETRONIC CRIME AS A THREAT
TO RUSSIA'S NATIONAL SECURITY IN THE ECONOMIC SPHERE**

УДК 343.102

И.Н. ВОЛОСЕВИЧ,

кандидат юридических наук
(Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя,
Россия, Москва)
8915133337in@gmail.ru

IGOR N. VOLOSEVICH,

Candidate of Law
(Kikot Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia)

Аннотация: в условиях ускоренной цифровизации общества и экономики цифровая и технетронная преступность становятся все более значимыми факторами, дестабилизирующими национальную безопасность Российской Федерации. В статье рассматриваются масштабы и особенности распространения цифровой преступности, демонстрирующей устойчивый рост и высокую степень латентности. На основе статистических данных показано, что количество преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, увеличилось в 17,5 раза за последнее десятилетие, причем наибольшую угрозу в экономической сфере представляют мошенничество и хищения, сопровождающиеся значительными финансовыми потерями.

Особое внимание уделяется феномену технетронной преступности, представляющей собой более сложную форму цифровой преступности, основанную на использовании высоких технологий – искусственного интеллекта, нейросетей, автономных систем, криптовалюты и даркнета. Отмечается, что технетронная преступность выходит за рамки традиционных уголовно-правовых подходов, поскольку в ее структуре появляются квазисубъекты, действующие независимо от воли человека.

Автор подчеркивает, что для эффективного противодействия новым формам преступности требуется модернизация нормативной базы, развитие оперативно-разыскной деятельности, формирование межведомственного и международного сотрудничества, а также повышение цифровой грамотности населения. Статья обосновывает научную и практическую целесообразность разграничения понятий цифровой и технетронной преступности и подчеркивает необходимость системного подхода к обеспечению экономической безопасности государства.

Ключевые слова: цифровая преступность, технетронная преступность, национальная безопасность, экономика, киберугрозы, искусственный интеллект, криптовалюта, даркнет, оперативно-разыскная деятельность.

Для цитирования: Волосевич И.Н. Цифровая и технетронная преступность как угроза национальной безопасности России в сфере экономики // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2025. – № 4. – С. 55–62.

Abstract: in the context of accelerated digitalization of society and the economy, digital and technetronic crime are becoming increasingly significant factors destabilizing the national security of the Russian Federation. The article examines the scale and features of the spread of digital crime, demonstrating steady growth and a high degree of latency. Based on statistical data, it is shown that the number of crimes committed using information and communication technologies has increased by 17.5 times over the past decade, with the greatest threat in the economic sphere being fraud and theft, accompanied by significant financial losses.

Particular attention is paid to the phenomenon of technetronic crime, which is a more complex form of digital crime based on the use of high technologies – artificial intelligence, neural networks, autonomous systems, cryptocurrencies and the darknet. It is noted that technetronic crime goes beyond traditional criminal law approaches, since quasi-entities acting independently of human will appear in its structure.

The author emphasizes that in order to effectively counter new forms of crime, it is necessary to modernize the regulatory framework, develop operational investigative activities, form interdepartmental and international cooperation, and improve the digital literacy of the population. The article substantiates the scientific and

practical feasibility of distinguishing between the concepts of digital and technetronic crime and emphasizes the need for a systematic approach to ensuring the economic security of the state.

Keywords: digital crime, technetronic crime, national security, economy, cyber threats, artificial intelligence, cryptocurrency, darknet, law enforcement intelligence operations.

For citation: Volosevich I.N. Digital and technetronic crime as a threat to Russia's national security in the economic sphere // Problems of Law Enforcement Activity. – 2025. – № 4. – P. 55–62.

Статистические данные позволяют говорить о том, что российская цифровая преступность в последние годы приобрела характер не просто нового вида преступности, а угрозы национальной безопасности России, и прежде всего в сфере экономики [1; 2].

В 2015 г. в России было зарегистрировано 43 816 преступлений, совершенных с помощью компьютерных и информационно-коммуникационных технологий, в 2018 г. – 174 674 подобных преступления, в 2019 г. – 294 409, в 2020 г. – 510 396, в 2021 г. – 517 722, в 2022 г. – 522 065, в 2023 г. – 676 951, в 2024 г. – 765 365¹, что стало абсолютным рекордом. За январь – май 2025 г. уже совершенно 308 119 преступлений, из которых более половины (158 389) – это тяжкие и особо тяжкие в сфере экономики, в основном мошенничество (154 017)², что говорит об устойчивом росте данного вида преступлений. Таким образом, в течение последнего десятилетия количество преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий, повысилось в 17,5 раза.

Наиболее частыми преступлениями остаются мошенничество и кражи, сопровождающиеся хищением финансов с банковских счетов, оборотом похищенных персональных данных и манипуляциями с цифровыми активами. Ущерб исчисляется десятками миллиардов рублей ежегодно. Потери несут как граждане, так и компании, а также бюджеты всех уровней через недополученные налоги и дополнительную нагрузку на правоохранительную систему.

Криминологический анализ, осуществленный специалистами платформы «Белый Интернет», свидетельствует о том, что цифровая преступность в России в последние годы демонстрирует устойчивые негативные характеристики. К числу ключевых из них относятся высокая ла-

тентность, организованность, корпоративность и институционализация преступной деятельности в цифровой среде³.

По мнению В.Г. Романовского, цифровая преступность в самом широком смысле представляет собой совокупность преступлений, совершаемых в киберпространстве с использованием цифровых технологий [3]. Этот термин часто рассматривается как синонимичный понятиям «киберпреступность» и «хай-тек-преступность».

В работе Я.Г. Ищука, Т.В. Пинкевич и Е.С. Смольянинова «Цифровая криминология» авторы определяют цифровую преступность как качественно новое и многогранное криминологическое явление, представляющее собой совокупность преступных деяний, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных и иных цифровых технологий в виртуальной среде. Подчеркивается, что данное явление не ограничивается только компьютерными преступлениями в узком смысле, а охватывает более широкий спектр противоправных действий, включая мошенничество, кражи, незаконный оборот информации, вмешательство в функционирование информационных систем, а также преступления с использованием искусственного интеллекта и технологий больших данных. Цифровая преступность, по мнению авторов, формируется в условиях цифровизации общества и требует принципиально новых подходов в ее изучении и противодействии, включая разработку цифровой криминологии как самостоятельного направления науки [4, с. 10–18].

В учебнике «Криминология цифрового мира» В.С. Овчинский отмечает, что цифровая преступность (киберпреступность) – это составная часть глобальной цифровой трансформации, охватывающая киберпреступления, терроризм, мошенничество, нарушения конфиденциальности, криминальное использование искусственного интеллекта и блокчейн-технологии. Он подчеркивает, что преступность, терроризм, коррупция и отмывание денег являются теперь

¹ Форма федерального статистического наблюдения № 4-ЕГС «Сведения о состоянии преступности и результатах расследования преступлений за 2015–2024 годы» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Портал правовой статистики. – URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 28.06.2025).

² Состояние преступности в Российской Федерации за январь – май 2025 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://media.mvd.ru/files/application/13000184> (дата обращения: 28.06.2025).

³ Цифровая преступность: угрозы и тренды. Топ-10 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.president-sovet.ru/members/blogs/post/tsifrovaya_prestupnost_ugrozy_i_trendy_top_10/

преимущественно цифровыми, а цифровой след становится основой для оперативно-разыскной деятельности [5, с. 68–71].

Новый подход к цифровой преступности предложил К.Н. Евдокимов, который утверждает, что в настоящее время завершился процесс эволюционного перехода от компьютерной преступности к технотронной, под которой понимается преступная деятельность, связанная с применением технотроники – совокупности технологий, базирующихся на электронике и оказывающих значительное влияние на общественное развитие. Основу таких деяний составляет использование высокотехнологичных решений, прежде всего микроэлектронных средств, для совершения общественно опасных правонарушений. Поэтому автор предлагает выделять не компьютерную преступность, а технотронную, под которой понимает «...совокупность взаимосвязанных и образующих единую целостность общественно опасных деяний, совершенных лицами с использованием компьютерных, информационно-телекоммуникационных, когнитивных, космических, робототехнических и иных высоких технологий на определенной территории за определенный период времени, где основным объектом преступного посягательства выступают конкретные общественные отношения в сфере безопасного создания, использования и распространения высоких технологий» [6, с. 8–29].

На наш взгляд, понятия цифровой и технотронной преступности во многом пересекаются, но не являются тождественными и представляют собой различные этапы и уровни развития высокотехнологичных форм преступного поведения.

Цифровая преступность в отечественной и зарубежной доктрине традиционно определяется как совокупность преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ). Сюда входят такие деяния, как неправомерный доступ к компьютерной информации, распространение вредоносных программ, интернет-мошенничество, фишинг, кража данных и иные правонарушения, в которых цифровые технологии используются в качестве средства, объекта или среды совершения преступления. Цифровая преступность в этом контексте сохраняет зависимость от участия человека как субъекта принятия решений и действия в преступном процессе, а также от контролируемых инструментов, таких как персональные компьютеры, интернет-браузеры, мобильные устройства и т.д.

Технотронная преступность представляет собой более сложный новейший этап эволюции

цифровых угроз. Согласно концепции, предложенной К.Н. Евдокимовым, технотронная преступность формируется на базе синтеза высоких технологий: искусственного интеллекта, автономных информационных систем, нейросетей, робототехники, биоинформатики и когнитивных методов воздействия. В отличие от цифровой технотронной преступности не просто использует ИКТ, но опирается на технологии, способные к автономному принятию решений и самоуправлению. В ней усиливается участие так называемых квазисубъектов – программно-аппаратных комплексов, действующих без непосредственного вмешательства человека, что ставит под сомнение классические уголовно-правовые конструкции субъективной вины, умысла и ответственности.

Научная обоснованность выделения технотронной преступности как самостоятельной категории вытекает не только из различий в технологической базе, но и из степени общественной опасности и специфики правоприменения. Цифровая преступность чаще связана с имущественными преступлениями и нарушением информационной безопасности частных лиц и организаций, тогда как технотронная преступность все чаще представляет угрозу для национальной безопасности, суверенитета, устойчивости государственного управления и критической инфраструктуры. Хакерские группировки, использующие искусственный интеллект, криптовалютные анонимные транзакции и распределенные вычислительные сети, становятся инструментом в информационных войнах и актах цифрового терроризма.

Также существенно различаются инфраструктурные и субъектные характеристики. Если цифровые преступления совершаются преимущественно физическими лицами или организованными группами через интернет-пространство, то технотронные преступления часто реализуются через распределенные сетевые платформы, анонимные системы связи (например, Tor), а также при участии автоматизированных программных агентов, которые выходят за пределы стандартной юрисдикции и контроля. Это означает, что правоохранительные органы сталкиваются с необходимостью не только адаптации существующих методов оперативно-разыскной деятельности, но и концептуального переосмысления самого предмета правоохраны.

Вопрос о том, переросла ли цифровая преступность в технотронную, можно рассматривать с позиций эволюционного развития. Безусловно, технотронная преступность формируется как надстроечный этап цифровой

преступности. Однако она не заменяет ее полностью, а, скорее, расширяет спектр угроз, включая такие элементы, как использование нейротехнологий, подмена реальности через синтетические данные (deepfake), манипуляции с биометрией и автоматизированное воздействие на поведение людей. Таким образом, речь идет не о смене понятий, а о логическом усложнении и углублении природы высокотехнологической преступности.

Подведем промежуточный итог. Существует как теоретическая, так и практическая необходимость в разграничении понятий цифровой и технотронной преступности. Такое разграничение способствует более точному криминологическому анализу, адекватной правовой квалификации новых форм посягательства, а также разработке специализированных мер предупреждения и пресечения. Современное право должно не только фиксировать технологические изменения, но и опережать их с точки зрения нормативного регулирования, институционального реагирования и оперативно-разыскной деятельности.

Совокупность современных тенденций в развитии цифровой и технотронной преступности свидетельствует о том, что данный феномен приобретает устойчивые черты системной угрозы национальной безопасности Российской Федерации в экономической сфере.

Во-первых, наблюдается стремительный рост масштабов цифровых правонарушений, сопровождающийся институционализацией и профессионализацией преступной деятельности. Цифровая преступность становится не стихийной, а устойчивой формой организованной преступности с собственными субкультурами, внутренней иерархией и специализацией – от хакеров и вирусмейкеров до мошенников и операторов теневого криптовалютного схем. Технотронная преступность представляет собой качественно новую высокотехнологичную преступность, основанную на использовании сложных технологических решений, включая искусственный интеллект и нейросети, криптовалюту, квантовые вычисления и распределенные цифровые платформы. В контексте национальной безопасности Российской Федерации она приобретает особую значимость, поскольку подрывает устойчивость ключевых элементов экономической инфраструктуры, нарушает стабильность финансовых рынков и способствует разрушению доверия к цифровым институтам управления и контроля.

Во-вторых, она наносит прямой и косвенный экономический ущерб – от хищений финансовых средств до разрушения доверия к ключе-

вым институтам цифровой экономики (банковской системе, платежной инфраструктуре, цифровым госуслугам). Одновременно растет активность преступных сообществ в даркнете, где происходит продажа персональных данных, вредоносного программного обеспечения и инструментов для проведения атак на инфраструктуру.

В-третьих, высокий уровень как естественной (из-за неосведомленности населения), так и искусственной латентности (недостаточная эффективность правоохранительных органов) создает обстановку безнаказанности и неконтролируемости. Особенно тревожит тот факт, что раскрываемость цифровых преступлений крайне низка, а количество нерешенных дел исчисляется сотнями тысяч. Прежде всего технотронная преступность обладает высокой степенью скрытности и автономности. Использование программных агентов, бот-сетей, анонимных платформ (Tor, Freenet), криптовалютных транзакций и технологий шифрования делает ее практически недостижимой для традиционных правоохранительных механизмов. Это означает, что преступная деятельность может осуществляться с минимальным участием человека, а выявление и пресечение таких актов требует ресурсов, которыми зачастую располагают только специализированные государственные центры цифровой разведки.

Латентность технотронной преступности в экономике становится критически высокой, особенно в сферах электронных платежей, электронной коммерции и дистанционного банковского обслуживания. Дополнительную угрозу представляет использование криптовалюты и анонимных расчетных систем, которые становятся основой «темной» экономики. Преступные доходы от технотронной деятельности легализуются через микшеры, криптобиржи, NFT и смарт-контракты, минуя финансовый контроль и налоговые механизмы государства. В результате государство теряет возможность отслеживать и контролировать ключевые финансовые потоки, а сама экономика становится подверженной криминализации. Это особенно опасно в условиях санкционного давления и ограниченного доступа к международным финансовым площадкам, когда внутренняя финансовая стабильность приобретает первостепенное значение.

В-четвертых, цифровая и технотронная преступность в экономике – это средство цифрового воздействия на макроуровне, используемое в рамках информационных и гибридных войн. Хакерские группировки становятся инструментом политического и экономического давления

на критическую инфраструктуру, а также участвуют в кампаниях дестабилизации и шантажа. Они могут применять технотронные методы для воздействия на финансово-банковскую систему, дестабилизации фондового рынка, подрыва доверия к национальной валюте и цифровым институтам, что напрямую влияет на суверенитет экономической политики и способность государства реализовывать свои стратегические цели. Для достижения указанных задач используется технологически сложная анонимная инфраструктура (например, сети Tor, зашифрованные мессенджеры), выходящая за пределы юрисдикции национальных правоохранительных органов.

В-пятых, в условиях массовой цифровизации и технотронной зависимости современного общества при общем низком уровне цифровой и правовой грамотности граждан отсутствует должная культура информационно-безопасности, что усугубляет уязвимость населения и экономики к киберугрозам.

Особое значение имеет влияние технотронной преступности на стратегическую экономическую инфраструктуру. Речь идет не только о хищении денежных средств, но о более глубоких процессах: подрыве работы финансовых систем, манипулировании ценами на фондовых рынках через фальсифицированные данные и алгоритмическую торговлю, шантаже в отношении компаний через встраивание вредоносного кода в промышленные системы управления (SCADA). Классическим примером являются DDoS-атаки на банки, атаки программ-вымогателей на государственные информационные ресурсы, а также кибершпионаж в отношении оборонных и энергетических предприятий. Все это нарушает экономическую безопасность как отдельных отраслей, так и государства в целом.

Ключевая особенность технотронной преступности заключается в том, что она проникает в сферу управления данными и знаниями, нарушая целостность информационной среды. Экономика XXI века функционирует на основе больших данных, цифровых платформ и доверия к цифровым транзакциям. В этом контексте преступления, направленные на подмену данных, разрушение блокчейн-цепочек, кражу интеллектуальной собственности или внедрение фейковых событий (например, ложных новостей о банкротствах), могут иметь катастрофические последствия. Они способны вызвать обвал рынка, бегство капитала, санкции со стороны партнеров и международных регуляторов.

Таким образом, цифровая и технотронная преступность в России – это уже не только правовая и криминологическая проблема, а системная

угроза, подрывающая устойчивость финансовой системы, инвестиционный климат и технологический суверенитет страны. Она представляет собой многоуровневую угрозу национальной экономической безопасности России, требует выработки специализированных форм противодействия, включающих не только правовые и оперативно-разыскные меры, но и технологическую, кадровую, дипломатическую и образовательную политику, направленную на построение устойчивой цифровой экономики. В условиях ускоренной цифровизации экономики, усиления геополитической турбулентности и внешнего давления эффективное противодействие цифровым преступлениям становится критически важным элементом обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

На фоне стремительного роста цифровой преступности необходимость реформирования оперативно-разыскной деятельности становится очевидной. Традиционные методы оперативно-разыскной деятельности теряют свою эффективность в киберсреде, где преступления приобретают латентный, распределенный и высокотехнологичный характер [7]. Это требует пересмотра как правовой базы, так и практических механизмов осуществления оперативно-разыскной работы.

В первую очередь необходимо обновление нормативного регулирования оперативно-разыскной деятельности в контексте цифровой среды. На сегодняшний день действующее законодательство (в частности, Федеральный закон «Об оперативно-разыскной деятельности»⁴) не содержит норм, отражающих специфику киберпространства. Между тем цифровая преступность формируется в условиях анонимности, децентрализации и трансграничности, что требует включения в законодательство специальных положений о проведении оперативно-разыскных мероприятий в Интернете, об обращении с цифровыми следами и о допустимости использования данных, полученных с помощью цифровых средств (лог-файлов, IP-адресов, метаданных и др.). Технологическая сторона также требует комплексной модернизации. Подразделения, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность, должны быть оснащены современными цифровыми инструментами, позволяющими автоматизировать сбор и анализ информации, включая средства дешифровки, криптоанализа, мониторинга даркнета и распознавания цифровых шаблонов преступной деятельности. Кроме

⁴ Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

того, должна быть развернута система предиктивной аналитики, основанная на алгоритмах машинного обучения и искусственного интеллекта, с целью выявления потенциальных угроз на ранней стадии.

Одновременно необходимо трансформировать кадровый состав и структуру оперативно-разыскной деятельности. Уже сейчас многочисленные ученые и практики [8; 9] указывают на потребность в создании специализированных кибероперативных подразделений, а также привлечении технических специалистов: ИТ-аналитиков, программистов, криптографов, специалистов по блокчейну. Такая интеграция профессиональных компетенций обеспечит надлежащий уровень технической экспертизы в оперативной работе, особенно при раскрытии высокотехнологичных преступлений – от фишинга и взлома до транснациональных финансовых схем в криптовалюте.

Мы поддерживаем мнение Ю.Н. Жданова и В.С. Овчинского, что отдельное внимание следует уделить агентурной работе в цифровой среде [10]. С учетом того, что значительная часть преступных коммуникаций переместилась в даркнет, закрытые форумы, зашифрованные мессенджеры и социальные сети, необходимо развивать методики внедрения оперативников в эти сообщества, создавать и сопровождать легендированные цифровые личности, а также формировать сеть информаторов среди участников киберпреступных сообществ. Оперативная активность в таких условиях требует не только технической оснащенности, но и новой профессиональной культуры.

Эффективная оперативно-разыскная деятельность в сфере цифровой преступности невозможна без межведомственного и международного сотрудничества. Многие авторы указывают на необходимость установления устойчивых каналов взаимодействия с интернет-провайдерами, ИТ-компаниями, операторами платежных систем, а также с международными структурами вроде Европола, Интерпола и национальными киберцентров [11; 12; 13]. Это позволит не только отслеживать преступные потоки в реальном времени, но и своевременно реагировать на киберугрозы транснационального характера, включая кибершпионаж, кибертерроризм и вмешательство в критическую инфраструктуру.

Наконец, внимание следует уделить вопросам информационной безопасности самих оперативных структур [14]. Рост цифровой преступности сопряжен с повышением рисков утечки служебной информации, подделки документов, атак на внутренние базы данных правоохранительных органов. В этой связи

должна быть обеспечена защита оперативных каналов связи, персональных данных сотрудников и цифровых архивов с использованием отечественных решений и сертифицированных криптографических протоколов.

Таким образом, для успешной адаптации оперативно-разыскной деятельности к вызовам цифровой эпохи необходимо проведение комплексных реформ, охватывающих законодательство, технологии, кадры, международное сотрудничество и вопросы безопасности. Эти меры не только позволят повысить эффективность противодействия цифровой преступности, но и обеспечат стабильность и защищенность информационно-экономического пространства Российской Федерации.

Подведем итог нашего исследования. Современное состояние цифровой и технотронной преступности в Российской Федерации свидетельствует о трансформации этих форм противоправной деятельности из проблемы борьбы с преступностью в масштабную и системную угрозу национальной безопасности, особенно в экономической сфере. За последние 10 лет количество цифровых преступлений возросло в 17,5 раза, а их последствия стали носить характер широкомасштабного финансового, информационного и институционального ущерба, подрывающего стабильность государства.

Цифровая преступность, изначально ограниченная сферой компьютерных и телекоммуникационных технологий, приобрела институционализированные черты: устойчивую организацию, внутреннюю субкультуру, латентность и корпоративный характер. Ее расширение и эволюция привели к формированию технотронной преступности – нового уровня угрозы, основанного на использовании высоких технологий, включая искусственный интеллект, блокчейн, нейросети, автономные системы и криптоинфраструктуру. Технотронные преступления выходят за пределы традиционного уголовного права, ставя под сомнение применимость классических конструкций вины, субъекта и умысла.

Особую угрозу цифровая и технотронная преступность представляет для экономической безопасности (массовые кражи, мошенничество с использованием цифровых активов, атаки на критически важную инфраструктуру, финансовые системы и оборот персональных данных и т.д.). В условиях геополитической нестабильности и санкционного давления такие преступления не только подрывают внутреннюю устойчивость, но и могут быть инструментом внешнеполитического давления.

Для эффективного противодействия необходима комплексная модернизация системы

безопасности – от обновления нормативной базы и расширения возможностей оперативно-розыскной деятельности до формирования новых технологических инструментов, международного взаимодействия и подготовки специалистов. Государственная политика в сфере

обеспечения цифровой безопасности должна включать превентивные, правовые, технологические и образовательные меры, направленные на снижение уязвимости экономики и общества перед цифровыми и технотронными угрозами.

Литература

1. **Иванов П.И.** Оперативно-розыскное противодействие киберпреступлениям (проблемы и пути их решения) // Труды Академии управления МВД России. – 2022. – № 4 (64). – С. 83–92.
2. **Малянова К.П.** Особенности осуществления оперативно-розыскной деятельности и основные угрозы безопасности киберпространства в условиях цифровизации общества и виртуализации реальности // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2023. – № 2 (40). – С. 87–93.
3. **Романовский В.Г.** Цифровая преступность: понятие, криминологические особенности, проблемы противодействия // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. – 2024. – № 3 (71). – С. 123–136.
4. **Ищук Я.Г., Пинкевич Т.В., Смольянинов Е.С.** Цифровая криминология: учебное пособие. – Москва: Академия управления МВД России, 2021. – 244 с.
5. **Овчинский В.С.** Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2018. – 352 с.
6. **Евдокимов К.Н.** Противодействие технотронной преступности: теория, законодательство, практика. – Иркутск, 2023. – 171 с.
7. **Овчинский В.С.** От редактора. Цифровизация, преступность, оперативно-розыскная деятельность: угрозы и возможности / Оперативно-розыскная деятельность в цифровом мире: сборник научных трудов. – Москва: ИНФРА-М, 2021. С. 8–23.
8. **Конуров А., Конюшев В., Абрамов М.** Создание и развитие концептуального облика цифровой полиции // Профессионал. – 2019. – № 5. – С. 2–5.
9. **Саркисян Г.Г.** Особенности подготовки аналитиков для подразделений, осуществляющих информационно-аналитическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации / Оперативно-розыскная деятельность в цифровом мире: сборник научных трудов. – Москва: ИНФРА-М, 2021. С. 261–268.
10. **Жданов Ю.Н., Овчинский В.С.** Стратегия Евросоюза по борьбе с организованной преступностью на 2021–2025 годы и ее значение для совершенствования оперативно-розыскной деятельности в цифровой среде / Оперативно-розыскная деятельность в цифровом мире: сборник научных трудов. – Москва: ИНФРА-М, 2021. С. 416–420.
11. **Городов П.П.** О транснациональном характере современной киберпреступности и задачах по противодействию ей со стороны субъектов оперативно-розыскной деятельности / Оперативно-розыскная деятельность в цифровом мире: сборник научных трудов. – Москва: ИНФРА-М, 2021. С. 24–29.
12. **Меркушин В.В.** Транснациональная организованная преступность в контексте угроз безопасности государств: теоретические и международно-правовые аспекты // Проблемы управления (Минск). – 2022. – № 3 (85). – С. 77–87.
13. **Мелихов А.И., Харченко А.В., Працко Г.С.** Обеспечение национальной безопасности как основная цель международного сотрудничества в сфере оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2023. – № 4 (67). – С. 157–164.
14. **Осипенко А.Л.** Цифровизация общества и виртуализация реальности: усложнение вызовов и расширение перспектив оперативно-розыскной деятельности / Оперативно-розыскная деятельность в цифровом мире: сборник научных трудов. – Москва: ИНФРА-М, 2021. С. 167–172.

References

1. **Ivanov P.I.** Operativno-rozysknoe protivodeistvie kiberprestupleniyam (problemy i puti ikh resheniya) // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2022. – № 4 (64). – S. 83–92.
2. **Malyanova K.P.** Osobennosti osushchestvleniya operativno-rozysknoi deyatel'nosti i osnovnye ugrozy bezopasnosti kiberprostranstva v usloviyakh tsifrovizatsii obshchestva i virtualizatsii real'nosti // Sibirskie ugovovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya. – 2023. – № 2 (40). – S. 87–93.
3. **Romanovskii V.G.** Tsifrovaya prestupnost': ponyatie, kriminologicheskie osobennosti, problemy protivodeistviya // Izvestiya vuzov. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki. – 2024. – № 3 (71). – S. 123–136.
4. **Ishchuk Ya.G., Pinkevich T.V., Smol'yaninov E.S.** Tsifrovaya kriminologiya: uchebnoe posobie. – Moskva: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2021. – 244 s.
5. **Ovchinskii V.S.** Kriminologiya tsifrovogo mira: uchebnik dlya magistratury. – Moskva: Norma: INFRA-M, 2018. – 352 s.
6. **Evdokimov K.N.** Protivodeistvie tekhnotronnoi prestupnosti: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika. – Irkutsk, 2023. – 171 s.
7. **Ovchinskii V.S.** Ot redaktora. Tsifrovizatsiya, prestupnost', operativno-rozysknaya deyatel'nost': ugrozy i vozmozhnosti / Operativno-rozysknaya deyatel'nost' v tsifrovom mire: sbornik nauchnykh trudov. – Moskva: INFRA-M, 2021. S. 8–23.
8. **Konurov A., Konyushev V., Abramov M.** Sozdanie i razvitie kontseptual'nogo oblika tsifrovoi politsii // Professional. – 2019. – № 5. – S. 2–5.
9. **Sarkisyan G.G.** Osobennosti podgotovki analitikov dlya podrazdelenii, osushchestvlyayushchikh informatsionno-analiticheskoe obespechenie operativno-rozysknoi deyatel'nosti organov vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii / Operativno-rozysknaya deyatel'nost' v tsifrovom mire: sbornik nauchnykh trudov. – Moskva: INFRA-M, 2021. S. 261–268.

10. **Zhdanov Yu.N., Ovchinskii V.S.** Strategiya Evrosoyuza po bor'be s organizovannoi prestupnost'yu na 2021–2025 gody i ee znachenie dlya sovershenstvovaniya operativno-rozysknoi deyatel'nosti v tsifrovoi srede / Operativno-rozysknaya deyatel'nost' v tsifrovom mire: sbornik nauchnykh trudov. – Moskva: INFRA-M, 2021. S. 416–420.

11. **Gorodov P.P.** O transnatsional'nom kharaktere sovremennoi kiberprestupnosti i zadachakh po protivodeistviyu ei so storony sub"ektov operativno-rozysknoi deyatel'nosti / Operativno-rozysknaya deyatel'nost' v tsifrovom mire: sbornik nauchnykh trudov. – Moskva: INFRA-M, 2021. S. 24–29.

12. **Merkushin V.V.** Transnatsional'naya organizovannaya prestupnost' v kontekste ugroz bezopasnosti gosudarstv: teoreticheskie i mezhdunarodno-pravovye aspekty // Problemy upravleniya (Minsk). – 2022. – № 3 (85). – S. 77–87.

13. **Melikhov A.I., Kharchenko A.V., Pratsko G.S.** Obespechenie natsional'noi bezopasnosti kak osnovnaya tsel' mezhdunarodnogo sotrudnichestva v sfere operativno-rozysknoi deyatel'nosti organov vnutrennikh del // Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii. – 2023. – № 4 (67). – S. 157–164.

14. **Osipenko A.L.** Tsifrovizatsiya obshchestva i virtualizatsiya real'nosti: uslozhnenie vyzovov i rasshirenie perspektiv operativno-rozysknoi deyatel'nosti / Operativno-rozysknaya deyatel'nost' v tsifrovom mire: sbornik nauchnykh trudov. – Moskva: INFRA-M, 2021. S. 167–172.

(статья сдана в редакцию 04.09.2025)

**КОНСПИРАТИВНОСТЬ, КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ,
ТАЙНОСТЬ, СЕКРЕТНОСТЬ И НЕГЛАСНОСТЬ В ТЕОРИИ
ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СИНОНИМЫ
ИЛИ АСПЕКТОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАКТОВКА СКРЫТОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**CONSPIRACY, CONFIDENTIALITY, SECRECY,
PRIVACY AND NON-PUBLICITY IN THE THEORY
OF OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES: SYNONYMS
OR ASPECTOLOGICAL INTERPRETATION OF COVERT
ACTIVITIES**

УДК 343.102

А.Н. СИМОНОВ,

кандидат юридических наук
(Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя,
Россия, Москва)
rallysim57@mail.ru

ALEKSEY N. SIMONOV,

Candidate of Law
(Kikot Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia)

Аннотация: в статье проводится комплексный анализ ключевых терминов, обозначающих различные формы и аспекты скрытой деятельности в оперативно-разыскной сфере: конспиративности, конфиденциальности, тайности, секретности и негласности. Автор ставит перед собой задачу выявить, являются ли эти понятия синонимами или представляют собой самостоятельные категориальные элементы, выполняющие различные функции в системе оперативно-разыскной деятельности.

В качестве методологической базы использованы нормативный правовой анализ действующего законодательства (включая Закон Российской Федерации «О государственной тайне» и Федеральный закон «Об оперативно-разыскной деятельности»), сравнительно-правовой и аспектологический подходы, а также анализ научных позиций ведущих исследователей (А.Ю. Шумилова, Н.В. Павличенко, М.Е. Захарцева и др.). Такой междисциплинарный инструментарий позволил рассмотреть указанные категории как взаимосвязанные, но не тождественные элементы.

Данные термины отражают разные аспекты скрытой работы в оперативно-разыскной деятельности – от правового регулирования (секретность, конфиденциальность) до тактики (конспиративность), качества информации (тайность) и сущностной формы действия (негласность).

Особое внимание уделено негласности как онтологическому признаку оперативно-разыскной деятельности, отличающему ее от иных форм получения информации. В рамках анализа раскрываются правовые источники, научные мнения и нормативно-прикладные интерпретации, демонстрирующие функциональные различия между терминами. Сделан вывод о недопустимости их смешения в теоретической и прикладной плоскости, а также о необходимости формирования унифицированной терминологической базы в теории оперативно-разыскной деятельности.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, негласность, секретность, тайность, конфиденциальность, конспиративность, режим секретности, скрытая информация, скрытая деятельность.

Для цитирования: Симонов А.Н. Конспиративность, конфиденциальность, тайность, секретность и негласность в теории оперативно-разыскной деятельности: синонимы или аспектологическая трактовка скрытой деятельности // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2025. – № 4. – С. 63–69.

Abstract: the article provides a comprehensive analysis of key terms denoting various forms and aspects of covert activity in the operational-search sphere: secrecy, confidentiality, secrecy, secrecy and non-publicity. The author sets the task of identifying whether these concepts are synonyms or represent independent categorical elements that perform various functions in the operational-search activity system.

The methodological basis includes a normative-legal analysis of the current legislation (including the Law of the Russian Federation “On State Secrets” and the Federal Law “On Operational-Investigative Activities”), comparative legal and aspectological approaches, as well as an analysis of the scientific positions of leading

researchers (A.Yu. Shumilova, N.V. Pavlichenko, M.E. Zakhartseva, etc.). Such interdisciplinary tools made it possible to consider these categories as interrelated, but not identical elements.

These terms reflect different aspects of covert work in operational investigative activities: from legal regulation (secrecy, confidentiality) to tactics (conspiracy), quality of information (secrecy) and the essential form of action (non-publicity).

Particular attention is paid to “non-publicity” as an ontological feature of operational investigative activities, which distinguishes it from other forms of obtaining information. The analysis reveals legal sources, scientific opinions and normative and applied interpretations demonstrating the functional differences between the terms. A conclusion is made about the inadmissibility of their mixing in the theoretical and applied plane, as well as the need to form a unified terminology base in the theory of operational investigative activities.

Keywords: law enforcement intelligence operations, non-disclosure, secrecy, confidentiality, conspiracy, secrecy regime, hidden information, hidden activity.

For citation: Simonov A.N. Conspiracy, confidentiality, secrecy, privacy and non-publicity in the theory of operational-search activities: synonyms or aspectological interpretation of covert activities // Problems of Law Enforcement Activity. – 2025. – № 4. – P. 63–69.

В теории оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) употребляется огромное количество терминов, обозначающих скрытность. Что такое конспиративность, конфиденциальность, тайность, секретность и негласность в теории оперативно-разыскной деятельности? Синонимы или аспектологическая трактовка скрытой деятельности? Для ответа на эти вопросы обратимся к правовым источникам и научным мнениям.

Сразу необходимо определиться, что негласность, конспирация, секретность, тайна (тайность) и конфиденциальность являются нормативными и правовыми терминами, активно используемыми в государственном и ведомственном нормотворчестве. Разделить их по критерию использования в праве не получится. Попробуем выявить единую логику их применения в нормативном материале.

Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне»¹ в ст. 2 дает понятие государственной тайны, по аналогии с которым мы можем обозначить тайну как защищаемые их обладателем сведения, распространение которых может нанести ущерб ему или лицам, входящим в круг его интересов. Исходя из этого определим, тайна – это информация, представляющая опасность, а тайность – это свойство информации, обозначающее ее недоступность из-за опасности. Таким образом, тайность – это недоступность с дополнительными свойствами опасности.

Секретность как термин раскрывается через понятия грифа секретности и режима секретности. В этой связи секретность можно определить как степень защищенности информации или инструмент правового режима защиты и использования информации.

В ОРД термин «секретность» рассматривается как элемент организационно-правового механизма защиты сведений, составляющих государственную тайну, и составляет важнейшую часть режима негласности. Режим секретности «представляет собой совокупность правовых, организационных и технических мероприятий, обеспечивающих сохранность сведений, составляющих государственную или иную охраняемую законом тайну, в ходе осуществления оперативно-разыскной деятельности» [1].

Таким образом, в ОРД под секретностью понимается установленный законом и подзаконными актами порядок работы с информацией ограниченного доступа (особенно составляющей государственную или служебную тайну), включающий требования к допуску, условиям хранения, передачи и защиты таких сведений.

Согласно ст. 8 «Конфиденциальность информации» Инструкции о технологии и порядке информационного взаимодействия систем Интерпола I-24/7 и ЕИТКС ОВД, утвержденной приказом МВД России от 1 июля 2009 г. № 497, термин «конфиденциальность» обоснованно и закономерно используется наряду с термином «секретность» как гипонимы механизма правового режима защиты информации. Поскольку секретность – правовой институт, применяемый исключительно в общегосударственном документообороте, конфиденциальность – это маркировка сокрытия информации во всех остальных видах деятельности, в том числе и в международной².

Что касается конспиративности, то конспирацию, по нашему мнению, тоже можно назвать инструментом режима защиты и использования

¹ Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» (ред. от 08.08.2024) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Конвенция Совета Европы об отмытии, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма (Варшава, 16 мая 2005 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

информации, но уже отчасти вне правового поля в отличие от режимов секретности и конфиденциальности, т.е. конспиративность – механизм режима использования и защиты информации, обеспеченный не столько действием норм права, сколько действиями субъектов, гарантирующих данный режим. Конфиденциальность, по нашему мнению, достигается не угрозой карательной негативной юридической ответственности, а позитивной ответственностью – ответственностью как качеством субъекта – обладателя информации. Однако нужно отметить, что в ведомственной нормативной базе МВД России существует институт оценки состояния режима секретности и конспирации как один из критериев оценки деятельности инспектируемого органа внутренних дел, а следовательно, соблюдение данного режима все-таки обеспечивается угрозой дисциплинарной ответственности³.

Негласность – самый неопределенный термин в отечественном праве. С одной стороны, он 17 раз употребляется в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности»⁴, а с другой – не получает конкретизации в открытой нормативной базе МВД России. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» говорит о негласности как свойстве ОРД (ст. 1); свойстве инструментов (методов и средств), используемых в ОРД (ст. 3); одной из функций ОРД (негласное получение информации) (ст. 4); свойстве участников ОРД (негласные сотрудники органов, осуществляющие ОРД, – штатные (ст. 5) и внештатные (ст. 6)); критерии правового ограничения ОРД (запрет субъектам ОРД принимать негласное участие в работе органов публичной власти и политической деятельности) (ст. 5); свойстве оперативно-розыскных мероприятий (ст. 12, 15).

Таким образом, негласность – это свойство ОРД, а также свойство правового статуса ее участников, одной из ее функций и одной из организационно-правовых форм ОРД и критерий ее ограничения.

Если учесть все вышеобозначенное, то получится, что конспиративность, конфиденциальность, тайность, секретность – это свойства информации, а негласность – это свойство деятельности. Конспиративность, конфиденциальность, тайность, секретность – инструменты режима использования и защиты сокрытой информации. Негласность – сокрытая деятель-

ность. Что это дает теории ОРД, кроме терминологической определенности? Чтобы понять существенные различия, обратимся к научным материалам.

Согласно определению, данному Н.В. Павличенко, обеспечение негласности в ОРД представляет собой деятельность субъектов и участников ОРД, направленную на сокрытие от определенной группы лиц информации, способной нанести ущерб интересам раскрытия, расследования преступления. Средствами достижения негласности в ОРД являются конспирация, обеспечение режима секретности и режима ограничения распространения информации, которая не составляет государственную и служебную тайну, но способна рассекретить силы, средства и методы ОРД [2, с. 45–46].

Таким образом, конспирация и секретность, по мнению Н.В. Павличенко, являются не синонимами негласности, а средством достижения негласности в ОРД.

Также Н.В. Павличенко акцентирует внимание на различии секретности (как формализованной системы норм и допуска) и конспирации (как организационно-тактической категории), подчеркивая, что «режим секретности – это организационно-правовой аспект, а конспирация – организационно-тактический» [2, с. 93].

Авторы монографии «Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: вызовы и ориентиры развития» рассматривают термины «конспиративность», «конфиденциальность», «тайность», «секретность» и «негласность» как близкие, но не тождественные категории, каждую из которых они раскрывают с точки зрения ее места в системе обеспечения скрытности ОРД.

Конспиративность определяется авторами как способность субъекта ОРД действовать скрытно, что относится скорее к поведению, обеспечивающему сокрытие участия и присутствия.

Конфиденциальность характеризуется как защита сведений от несанкционированного распространения, в том числе в отношении источников информации и лиц, оказывающих содействие. Конфиденциальность понимается преимущественно как правовой режим, гарантирующий неразглашение.

Тайность используется как обобщающий термин, он менее конкретен по сравнению с секретностью и негласностью. Авторы рассматривают его, скорее, как качественное состояние быть скрытым.

Секретность интерпретируется как строго регламентированный режим, основанный на законодательстве о государственной и служебной тайне. Это юридическая и организационно-правовая категория, обеспечивающая охрану информации.

³ Приказ МВД России от 5 октября 2005 г. № 815 «Об организации и проведении инспектирования и контрольных проверок деятельности органов внутренних дел» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Негласность рассматривается как признак самой ОРД, отражающий способ ее осуществления (негласно), т.е. без публичного уведомления объекта воздействия. В отличие от секретности негласность охватывает весь процесс проведения мероприятия, включая его инициирование, подготовку и реализацию.

Авторы подчеркивают важность различения этих терминов, указывая, что их смешение в теории ОРД приводит к правовым и организационным коллизиям. В частности, они указывают на необходимость категоризации понятий для формирования единой научной терминологической базы [3, с. 180–185].

В своей многотомной монографии «Оперативно-разыскная наука в Российской Федерации» А.Ю. Шумилов термины «конспиративность», «конфиденциальность», «тайность», «секретность» и «негласность» рассматривает как ключевые элементы системы скрытого характера ОРД, каждый из которых имеет самостоятельное смысловое и функциональное значение.

Ученым предлагается системный диалектический подход к терминологическим различиям между понятиями «конспиративность», «конфиденциальность», «тайность», «секретность» и «негласность» применительно к теории ОРД.

Наиболее значимые выводы изложены в разделе, где анализируется функционирование оперативно-разыскной реальности через «единство противоположностей» – открытых и закрытых начал. А.Ю. Шумилов пишет: «...Функционирование (оперативно-разыскной реальности. – *Прим. авт.*) согласно присутствию ей единству противоположностей, т.е. проявления ее взаимообусловленных гласных (открытых) и негласных (закрытых, секретных) начал... открытость... стремится к росту... а второе – негласность – объективно подлечит уменьшению... Однако их единство носит существенный характер, а потому не может быть разорвано (уничтожено одно из начал) без ущерба сущности самой оперативно-разыскной реальности» [4, с. 13].

Негласность рассматривается как неизбежная, но постепенно сужающаяся часть оперативно-разыскной реальности.

Секретность и тайность – проявления закрытого начала (в контексте защиты содержания и методов ОРД).

Конспиративность – это скорее инструмент или способ обеспечения негласности и секретности, характеризующий практическую сторону оперативной маскировки.

Конфиденциальность – промежуточная форма между открытым и закрытым, связанная с ограничением доступа, но не с абсолютной тайной.

А.Ю. Шумилов также прямо связывает развитие оперативно-разыскной науки с постепенным ростом открытого знания и сужением зоны негласности, что, по его мнению, является научным законом оперативно-разыскной реальности.

Эти термины он толкует не как синонимы, а как функционально взаимосвязанные элементы в структуре оперативно-разыскной науки.

Он дает следующие определения рассматриваемым понятиям:

1. Конспирация (от лат. *conspiratio* – заговор):

– сохранение втайне от посторонних чего-либо;

– предъявляемая законодателем система требований и условий их реализации, направленных на сохранение втайне информации об ОРД, выход из владения которой может нанести ущерб деятельности;

– один из определенных законодателем принципов ОРД, контрразведывательной и разведывательной деятельности.

Заключается в их организации таким образом, чтобы сохранить втайне от посторонних субъектов тактику, содержание, формы и методы, силы и средства проведения конкретных ОРМ [5, с. 120].

2. Конфиденциальность означает доверительность, секретность. Это свойство чего-либо, предполагающее сохранение его втайне от посторонних. В ОРД это специфическое правовое отношение между представителем государства (оперативником) и человеком, согласившимся оказывать содействие в негласной форме. Характеризуется юридическими правами и обязанностями сторон. Конфиденциальность есть сущностной аспект ОРД [6, с. 106].

3. Тайность и секретность А.Ю. Шумилов прямо не противопоставляет, но использует эти термины в контексте уровня допуска к информации. Тайна, по его мнению, более широкое понятие, включающее различные виды: государственную, служебную, профессиональную и личную, а секретность – свойство информации или процедуры, требующее охраны от разглашения.

Термины используются для разграничения между тем, что подлечит охране (тайность), и режимом обращения с этим знанием (секретность). Это объясняется через гносеологические уровни открытости/закрытости информации, особенно в контексте гласности и негласности.

Что касается негласности, то А.Ю. Шумилов считает ее свойством ОРД, без которого «...сущность ОРД изменится, а она сама переродится в нечто иное» [6, с. 107].

А.И. Мелихов в своей диссертации, как и предыдущие авторы, рассматривает негласность как отличительную черту ОРД. Однако он подходит к данному термину с естественно-научной точки зрения, как к естественному поведенческому ме-

ханизму, укорененному в биологической и социальной природе человека и его сообществ. Для этого он обращается к бихевиористическому и этологическому подходам, раскрывая их значимость в теории ОРД. А.И. Мелихов видит смысл негласности в ОРД, с одной стороны, как инструмента минимизации риска провала операции, раскрытия агента или утраты контроля над ситуацией, а с другой – инструмента добывания информации, принимающего форму тактики легендирования, внедрения, слежки и сокрытия информации. Рассматривая роль негласности в обеспечении национальной безопасности, он, по сути, выделяет разведывательное и контрразведывательное значение негласности, обозначая две ее функции – обеспечение непознаваемости свойств нации как объекта обеспечения безопасности (контрразведывательное) и обеспечение объективности информации о полезных и опасных свойствах самого объекта обеспечения безопасности и окружающего его мира (разведывательное). В диалектике бихевиористического и этологического подходов к ОРД он видит два основных метода добывания информации ОРД – гласное наблюдение за объектом в искусственно созданной среде и негласное наблюдение за объектом в его естественных условиях [7, с. 156–171]. Оригинально характеризуя негласность как свойство ОРД, он тем не менее не дает критериев отличия этого понятия от иных.

Исходя из анализа ряда научных работ [8; 9; 10; 11] можно сделать вывод, что в теории ОРД авторы предлагают не столько иерархию терминов, сколько структурную систему их взаимосвязи, в которой:

- негласность – онтологическое свойство ОРД;
- конспиративность – инструментальная организация негласности;
- конфиденциальность – правовой режим взаимодействия;
- секретность – информационный режим;
- тайность – объект охраны.

Подведем итоги научной дискуссии. Термины «негласность», «секретность», «тайность», «конфиденциальность» и «конспиративность» часто используются как взаимозаменяемые в обыденной и даже профессиональной речи, особенно в контексте ОРД. Однако с научной и правовой точек зрения они не являются синонимами, поскольку обозначают разные уровни, формы и механизмы сокрытия информации, каждый из которых выполняет особую функцию в системе обеспечения безопасности, контроля и правового порядка.

Прежде всего негласность – это ключевая, фундаментальная категория ОРД. Она означает не просто отсутствие публичности, а определенный способ действия, при котором вся операция осуществляется скрытно – от момента замыс-

ла и сбора информации до ее использования. Негласность регулируется Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» (в частности, ст. 6 указанного закона, вводя ряд запретов, связанных с негласным получением информации, по сути, устанавливает монополию на «негласное получение информации» как инструмент, используемый только в рамках ОРД как специального правового режима) и относится к правовому способу достижения целей ОРД. Она охватывает не только тактику, но и весь смысл ОРД как метода получения недоступной обычными средствами информации.

Негласность в ОРД – это особый, правомерно институционализированный способ скрытого получения, проверки и использования информации, реализация которого осуществляется без уведомления объекта воздействия с целью предупреждения, выявления, пресечения и раскрытия преступлений. В условиях правового режима она представляет собой монопольный инструмент государства, позволяющий оперативным органам действовать вне сферы общественного контроля, но в пределах закона, обеспечивая тем самым эффективность борьбы с преступностью в случаях, когда открытые средства правопорядка оказываются недостаточными или неработоспособными.

Негласность как монопольный инструмент обладает уникальными характеристиками:

- юридической легализацией вмешательства в частную сферу (на основании закона и при контроле суда);
- тактической скрытностью действий и участников;
- организационной защищенностью полученной информации;
- эволюционной укорененностью в практиках социального самосохранения и государственной безопасности.

Она охватывает не только способ сбора данных, но и всю онтологию оперативного познания, где знание существует именно как недоступное, целенаправленно охраняемое и добытое вне гласности. Именно благодаря негласности государство реализует исключительное право на тайное наблюдение, контроль и управление рисками, что делает ее не просто техническим элементом ОРД, а ключевым механизмом обеспечения национальной безопасности в условиях скрытых угроз.

В отличие от негласности секретность – это прежде всего режим охраны государственной тайны, установленный специальным законодательством (например, Законом Российской Федерации «О государственной тайне»). Секретность предполагает жесткие формализованные

правила допуска, хранения, передачи, использования и уничтожения сведений, отнесенных к категориям «совершенно секретно», «секретно» и т.д. Она имеет отношение к защите определенных классов информации, а не к способу ведения деятельности, как в случае с негласностью. Таким образом, секретность – это правовой режим, а негласность – метод функционирования.

Понятие тайности часто употребляется в разговорной или описательной речи как синоним скрытности. Однако в научном контексте оно трактуется более философски: тайность – это естественное состояние или характеристика информации, которая не является общедоступной. В ОРД тайность относится скорее к объекту, то есть к тем сведениям, которые необходимо обнаружить, потому что они изначально скрыты. В отличие от секретности тайность необязательно подразумевает правовую защиту или гриф, а в отличие от негласности – необязательно связана с методом деятельности.

Конфиденциальность – это правовой и этический-социальный режим, связанный с охраной частной или служебной информации, а также с защитой личности, вовлеченной в негласное взаимодействие с органами ОРД. Конфиденциальность регулируется законодательством о персональных данных, служебной тайне, защите свидетелей и иных информаторов. В оперативной практике она проявляется, например, в гарантиях анонимности лиц, оказывающих содействие, или в неразглашении данных, полученных в доверительном порядке. Таким образом, конфиденциальность ориентирована на защиту субъектов, а не только информации.

Наконец, конспиративность (или конспирация) – это преимущественно организационно-тактическая категория. Она обозначает комплекс

практических мер, направленных на сокрытие факта участия сотрудника, агента или подразделения в оперативной деятельности. В конспирацию входят действия по маскировке, легендированию, контролю за связями, соблюдению операционного режима и минимизации рисков разоблачения. В отличие от секретности, которая регулируется нормативно, конспирация часто строится на профессиональной интуиции, опыте и ситуационном подходе. Она может реализовываться даже вне формальных процедур, но является неотъемлемой частью обеспечения негласности на прикладном уровне.

Таким образом, перечисленные понятия не тождественны и не могут употребляться как синонимы без потери смысловой точности. Они отражают разные аспекты скрытой работы в ОРД – от правового регулирования (секретность, конфиденциальность) до тактики (конспиративность), качества информации (тайность) и сущностной формы действия (негласность). Их разграничение критически важно для научной теории и правоприменительной практики.

Каждое из этих понятий отражает отдельный уровень правового, тактического или философского измерения скрытности и выполняет специфическую функцию в оперативной системе. Они не тождественны, но взаимосвязаны: негласность определяет сам способ деятельности, секретность – ее правовой режим, тайность – характеристику информации, конфиденциальность – форму защиты вовлеченных субъектов, а конспиративность – тактическое воплощение скрытности. Вместе они образуют целостную конструкцию негласного оперативного воздействия, в которой каждый элемент необходим для эффективности, легитимности и безопасности действий.

Литература

1. Катков С.В., Корнаухова Н.Г. Режим секретности в оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел: отдельные проблемы теории и практики // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2019. – № 4 (51). – С. 137–146.
2. Павличенко Н.В. Правовые и теоретические проблемы обеспечения негласности в оперативно-разыскной деятельности: монография. – Москва: Амалданик, 2016. – 185 с.
3. Захарцев М.Е., Игнащенко Ю.Ю., Сальников А.С. Оперативно-разыскная деятельность в XXI веке: вызовы и ориентиры развития: монография. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. – 400 с.
4. Шумилов А.Ю. Оперативно-разыскная наука в Российской Федерации: монография: в 3 т. Т. III: Основные положения. Кн. 1: Объект, предмет и система оперативно-разыскной науки. – Москва: Издательский дом Шумиловой И.И., 2015. – 360 с.
5. Оперативно-разыскная энциклопедия / авт.-сост. А.Ю. Шумилов. – Москва, 2004. – 363 с.
6. Шумилов А.Ю. Оперативно-разыскная наука в Российской Федерации: монография: в 3 т. Т. I: Оперативно-разыскная деятельность и формирование науки о ней. – Москва: Издательский дом Шумиловой И.И., 2013. – 455 с.
7. Мелихов А.И. Концептуальные основы обеспечения национальной безопасности в процессе оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел: дис. ... д-ра юрид. наук. – Волгоград, 2023. – 604 с.
8. Павличенко Н.В., Самоделькин А.С. Негласность в оперативно-разыскной деятельности // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2012. – № 3 (22). – С. 88–92.
9. Глазунов Б.Б. О пользе и вреде секретности в оперативно-разыскной деятельности // Оперативник (сыщик). – 2014. – № 4 (41). – С. 20–24.

10. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / К.К. Горяинов, В.С. Овчинский, О.А. Вагин [и др.]. – Москва: ИНФРА-М, 2018. – 762 с.

11. **Михайлов Б.П., Хазов Е.Н.** Актуальные вопросы обеспечения конспирации в оперативно-розыскной деятельности // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 2. – С. 156–161.

References

1. **Katkov S.V., Kornaukhova N.G.** Rezhim sekretnosti v operativno-razysknoi deyatel'nosti organov vnutrennikh del: ot del'nye problemy teorii i praktiki // Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii. – 2019. – № 4 (51). – С. 137–146.

2. **Pavlichenko N.V.** Pravovye i teoreticheskie problemy obespecheniya neglasnosti v operativno-razysknoi deyatel'nosti: monografiya. – Moskva: Amaldanik, 2016. – 186 s.

3. **Zakhar'tsev M.E., Sal'nikov A.S.** Operativno-razysknaya deyatel'nost' v XXI veke: vyzovy i orientiry razvitiya: monografiya. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii, 2021. – 400 s.

4. **Shumilov A.Yu.** Operativno-razysknaya nauka v Rossiiskoi Federatsii: monografiya: v 3 t. T. III: Osnovnye polozheniya. Kn. 1: Ob'ekt, predmet i sistema operativno-razysknoi nauki. – Moskva: Izdatel'skii dom Shumilovoi I.I., 2015. – 360 s.

5. Operativno-razysknaya entsiklopediya / avt.-sost. A.Yu. Shumilov. – Moskva, 2004. – 363 s.

6. **Shumilov A.Yu.** Operativno-razysknaya nauka v Rossiiskoi Federatsii: monografiya: v 3 t. T. I: Operativno-razysknaya deyatel'nost' i formirovanie nauki o nei. – Moskva: Izdatel'skii dom Shumilovoi I.I., 2013. – 455 s.

7. **Melikhov A.I.** Kontseptual'nye osnovy obespecheniya natsional'noi bezopasnosti v protsesse operativno-razysknoi deyatel'nosti organov vnutrennikh del: dis. ... d-ra yurid. nauk. – Volgograd, 2023. – 604 s.

8. **Pavlichenko N.V., Samodelkin A.S.** Neglasnost' v operativno-razysknoi deyatel'nosti // Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii. – 2012. – № 3 (22). – С. 88–92.

9. **Glazunov B.B.** O pol'ze i vrede sekretnosti v operativno-razysknoi deyatel'nosti // Operativnik (syshchik). – 2014. – № 4 (41). – С. 20–24.

10. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / К.К. Горяинов, В.С. Овчинский, О.А. Вагин [и др.]. – Москва: ИНФРА-М, 2018. – 762 с.

11. **Mikhailov B.P., Khazov E.N.** Aktual'nye voprosy obespecheniya konspiratsii v operativno-razysknoi deyatel'nosti // Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti. – 2016. – № 2. – С. 156–161.

(статья сдана в редакцию 04.09.2025)

**ПРИНЦИП ЭКОНОМИИ МЕР УГОЛОВНОЙ РЕПРЕССИИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ**

**THE PRINCIPLE OF ECONOMY OF MEASURES OF CRIMINAL
REPRESSION: THEORETICAL FRAMEWORK**

УДК 343.01

Р.В. БЕЛИЧЕНКО,
кандидат юридических наук
(Российский университет транспорта,
Россия, Москва)
bel.ri@mail.ru

RIMMA V. BELICHENKO,
Candidate of Law
(Russian University of Transport,
Moscow, Russia)

Е.Д. БАРИНОВА,
адъюнкт
(Академия управления МВД России,
Россия, Москва)
elena.barinova.1998@mail.ru

ELENA D. BARINOVA,
Postgraduate
(Management Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
Moscow, Russia)

Аннотация: в статье проводится анализ научных представлений о содержательных характеристиках принципа экономии мер уголовной репрессии и принципа гуманизма в уголовном праве. Выявлено сходство между исследуемыми явлениями, которое выступает причиной их частого отождествления в уголовно-правовой мысли. Доказывается позиция, что исследуемый принцип способствует эффективности действия уголовного закона в русле исправления виновного и не противоречит принципу неотвратимости наказания, а сопутствующим условием является единый подход к его научной интерпретации. По этой причине предложено узкое понимание принципа экономии мер уголовной репрессии для отграничения его от других уголовно-правовых принципов. Сформулированы правила, в соответствии с которыми определены: 1) реализация указанного принципа в рамках института уголовной ответственности; 2) стремление к минимизации строгости наказания и иных репрессивных мер, а также негативных последствий для виновного, членов его семьи и потерпевшего. Подчеркивается универсальность данного принципа, предполагающая возможность его реализации не только при назначении уголовного наказания в отношении совершеннолетнего лица, но и при назначении уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера несовершеннолетнему.

Ключевые слова: процесс гуманизации уголовно-правовой политики, принцип экономии мер уголовной репрессии, уголовное наказание, иные меры уголовно-правового характера, несовершеннолетнее лицо.

Для цитирования: Беличенко Р.В., Барина Е.Д. Принцип экономии мер уголовной репрессии: теоретические основы // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2025. – № 4. – С. 70–74.

Abstract: the article analyzes scientific ideas about the substantive characteristics of the principle of economy of criminal repression measures and the principle of humanism in criminal law. The similarity between the phenomena under study is revealed, which is the reason for their frequent identification in criminal-legal thought. The position is proved that the principle under study contributes to the effectiveness of the criminal law in the context of correction of the guilty party and does not contradict the principle of inevitability of punishment, and the accompanying condition is a unified approach to its scientific interpretation. For this reason, a narrow understanding of the principle of economy of criminal repression measures is proposed to distinguish it from other criminal-legal principles. The rules are formulated according to which: 1) implementation of this principle within the framework of the institution of criminal liability; 2) the desire to minimize the severity of punishment and other repressive measures, as well as negative consequences for the guilty party, his family members and the victim. The universality of this principle is emphasized, which implies a real possibility of its implementation not only when assigning criminal punishment to an adult, but also when assigning criminal punishment and other measures of a criminal-legal nature to a minor.

Keywords: process of humanization of criminal law policy, principle of economy of measures of criminal repression, criminal punishment, other measures of criminal law nature, young person.

For citation: Belichenko R.V., Barinova E.D. The principle of economy of measures of criminal repression: theoretical framework // Problems of Law Enforcement Activity. – 2025. – № 4. – P. 70–74.

Уголовно-правовое регулирование общественных отношений выступает одним из значимых направлений деятельности правотворческих и правоприменительных органов, и аргументируется это высокой степенью общественной опасности уголовно-правового конфликта, на возникновение которого незамедлительно должна последовать реакция со стороны государства в лице правоохранительных органов. Вместе с тем правоприменительная деятельность по реализации уголовно-правовых предписаний, последствиями которой часто выступает привлечение виновного к уголовной ответственности, является недостаточным условием для эффективного действия уголовного законодательства. От правотворческих органов, компетентных создавать, изменять и отменять уголовные нормы, зависит качество правового регулирования. Ясность и непротиворечивость предписаний уголовного законодательства определяет эффективность их реализации. В науке требование к качеству регламентации уголовно-правовых институтов обозначают как принцип правовой определенности. Принцип правовой определенности в уголовном праве стал предметом научной дискуссии у М.Р. Баласанова, который определяет его содержание на основе анализа интерпретаций в российской и международной судебной практике. Автор делает вывод, что принцип правовой определенности с содержательной стороны включает в себя следующие установления: 1) нормативные предписания должны излагаться четко и ясно; 2) значение формулировок, оценочных признаков, используемых при регулировании уголовно-правовых отношений, должно быть доступно для субъектов этих отношений либо из самого нормативного положения или системы взаимосвязанных положений либо из разъяснений судов; 3) уголовно-правовое предписание должно быть составлено таким образом, чтобы лицо могло оценить правомерность или противоправность своих действий [1, с. 46]. Принцип правовой определенности в уголовном праве рассматривался Н.Г. Ивановым применительно к оценочным признакам составов преступлений. Автор считает оценочные признаки, которые носят неопределенный характер и толкование которых зависит от субъективной оценки и объективных обстоятельств (то есть дают свободу усмотрения правоприменителю), положительным явлением и свою позицию строит на следующих аргументах.

Во-первых, законодатель не в состоянии предусмотреть все нюансы социальных преоб-

разований, поэтому, дабы не менять постоянно закон, который должен оставаться стабильным, иначе возможен законодательный хаос, он создает нормы универсального характера, в которых используемые признаки в состоянии оставаться стабильными, несмотря на социальные изменения.

Во-вторых, оценочные признаки необходимы в законе и потому, что отдельные феномены, приобретающие статус правовых, не могут получить раз и навсегда установленное основание оттого, что их содержание практически беспредельно многообразно и выяснение такого содержания зависит от целого множества параметров как объективного, так и субъективного свойства [2, с. 163].

Построение правотворческой деятельности во круг требования к качеству уголовных предписаний является важной составляющей в механизме действия уголовного закона. Однако, помимо этого, законодатель должен также учитывать тенденции развития общественных отношений и представлений о роли человека во взаимоотношениях с государством. В качестве такой тенденции выступает гуманизация уголовно-правовой политики, которая должна найти свое отражение в уголовном законодательстве. Сегодня в этом направлении сделаны определенные шаги и наблюдается расширение институтов освобождения от уголовной ответственности. Открытый перечень смягчающих уголовное наказание обстоятельств, который дает возможность правоприменительно-го усмотрения при их оценке, право суда изменить категорию преступления на менее тяжкую выступают аргументами в пользу гуманизации отечественного уголовного законодательства. Разумный подход к применению института наказания и гуманизация уголовной политики приводят к большему положительному результату [3, с. 27], чем ужесточение уголовных санкций.

Процесс гуманизации исследовала О.А. Петрянина и усматривала его в изменении категорий преступлений, декриминализации, создании новых оснований освобождения от уголовной ответственности, исключении из санкций нижних пределов [4, с. 236].

И.О. Кравченко выделяет два направления гуманизации уголовной политики государства:

- направленность уголовного закона на обеспечение безопасности человека;
- гарантию соблюдения прав лица, совершившего преступление [5, с. 567].

Результативность применения гуманного подхода к несовершеннолетним правонарушителям подчеркивала В.А. Терентьева и обосновывала

свою позицию сокращением среди них рецидивных преступлений на 10–11% [6, с. 27].

Другие авторы не отрицают положительные стороны гуманизации уголовной политики, однако предупреждают о ее негативных последствиях в отсутствие должного контроля со стороны государства. «Неразумное расширение границ гуманного подхода при назначении уголовного наказания и освобождении от уголовной ответственности приведет к ущемлению принципа справедливости и подрыву доверия граждан к органам государственной власти» [7, с. 24].

Представляется, что проявлением гуманизации уголовного законодательства и одновременно разумными ее границами выступает сформулированный в результате эволюции уголовной науки принцип экономии мер уголовной репрессии. Научная интерпретация данного принципа обладает многообразным характером, что существенно затрудняет отграничение его от других принципов и выявление роли в уголовно-правовом регулировании. А.И. Бойцов попытался обобщить разнообразные точки зрения на основания экономии уголовной репрессии: это установленный Общей частью порядок построения системы наказаний по схеме «от более мягких к более жестким»; использование той же схемы в построении санкций статей Особенной части; ограничение применения некоторых видов наказания; неприменение к женщинам и несовершеннолетним строгого, особого и тюремного режимов отбывания лишения свободы; установление открытого перечня обстоятельств, смягчающих наказание, и исчерпывающего перечня обстоятельств, отягчающих его; возможность назначения наказания ниже низшего предела санкции и невозможность его назначения выше максимального предела таковой; возможность освобождения от уголовной ответственности и наказания; возможность амнистии, помилования и досрочного снятия судимости и т.д. [8, с. 105–106]. Некоторые обозначенные автором виды уголовно-правового воздействия являются отражением процесса гуманизации, что дает основание для утверждения об отождествлении с ним принципа экономии мер уголовной репрессии.

В.М. Степашин, с учетом содержательной многомерности рассматриваемого принципа и достаточно широкой сферы уголовно-правового применения, интерпретирует его содержание в узком и широком смысле. В широком смысле экономия мер уголовной репрессии предполагает привлечение к уголовной ответственности только в крайнем случае, когда невозможно иными путями достичь цели исправления и превенции. В узком смысле данный принцип выражается в применении наказания лишь в случае невозможности

применения иных репрессивных мер уголовно-правового воздействия [9, с. 31].

Представляется, что толкование данного принципа в широком смысле подменяет принцип гуманизма, предполагающий возможность освободить лицо от уголовной ответственности, если его преступное поведение не обнаруживает высокой степени общественной опасности, а посткриминальное поведение свидетельствует о его исправлении. Из буквального наименования данного принципа «экономия мер уголовной репрессии» явствует, что он предполагает применение репрессивных мер к виновному, но при стремлении к минимизации их строгости.

Заслуживающей внимания является позиция В.М. Степашина, в которой изложена идея о расширении круга субъектов уголовных правоотношений, которые должны учитываться при применении указанного принципа. Суть идеи сводится к тому, что экономия репрессивных мер должна касаться не только виновного, но и членов его семьи, потерпевшего [9, с. 32]. Применение больших штрафных санкций может поставить членов семьи осужденного в затруднительное материальное положение и усложнить процесс возмещения причиненного вреда в пользу потерпевшего.

В диссертационном исследовании Р.В. Беличенко на примере реального судебного решения продемонстрирован подход суда к применению принципа экономии мер уголовной репрессии при учете объективных обстоятельств совершения преступления. Согласно данному примеру гражданином А. было совершено преступление, квалифицируемое по п. «б» ч. 3 ст. 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ). В отношении него была назначена судебно-психиатрическая экспертиза, результаты которой показали наличие органического расстройства личности. Данное расстройство ограничивало сознательно-волевые способности виновного в момент совершения преступления. Указанное обстоятельство было признано судом в качестве исключительного и достаточного для применения положений УК РФ о назначении более мягкого наказания, чем предусмотрено за такое преступление [10, с. 90–91].

С учетом представленных научных мнений, предполагаем, целесообразно истолковывать принцип экономии мер уголовной репрессии в узком смысле, когда решается вопрос о применении к виновному наказания и иных мер уголовно-правовой природы, то есть данный принцип должен применяться в рамках реализации в от-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ношении лица уголовной ответственности, но при стремлении к минимизации их строгости.

Например, многие санкции уголовных норм предусматривают диапазон основного наказания от штрафа до лишения свободы. Логичным является вывод, что по строгости наказания менее репрессивным будет являться штраф, не связанный с изоляцией виновного от общества. Вместе с тем необходимо учитывать возможность исправления осужденного применением к нему штрафа вместо лишения свободы и распространение последствий его применения на фактическое положение иных участников уголовно-правового конфликта. В соответствии с этим при выводе суда о возможности исправления осужденного назначением ему штрафа и отсутствии негативных последствий его применения в виде затруднительного материального положения членов его семьи применение штрафных санкций соответствует принципу экономии мер уголовной репрессии. В противном случае разумно применить наказание в виде лишения свободы.

Данный принцип успешно применяется как при назначении уголовного наказания, так и при возникновении выбора между иными мерами уголовно-правового характера, когда в роли виновного выступает несовершеннолетнее лицо. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» предусмотрена возможность применения института освобождения от уголовной ответственности – судебного штрафа к несовершеннолетнему². При этом ст. 90 УК РФ предусматривает схожие условия применения принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетнему и института судебного штрафа за совершение преступления небольшой или средней тяжести. Возникает ситуация выбора двух мер уголовно-правового характера. Для реализации принципа экономии мер уголовной репрессии в

данной ситуации важно установить, применение какой меры способствует исправлению несовершеннолетнего и вызывает меньшие последствия для членов его семьи. Например, если суд установит, что судебный штраф содействует исправлению и его уплата не ставит благосостояние семьи несовершеннолетнего в затруднительное положение, то разумно его применение как наименее репрессивной уголовной меры. Если же назначение судебного штрафа не достигает цели исправления несовершеннолетнего, то эффективной мерой выступает принудительное воспитательное воздействие.

На основании изложенного сформулированы следующие выводы.

Во-первых, принцип экономии мер уголовной репрессии обладает неким сходством с принципом гуманизма. По этой причине в научной среде отсутствует единообразие в понимании его содержательных характеристик. В этой связи предлагается узкое понимание данного принципа в целях ограничения его от других уголовно-правовых принципов и принципов уголовной политики. Экономию мер уголовной репрессии целесообразно применять в рамках реализации института уголовной ответственности при возникновении выбора между уголовными наказаниями и иными мерами уголовно-правового характера.

Во-вторых, при реализации принципа экономии мер уголовной репрессии необходимо стремиться к минимизации строгости уголовного наказания и иных уголовно-правовых мер, если они соответствуют целям исправления виновного и не оказывают негативного влияния на правовое или фактическое положение членов его семьи и потерпевшего.

В-третьих, целесообразно применение принципа экономии мер уголовной репрессии при назначении уголовного наказания или иных мер уголовно-правового характера несовершеннолетнему, то есть когда возникает ситуация выбора между ними. При этом выбор должен быть сделан в пользу менее строгого уголовного наказания или уголовно-правовой меры, если они отвечают целям перевоспитания несовершеннолетнего и их реализация не сопровождается негативными последствиями для членов его семьи.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. **Баласанов М.Р.** Принцип правовой определенности в российском уголовном праве: от теории к совершенствованию законодательства // *Ius publicum et privatum*. – 2022. – № 3 (18). – С. 41–48.
2. **Иванов Н.Г.** Принцип правовой определенности в уголовном праве // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. – 2018. – № 4 (44). – С. 161–166.

3. **Александрова А.В.** Либерализация уголовного наказания в Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2019. – № 3 (50). – С. 26–31.
4. **Петрянина О.А.** Гуманизация уголовного законодательства: современное состояние и перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 4 (44). – С. 236–239.
5. **Кравченко И.О.** Либерализация и гуманизация уголовно-правовой политики // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15. № 5. – С. 565–577.
6. **Терентьева В.А.** Гуманизм и экономия мер уголовной репрессии как принцип реализации социальной функции института освобождения несовершеннолетних от уголовного наказания // Уголовная юстиция. – 2017. – № 9. – С. 26–29.
7. **Козлова Е.Л., Баранова Е.Д.** Уголовно-правовые ожидания виновного в контексте применения института освобождения от уголовной ответственности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2025. – № 1 (79). – С. 23–29.
8. **Бойцов А.И.** Уголовное право России: Общая часть: учебник / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. – Санкт-Петербург, 2006. – 1061 с.
9. **Степашин В.М.** Содержание принципа экономии репрессии // Lex russica. – 2017. – № 11 (132). – С. 24–37.
10. **Беличенко Р.В.** Уголовно-правовая оценка биологического критерия вменяемости: теория и правоприменение: дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2023. – 260 с.

References

1. **Balasanov M.R.** Printsip pravovoi opredelennosti v rossiiskom ugovolnom prave: ot teorii k sovershenstvovaniyu zakonodatel'stva // Ius publicum et privatum. – 2022. – № 3 (18). – С. 41–48.
2. **Ivanov N.G.** Printsip pravovoi opredelennosti v ugovolnom prave // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii. – 2018. – № 4 (44). – С. 161–166.
3. **Aleksandrova A.V.** Liberalizatsiya ugovolnogo nakazaniya v Rossiiskoi Federatsii // Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii. – 2019. – № 3 (50). – С. 26–31.
4. **Petryanina O.A.** Gumanizatsiya ugovolnogo zakonodatel'stva: sovremennoe sostoyanie i perspektivy // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii. – 2018. – № 4 (44). – С. 236–239.
5. **Kravchenko I.O.** Liberalizatsiya i gumanizatsiya ugovolno-pravovoi politiki // Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal. – 2021. – Т. 15. № 5. – С. 565–577.
6. **Terent'eva V.A.** Gumanizm i ekonomiya mer ugovolnoi repressii kak printsip realizatsii sotsial'noi funktsii instituta osvobozhdeniya nesovershennoletnikh ot ugovolnogo nakazaniya // Ugovolnaya yustitsiya. – 2017. – № 9. – С. 26–29.
7. **Kozlova E.L., Baranova E.D.** Ugovolno-pravovye ozhidaniya vinovnogo v kontekste primeneniya instituta osvobozhdeniya ot ugovolnoi otvetstvennosti // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2025. – № 1 (79). – С. 23–29.
8. **Boitsov A.I.** Ugovolnoe pravo Rossii: Obshchaya chast': uchebnik / pod red. N.M. Kropacheva, B.V. Volzhenkina, V.V. Orekhova. – Sankt-Peterburg, 2006. – 1061 s.
9. **Stepashin V.M.** Soderzhanie printsipa ekonomii repressii // Lex russica. – 2017. – № 11 (132). – С. 24–37.
10. **Belichenko R.V.** Ugovolno-pravovaya otsenka biologicheskogo kriteriya vmenyaemosti: teoriya i pravoprimenenie: dis. ... kand. jurid. nauk. – Sankt-Peterburg, 2023. – 260 s.

(статья сдана в редакцию 28.05.2025)

**ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ИСТЦА КАК УЧАСТНИК
СО СТОРОНЫ ОБВИНЕНИЯ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПРАВОВОЙ
РЕГЛАМЕНТАЦИИ**

**THE REPRESENTATIVE OF THE CIVIL PLAINTIFF
AS A PARTICIPANT ON THE PROSECUTION SIDE: CONTINUITY
OF LEGAL REGULATION**

УДК 343.1

О.В. СЕЛЕЗНЕВА

(Орловский юридический институт МВД России
имени В.В. Лукьянова,
Россия, Орел)
law@uporui.ru

OLGA V. SELEZNEVA

(Lukyanov Orel Law Institute
of the Ministry of the Interior of Russia,
Orel, Russia)

Аннотация: в статье рассмотрена история становления, проблемные вопросы теории и практики, связанные с участием представителя гражданского истца в уголовном процессе, а также опыт зарубежных стран указанной направленности. В публикации исследованы проблемы, касающиеся правового статуса данного участника как субъекта со стороны обвинения, оформления и использования его показаний в качестве доказательств по уголовному делу, проведения его допроса, в том числе для подтверждения самого гражданского иска. С учетом анализа мнений и дискуссий ученых-процессуалистов, практики применения норм уголовно-процессуального законодательства, касающихся участия представителя гражданского истца в уголовном судопроизводстве, делается вывод о целесообразности и значимости гражданского иска в уголовном деле, а также о необходимости совершенствования правовых норм, регламентирующих институт представителя гражданского истца в уголовном процессе. Также предлагаются пути более четкого и детализированного законодательного оформления уголовно-процессуальных норм о представителе гражданского истца, заключающиеся в расширении его прав с целью обеспечения эффективной защиты его законных интересов, с одной стороны, и для понимания порядка действий лиц, занимающихся производством по делу, – с другой.

Ключевые слова: представитель гражданского истца, допрос представителя гражданского истца, институт представительства, участники уголовного процесса.

Для цитирования: Селезнева О.В. Представитель гражданского истца как участник со стороны обвинения: преемственность правовой регламентации // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2025. – № 4. – С. 75–80.

Abstract: this article examines the development history, problematic theoretical and practical issues related to the participation of a civil plaintiff's representative in criminal proceedings, and the experience of foreign countries in this area. The publication examines issues related to the legal status of this participant as a subject of the prosecution, the preparation and use of their testimony as evidence in a criminal case, and the conduct of their interrogation, including to confirm the civil claim itself. Based on an analysis of the opinions and discussions of procedural scholars and the practical application of criminal procedure law regarding the participation of a civil plaintiff's representative in criminal proceedings, a conclusion is reached on the appropriateness and significance of a civil claim in a criminal case, as well as the need to improve the legal norms governing the institution of a civil plaintiff's representative in criminal proceedings. Also ways are proposed to more clearly and detailedly formulate the criminal procedure rules regarding the representative of a civil plaintiff, which consist of expanding his rights in order to ensure the effective protection of his legitimate interests, on the one hand, and to understand the procedure for the actions of persons involved in the proceedings on the case, on the other.

Keywords: representative of a civil claimant, interrogation of a representative of a civil claimant, institution of representation, participants in criminal proceedings.

For citation: Selezneva O.V. The representative of the civil plaintiff as a participant on the prosecution side: continuity of legal regulation // Problems of Law Enforcement Activity. – 2025. – № 4. – P. 75–80.

Анализ современного правового статуса гражданского истца невозможно осуществить в отрыве от первоисточников, вводящих данного участника в уголовное судопроизводство, и истории развития гражданского иска. Следует отметить, что положения, регулирующие гражданские иски о возмещении ущерба, причиненного преступными деяниями, четко сформулированы в уголовно-процессуальной практике Франции [1, с. 142]. Есть веские основания полагать, что особенности французских уголовных процессов существенно повлияли на интеграцию гражданских исков в систему уголовного правосудия России.

Теоретические основы включения гражданских исков в уголовный процесс представляют собой особенно сложный и отличительный аспект французской правовой доктрины. На протяжении веков этот свод законов претерпевал значительные изменения как в результате принятия законодательных актов, так и благодаря вкладу ученых. Исторические правовые директивы, в том числе 1532 и 1670 гг., уже определяли сосуществование государственных и гражданских действий как двойственных механизмов, направленных на защиту общественных и индивидуальных интересов от преступной деятельности [1, с. 142–143]. Этот дуалистический подход, зародившийся в эпоху инквизиционных проверок, по-прежнему поддерживался революционными правовыми системами, включая декрет о Кодексе от 3 брюмера на IV году Республики, который прямо касался как государственных, так и гражданских действий. Этот основополагающий принцип сохранялся на протяжении различных этапов правовой кодификации, что нашло отражение как в Кодексе уголовного следствия 1808 г.¹, так и в последующем Уголовно-процессуальном кодексе Франции, принятом в 1958 г.²

Вводная часть современного Уголовно-процессуального кодекса Франции, содержащаяся в ст. с 1 по 10 и озаглавленная «О государственных и гражданских исках», основана на устоявшемся представлении о том, что преступные деяния одновременно наносят ущерб в целом обществу и отдельным жертвам. Следовательно, правовая система предоставляет возможности

как для представительства интересов общества посредством так называемого публичного иска, когда государство принимает меры для устранения более широкого социального нарушения, так и для отдельных жертв, которые отстаивают свои частные интересы в рамках гражданского судопроизводства. Это раздвоение не только подчеркивает двойственное воздействие преступности, но и укрепляет правовую базу, которая позволяет создавать всеобъемлющие механизмы возмещения ущерба в рамках системы уголовного правосудия.

Согласно французскому уголовно-процессуальному законодательству лица, пострадавшие в результате противоправных действий, имеют право обратиться в судебные органы с ходатайством о возмещении ущерба, причиненного в результате уголовных преступлений, а также об установлении лиц, ответственных за такие правонарушения.

Исторически сложилось так, что французские теоретики права были пионерами в объединении двух правовых проблем, связанных с одним преступным деянием, введя концепцию «объединенного процесса». Эта система, первоначально разработанная во Франции, получила признание и была внедрена в правовые системы многих стран, включая российскую судебную практику, где она проявляется как внутригосударственное установление гражданских исков в рамках уголовного судопроизводства.

Эволюция российского судопроизводства по гражданским искам о возмещении ущерба в рамках уголовных дел последовательно определялась основополагающими законодательными актами, включая первоначальный Устав уголовного судопроизводства 1864 г. и последующие редакции Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (1923 и 1960 гг.) [2, с. 66–67]. Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) поддерживает эти традиции, позволяя рассматривать гражданские иски о возмещении ущерба, причиненного преступным путем. Эта законодательная преемственность согласуется с конституционными гарантиями Российской Федерации, предоставляющими доступность судебных органов и право на возмещение ущерба жертвам преступлений, как это закреплено в ст. 52 Конституции Российской Федерации³ и подкреплено международными декларациями, такими как Декларация основных принципов пра-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Франции 1808 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k56124600/f4.item>

² Уголовно-процессуальный кодекс Франции 1958 г.: République Française. Code de procédure pénale: вступил в силу 2 марта 1959 г.: с изменениями, вступившими в силу 1 мая 2024 г. [Электронный ресурс] // Правительство Французской Республики: официальный портал правовой информации. – URL: legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006071154/

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

восудия для жертв преступлений и злоупотребления властью⁴.

УПК РФ, основанный на основополагающих элементах Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г., претерпел изменения, включив в него нюансы, касающиеся гражданских исков в рамках уголовного судопроизводства. В соответствии с этой системой как физические, так и юридические лица имеют право требовать возмещения имущественного ущерба, непосредственно причиненного преступной деятельностью. Помимо простой компенсации за материальный ущерб, законодательство прямо расширяет право на возмещение морального вреда, что отражает более широкое толкование прав потерпевших, закрепленных в ч. 1 ст. 44 УПК РФ.

В научных журналах часто обсуждается роль и значение гражданских исков в процессе уголовного правосудия. В ходе дебатов сформировался целый ряд точек зрения: некоторые ученые выступают за отмену гражданских исков в этом контексте, предполагая, что их отмена может непреднамеренно предоставить дополнительные преимущества ответчику, в то же время лишая жертву преступления конституционной защиты [3]. И наоборот, другие выступают за расширение этого правового механизма, подчеркивая расхождение во взглядах, возникшее после вступления в силу действующего УПК РФ [4]. Это расхождение часто объясняется сбоями в отлаженных механизмах рассмотрения гражданских исков в рамках уголовных дел, поскольку данная система достигла определенной степени автоматизма в процессе их рассмотрения в соответствии с предшествующими нормативными актами.

Дискуссия о целесообразности и роли гражданских исков в рамках уголовного процесса концентрируется на утверждении о том, что такие иски являются не просто дополнением к обвинениям прокуратуры, а неотъемлемой их частью. Они воплощают в себе уникальную форму юридического требования – специализированную группу уголовных исков, сочетающих юридические требования с социальными императивами.

Продолжающаяся научная дискуссия подчеркивает явный консенсус в отношении важности сохранения системы гражданского иска в рамках российского уголовно-процессуального законодательства. Эта позиция подкрепляется более широким переходом к состязательным правовым принципам, наблюдаемым в российской судебной практике, что имеет сходство с процессуальными

нормами, распространенными в юрисдикциях общего права (Соединенные Штаты Америки и Соединенное Королевство) [5, с. 220–221], несмотря на отсутствие в этих системах аналогичного положения о гражданских исках в уголовных процессах. Таким образом, постоянное включение гражданских исков не только удовлетворяет насущные потребности в компенсации, но и выполняет важнейшую функцию в целостном отправлении правосудия, гарантируя, что все аспекты ущерба, как физического, так и психологического, должным образом признаются и рассматриваются в рамках судебного процесса.

Институт гражданского иска в уголовном судопроизводстве является значимым инструментом для охраны прав лиц, пострадавших от преступных деяний. Он предоставляет шанс получить компенсацию за ущерб, нанесенный противоправным деянием, непосредственно в ходе уголовного процесса. Этот институт способствует более полному восстановлению законности и правопорядка, интегрируя нормы уголовного и гражданского права в рамках одного разбирательства, что ведет к экономии времени и средств для всех сторон, вовлеченных в процесс.

Гражданский иск в уголовном процессе также стимулирует осужденных к компенсации причиненного ущерба, что способствует восстановлению социальной справедливости и предотвращает повторное совершение преступлений. Таким образом, институт гражданского иска играет ключевую роль в интеграции правовых механизмов для комплексного решения вопросов, возникающих в результате преступных действий.

В ходе эволюции уголовно-процессуального законодательства претерпел изменения и институт гражданского истца в рамках уголовного процесса. Как следует из УПК РСФСР, гражданский истец – это исключительно лицо, которому преступлением причинен материальный вред. Однако с принятием УПК РФ на первое место выходит обеспечение интересов и расширение прав гражданского истца как участника уголовного процесса. В действующем уголовном судопроизводстве статус гражданского истца закреплен за лицом, которому был причинен имущественный или нематериальный вред.

Иначе говоря, лицо, пострадавшее в результате преступных действий и понесшее как материальные потери, так и моральные страдания, признается гражданским истцом в рамках рассматриваемого уголовного дела.

На этапе предварительного расследования согласно ч. 1 ст. 44 УПК РФ гражданским истцом может быть как физическое, так и юридическое лицо, которое потребовало возместить причиненный ему ущерб (моральный или материаль-

⁴ Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (принята 29 ноября 1985 г. Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ный), при этом данный ущерб возник в результате конкретного преступления, в отношении этого лица следователь или дознаватель вынес постановление о признании его гражданским истцом.

Кроме того, в уголовном судопроизводстве гражданскими истцами могут быть не только прямые потерпевшие, но и те, кто получил права по наследству от умершего потерпевшего или предыдущего гражданского истца, то есть их законные наследники. Защиту интересов несовершеннолетних и лиц, признанных недееспособными, осуществляют их законные представители, которые также могут выступать в роли гражданских истцов.

М.А. Чельцов отмечает, что «понятие гражданского истца уже понятия потерпевшего. Гражданский истец – это потерпевший, понесший от преступления вред и предъявивший иск о его возмещении» [6, с. 114]. По существу, правомерное ходатайство лица, пострадавшего от преступного деяния, о компенсации причиненного вреда реализуется посредством подачи гражданского иска, что, как правило, рассматривается в процессе вынесения судебного решения⁵. Е.Г. Тарло придерживается иного мнения: «Лицо, еще не признанное потерпевшим по уголовному делу, имеет право заявить гражданский иск» [7, с. 254].

В уголовном процессе нет прямого законодательного положения, определяющего гражданского истца как потерпевшего. В ч. 1 ст. 44 приведено следующее определение: гражданским истцом является физическое или юридическое лицо, которое подало требование о возмещении материального ущерба, если имеются основания предполагать, что такой ущерб ему был причинен непосредственно в результате данного преступления. Правовой статус гражданского истца подтверждается определением суда либо постановлением, вынесенным судьей, следователем или дознавателем. Кроме того, лицо, понесшее моральный ущерб, имеет возможность обратиться в суд с гражданским иском для получения компенсации. Согласно ч. 3 этой статьи гражданскими истцами не могут быть несовершеннолетние, а также лица, признанные недееспособными или частично дееспособными. Ряд исследователей подчеркивают, что не достигший совершеннолетия потерпевший, даже не обладая полной гражданской дееспособностью, имеет законное право самостоятельно выступать в уголовном процессе в роли гражданского

истца, «исходя из наличия у него гражданской правоспособности» [8, с. 60].

Согласно ч. 1 ст. 42 и ч. 2 ст. 44 УПК РФ возможность подачи гражданского иска возникает сразу же при возбуждении уголовного производства. Таким образом лицо, заявляющее имущественные требования, и его законный представитель получают право участвовать в деле раньше, чем лицо, признанное потерпевшим, и его защитник. Более того, в ряде ситуаций в рамках уголовного производства лицо, признанное потерпевшим, и лицо, заявившее гражданский иск о возмещении ущерба, могут не совпадать и быть разными лицами. Это позволяет сделать вывод, что нельзя ставить знак равенства между потерпевшим и лицом, предъявившим гражданский иск. Соответственно, различны их права и обязанности. Из вышеизложенного видно, что набор полномочий, которым обладает представитель потерпевшего, отличается от набора прав, предоставленных представителю гражданского истца. Различия в объеме прав между этими двумя категориями представителей в уголовном процессе достаточно существенны.

Согласно ст. 45 УПК РФ представителями гражданского истца, являющегося физическим лицом, могут выступать адвокаты. Для юридических лиц такую роль могут исполнять другие лица, наделенные полномочиями в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации. Также по указанию мирового судьи в качестве представителя гражданского истца может быть принят один из близких родственников или иное лицо, разрешение которого запрашивает сам гражданский истец. Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2003 г. № 446-О и № 447-О⁶ разъясняют, что ч. 1 ст. 45 УПК РФ не содержит запрета на привлечение в качестве представителей гражданского истца иных лиц, не имеющих статуса адвоката, по просьбе потерпевшего или гражданского истца, включая близких родственников. Исходя из вышеизложенного можно утверждать, что на

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 апреля 1996 г. № 1 «О судебном приговоре» / Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации (СССР, РСФСР) по уголовным делам. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: ПБОЮЛ Гриженко Е.М., 2000. С. 399–409.

⁶ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2003 г. № 446-О «По жалобам граждан Л.Д. Вальдмана, С.М. Григорьева и региональной общественной организации «Объединение вкладчиков «МММ» на нарушение конституционных прав и свобод рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2003 г. № 447-О «По жалобе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданки Г.М. Ситяевой частью первой статьи 45 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

текущий момент представителем гражданского истца может стать любое лицо, чьи полномочия закреплены в доверенности, которая была подготовлена и заверена в строгом соответствии с нормами действующего законодательства.

В уголовном судопроизводстве законные и договорные представители гражданского истца наделены собственным процессуальным статусом и выступают как самостоятельные участники. Объем их прав соответствует правам представляемых ими лиц. При определенных условиях идентичность прав представителя и представляемого является безусловной. Например, согласно ст. 25 УПК РФ уголовное дело может быть прекращено в связи с примирением сторон по заявлению как потерпевшего, так и его законного представителя, если их мнения совпадают. Если же этого не происходит, правосудие склоняется в пользу доверителя.

Представитель гражданского истца не имеет полномочий реализовывать личные прерогативы, например давать показания или аннулировать иск. На наш взгляд, аналогично праву представителя потерпевшего прекратить уголовное преследование в связи с примирением сторон представитель гражданского истца также должен обладать возможностью отказаться от заявленных исковых требований, если представляемый дает на это согласие.

Согласно ч. 3 ст. 45 УПК РФ, принимая во внимание ч. 4 ст. 44 УПК РФ, представитель гражданского истца на этапе предварительного расследования обладает теми же правами, что и представляемое лицо.

Проблемы реализации прав участников на этапе предварительного расследования имеют свои аналогии. В частности, хотя согласно пп. 5 и 7 ч. 4 ст. 44 УПК РФ представитель гражданского истца может давать показания на родном или известном ему языке, которые могут быть использованы в качестве доказательств, не существует установленного порядка проведения допроса такого представителя. Более того, в соответствии с ч. 2 ст. 74 УПК РФ показания представителя потерпевшего (гражданского истца) не считаются легитимным видом доказательств. Соответственно, на практике возникает вопрос, в качестве кого

допрашивать данного участника. По причине отсутствия установленной формы допроса представитель гражданского истца, как правило, допрашивается в качестве свидетеля. С одной стороны, это можно обосновать, если расценивать его показания как доказательства обстоятельств гражданского иска. Однако в этом аспекте немедленно возникает определенное несоответствие. Различия в процессуальном положении представителя гражданского истца и свидетеля в уголовном процессе очевидны [9, с. 18–19]. Представитель гражданского истца, подобно самому истцу, принадлежит к стороне обвинения, поскольку выступает в защиту интересов лица, пострадавшего от преступления. В отличие от него свидетель, согласно закону, относится к категории иных участников уголовного судопроизводства, не имеющих личной заинтересованности в исходе дела. Данное различие в статусах обусловлено разными целями их участия в процессе.

В этой связи Т.Р. Галимов предлагает разрешить данное несоответствие посредством внесения корректив в ч. 2 ст. 74 УПК РФ: «в качестве доказательств допускаются... показания потерпевшего, гражданского истца, их представителей...» [10, с. 27]. Мы полностью разделяем данное мнение, поскольку эти изменения закрепят допрос представителя гражданского истца как доказательство и одновременно разрешат вопрос о том, в качестве кого же должен быть допрошен этот участник, а точнее, прямо укажут, что это будет протокол допроса представителя гражданского истца.

Таким образом, институт представительства в уголовном процессе, включая процессуальный статус представителя гражданского истца, требует более четкого и детализированного законодательного оформления. Это необходимо как для обеспечения эффективной защиты прав и законных интересов таких представителей, так и для понимания порядка действий лиц, занимающихся производством по делу (в качестве кого допрашивать представителя гражданского истца и как правильно и законно использовать его показания в качестве доказательств по уголовному делу в части гражданского иска).

Литература

1. **Самойлова Ж.В.** Особенности гражданского иска в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2014. – № 2 (6). – С. 138–145.
2. **Чепурова М.А.** Изучение истории развития уголовного процесса в России / Пермский период: сборник материалов XII Всероссийского (с международным участием) научного фестиваля курсантов и студентов образовательных организаций. – Пермь: Пермский институт ФСИН России, 2025. С. 66–67.
3. **Семенов Е.А.** Порядок предъявления и разрешения гражданского иска в уголовном судопроизводстве России: вопросы правоприменения // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2 (68). – С. 21–24.

4. **Шайдуллина Э.Д., Семенов Е.А.** Вопросы правоприменения гражданского иска в уголовном судопроизводстве России // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2021. – Т. 12. № 3 (45). – С. 415–421.
5. **Нарбикова Н.Г., Никурадзе Н.О.** К вопросу о целесообразности гражданского иска в российском уголовном процессе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2016. – № 4 (111). – С. 219–222.
6. **Чельцов М.А.** Советский уголовный процесс. – 4-е изд., испр. и перераб. – Москва, 1962. – 503 с.
7. **Тарло Е.Г.** Профессиональное представительство в суде: монография. – Москва: Известия, 2004. – 415 с.
8. **Мартыненко С.Б.** Представительство несовершеннолетних на досудебных стадиях уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2000. – 242 с.
9. **Бульжкин А.В., Чаплыгина В.Н.** Некоторые проблемы реализации прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых на стадии возбуждения уголовного дела / Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Орел, 26 мая 2017 г. – Орел: Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова, 2017. С. 17–22.
10. **Галимов Т.Р.** Субъекты доказывания гражданского иска в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ижевск, 2006. – 27 с.

References

1. **Samoilova Zh.V.** Osobennosti grazhdanskogo iska v ugovnom sudoproizvodstve Rossii i zarubezhnykh stran // Sibirskie ugovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya. – 2014. – № 2 (6). – S. 138–145.
2. **Chepurova M.A.** Izuchenie istorii razvitiya ugovnogo protsessa v Rossii / Permskii period: sbornik materialov XII Vserossiiskogo (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnogo festivalya kursantov i studentov obrazovatel'nykh organizatsii. – Perm': Permskii institut FSIN Rossii, 2025. S. 66–67.
3. **Semenov E.A.** Poryadok pred'yavleniya i razresheniya grazhdanskogo iska v ugovnom sudoproizvodstve Rossii: voprosy pravoprimeniya // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2022. – № 2 (68). – S. 21–24.
4. **Shaidullina E.D., Semenov E.A.** Voprosy pravoprimeniya grazhdanskogo iska v ugovnom sudoproizvodstve Rossii // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2021. – Т. 12. № 3 (45). – С. 415–421.
5. **Narbikova N.G., Nikuradze N.O.** K voprosu o tselesoobraznosti grazhdanskogo iska v rossiiskom ugovnom protsesse // Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii. – 2016. – № 4 (111). – С. 219–222.
6. **Chel'tsov M.A.** Sovetskii ugovnyi protsess. – 4-e izd., ispr. i pererab. – Moskva, 1962. – 503 s.
7. **Tarlo E.G.** Professional'noe predstavitel'stvo v sude: monografiya. – Moskva: Izvestiya, 2004. – 415 s.
8. **Martynenko S.B.** Predstavitel'stvo nesovershennoletnikh na dosudebnykh stadiyakh ugovnogo protsessa: dis. ... kand. yurid. nauk. – Sankt-Peterburg, 2000. – 242 s.
9. **Bulyzhkin A.V., Chaplygina V.N.** Nekotorye problemy realizatsii prav i zakonnykh interesov nesovershennoletnikh podozrevaemykh i obvinyaemykh na stadii vzbuzhdeniya ugovnogo dela / Ugovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie problemy bor'by s prestupnost'yu: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Ore, 26 maya 2017 g. – Ore: Orlovskii yuridicheskii institut Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii imeni V.V. Luk'yanova, 2017. S. 17–22.
10. **Galimov T.R.** Sub'ekty dokazyvaniya grazhdanskogo iska v rossiiskom ugovnom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Izhevsk, 2006. – 27 s.

(статья сдана в редакцию 01.10.2025)

БЕЗОПАСНОСТЬ НА ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТА

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ

FORENSIC SUPPORT FOR THE INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED IN RAILWAY TRANSPORT

УДК 343.98

В.И. ЩУКИН,

кандидат юридических наук, доцент
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
Schukin56@yandex.ru

VLADIMIR I. SHCHUKIN,

Candidate of Law, Associate Professor
(Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: в статье рассмотрены вопросы, связанные с криминалистическим обеспечением раскрытия и расследования преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте. В качестве составляющих криминалистического обеспечения выделена процессуальная, оперативно-разыскная, судебно-экспертная, криминалистическая деятельность. Оценка закономерностей, возникающих при расследовании преступлений рассматриваемой категории, определяет необходимость совершенствования организации технико-криминалистической деятельности и взаимодействия следователей, дознавателей со специалистами и экспертами. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений по своему содержанию направлено на формирование условий постоянной готовности следователей, дознавателей, оперативных подразделений к эффективному использованию криминалистических методов, средств и рекомендаций в своей практике. Данное обстоятельство индивидуализируют особенности условий готовности к деятельности по расследованию преступлений указанной категории. На содержание криминалистического обеспечения деятельности субъектов расследования в значительной степени воздействуют вид преступления и условия, в которых оно совершено. В статье определены факторы, влияющие на организационную деятельность следователя и иных взаимодействующих с ним субъектов раскрытия и расследования преступлений. Определены криминалистические признаки, объединяющие данные преступления: обстановка совершения преступления; факторы, влияющие на выбор способа совершения преступления; характеристика личностных особенностей преступника.

Ключевые слова: расследование преступлений, криминалистическое обеспечение расследования преступлений, железнодорожный транспорт.

Для цитирования: Щукин В.И. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2025. – № 4. – С. 81–85.

Abstract: this article examines issues related to forensic support for the detection and investigation of crimes committed in railway transport. The components of forensic support include procedural, operational-investigative, forensic, and forensic activities. An assessment of the patterns that arise during the investigation of crimes in this category determines the need to improve the organization of technical and forensic activities and the interaction of investigators, inquiry officers, specialists, and experts. Forensic support for crime investigations is aimed at creating conditions for the constant readiness of investigators, inquiry officers, and operational units to effectively use forensic methods, tools, and recommendations in their work. This circumstance is individualized by the specific conditions of readiness for activities related to the investigation of crimes of this category. The content of forensic support for the activities of the subjects of the investigation is significantly influenced by the type of crime and the conditions in which it was committed. This article identifies factors influencing the organizational activities of investigators and other parties involved in solving and investigating crimes. Forensic features that unite these crimes are identified: the context in which the crime was committed; factors influencing the choice of method; and the characteristics of the criminal's personality.

Keywords: crime investigation, forensic support for crime investigation, railway transport.

For citation: Shchukin V.I. Forensic support for the investigation of crimes committed in railway transport // Problems of Law Enforcement Activity. – 2025. – № 4. – P. 81–85.

Расследование преступлений – сложный и многогранный процесс. В основе его познавательная деятельность субъекта, осуществляющего соби- рание и проверку доказательств, установление виновности лиц, познание явлений и закономерностей действительности, связанных с криминаль- ным событием [1].

Содержание процессов и методов познания находит под влиянием особенностей познава- емого объекта. В ходе расследования таковыми в большей степени выступают характер обстановки совершения преступления, предметов и объек- тов. Если рассматривать эти объекты в условиях конкретного вида транспорта, то следует акценти- ровать внимание на обстановке совершения пре- ступлений на железнодорожном транспорте [2; 3] и особенностях ее познания путем расследова- ния [4; 5].

Важным элементом системы познавательной деятельности в расследовании преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте, являются формирующие собой компонент крими- налистического обеспечения криминалистические и специальные знания, а также, что немаловажно, знания специфики данного вида транспорта.

Криминалистическое обеспечение – понятие, в криминалистике достаточно изученное. Его проблематика подробно рассмотрена и не тре- бует пояснений [6; 7]. Однако в последнее вре- мя у ряда исследователей понятийный аппарат и возможности криминалистического обеспечения вновь подверглись обсуждению. Так, З.И. Кирса- нов рассматривает криминалистическое обеспе- чение как деятельность, «...которая направлена на формирование и совершенствование крими- налистических знаний, разработку криминалисти- ческих методов, средств, приемов, используемых для выявления, раскрытия, расследования и пре- дотвращения преступлений, а также в обучении практических работников криминалистическим методикам, вооружении их криминалистически- ми знаниями» [8, с. 11]. А.А. Митрофанова крими- налистическое обеспечение определяет через «...непосредственную связь криминалистических знаний, криминалистического образования, форми- рования умений и навыков использования ме- тодов, средств и приемов выявления, раскрытия, расследования и предотвращения преступле- ний» [9, с. 193].

Не преследуя цель обсуждения заявленных подходов исследователей, считаем необходимым

отметить обоснованную и не вызывающую возра- жений у подавляющего большинства ученых-кри- миналистов позицию А.Ф. Волынского. По его мнению, криминалистическое обеспечение рас- следования преступлений следует рассматривать как «комплексную по своему содержанию дея- тельность, направленную на формирование усло- вий постоянной готовности правоохранительных органов к эффективному исполнению крими- налистических методов, средств и рекомендаций, а также на реализацию такой готовности в повсе- дневной практике раскрытия и расследования преступлений» [10, с. 55].

Анализируя в целях проводимого исследования позицию А.Ф. Волынского на предмет выделения ключевого его элемента, укажем, что содержание криминалистического обеспечения расследова- ния индивидуализируют особенности условий готовности к деятельности по расследованию преступлений. Таковые в деятельности по рас- следованию преступлений, совершаемых на же- лезнодорожном транспорте, имеются, причем до- статочно выраженные. Характеризуя их, отметим, ее осуществление отличают следующие условия: дефицит времени, информационная неопреде- ленность, особенность обстановки.

Примером, иллюстрирующим наш довод, явля- ется проведение проверочных действий по сооб- щению о краже сотового телефона, совершенной в пассажирском подвижном составе маршрутом следования Кемерово – Москва. На организацию их проведения влияют: ограниченность простран- ства (в данном случае вагона); время, обусловлен- ное технологическим процессом; автономность действий следственно-оперативной группы; ис- пользование мобильных технико-криминалисти- ческих средств. Указанные обстоятельства снижают объем и качество получаемой ориентирующей и доказательственной информации. Данный вывод основываем на изучении материалов уголовного дела¹.

Влияние на характер и содержание крими- налистического обеспечения деятельности субъек- тов расследования в значительной степени ока- зывают вид преступления и условия, в которых оно совершено. С учетом отмеченного выделим преступления, доминирующие на железнодо-

¹ Уголовное дело от 3 ноября 2020 г. № 1-387/2020. Архив Куйбышевского районного суда г. Новокузнецка Кемеровской области.

рожном транспорте, основываясь на данных уголовной статистики за 2024 год²: кража чужого имущества – 7765 преступлений; в том числе кража грузов – 856 преступлений; мошенничества – 1267 преступлений; незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов – 8692 преступления.

Обращают на себя внимание выраженные криминалистические признаки, объединяющие данные преступления в представленную группу. Они охватывают:

- а) обстановку совершения преступления;
- б) факторы, влияющие на выбор способа совершения преступления;
- в) характеристику личностных особенностей преступника.

Обстановка совершения преступления определяется особенностями инфраструктуры железнодорожного транспорта. Здесь следует отметить характеристику объектов технологического комплекса, включающего в себя железнодорожные пути общего пользования, сооружения железнодорожной станции, устройства электроснабжения, сети связи, системы сигнализации и т.д. Специфика технологических процессов оказывает влияние на место, время, способ совершения преступления.

К числу факторов, сказывающихся на выборе способа совершения преступления, следует отнести объективные и субъективные. К объективным – факторы, оказывающие влияние на выбор места, времени и способа при совершении преступлений на железнодорожном транспорте, а именно:

– условия функционирования объектов железнодорожного транспорта (в соответствии с Федеральным законом от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации»³);

– системные особенности конкретного места совершения преступления и предмета преступного посягательства. В качестве примера можно привести хищение дроссельных перемычек, предназначенных для обеспечения безопасности движения поездов, на 57 км железнодорожного перегона станций Варениковская – Юровский Северо-Кавказской железной дороги⁴;

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328/> (дата обращения: 10.02.2025).

³ Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Уголовное дело от 24 сентября 2020 г. № 1-144/2020. Архив Анапского районного суда Краснодарского края.

– время совершения преступления и его взаимосвязь с производственными и технологическими процессами, определяющими движение подвижного состава, его нахождение на станции и в пути следования. Например, график или интервалы движения поезда, время работы железнодорожной станции, средства цифровизации и механизации работы и т.д. Примером может служить приготовление орудий совершения преступления, в частности средств мобильной связи, шлангов автомобиля-бензовоза, и совершение хищения дизельного топлива из топливной системы тепловоза машинистами локомотивного депо ТЧЭ-3 г. Читы⁵;

– качественные и количественные характеристики предметов преступных посягательств на железнодорожном транспорте, степень их защищенности и охраны.

Знание закономерностей, влияющих на характер преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте, должно быть учтено при формировании «условий готовности» в рамках криминалистического обеспечения их расследования. С этих позиций должны быть приняты во внимание вопросы:

1. Организации технико-криминалистической деятельности и использования специальных знаний [11, с. 9].

2. Взаимодействия между участниками расследования [12, с. 11]. Его эффективность в значительной степени будет зависеть от взаимодействия следователя с оперативными сотрудниками линейных подразделений, а в ряде случаев и территориальных органов внутренних дел. Данное обстоятельство обусловлено тем, что лица, совершившие преступления на объектах железнодорожного транспорта, потерпевшие, пассажиры, оказавшиеся свидетелями, проживают в населенных пунктах, оперативное обслуживание которых находится в ведении территориальных органов внутренних дел. С учетом этого следует обратить внимание на информационное обеспечение их познавательной деятельности, которое осуществляется с целью установления мест сокрытия и сбыта похищенного, орудий преступлений, соучастников совершенного преступления. Взаимодействие следователя с оперативными сотрудниками линейных подразделений, как правило, устанавливается в рамках оперативного сопровождения по возбужденному уголовному делу.

3. Адаптации к типичным ситуациям тактических приемов либо их комбинаций с целью обеспечения сбора доказательств, их систематизации в криминалистические комплексы алгоритмов

⁵ Уголовное дело от 17 ноября 2020 г. № 1-395/2020. Архив Железнодорожного районного суда г. Читы Забайкальского края.

(программ). С учетом особенностей условий и решаемых задач их можно сгруппировать в систему криминалистических операций: технико-криминалистических, тактико-криминалистических, методико-криминалистических. Например, эффективным способом решения локальных задач в условиях пассажирского подвижного состава железнодорожного транспорта может являться тактическая операция «Осмотр места происшествия на железнодорожном транспорте», которая включает в себя следственное действие и действия оперативного сотрудника, направленные на получение сведений о материальной обстановке, ориентирующей информации о лицах, совершивших преступление, в условиях информационной неопределенности. В результате будут решены следующие задачи:

- изучение обстановки на месте происшествия с целью уяснения обстоятельств совершенного преступления;
- обнаружение и изъятие следов и предметов, связанных с преступным событием, с целью установления личности преступника;
- фиксация обстановки преступления посредством составления протокола и придания выявленным фактическим данным статуса доказательств.

Алгоритмизация действий следователя должна основываться на знании типичных следственных ситуаций. В таком случае она будет способствовать разработке эффективного инструментария методико-криминалистического обеспечения расследования преступлений и практической реализации организации процесса расследования.

4. Использование специальных знаний. Совокупность методических рекомендаций по эффективному использованию специальных знаний является одной из существенных составляющих криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте. В настоящее время назначение и производство экспертиз по-

степенно приобрело статус одного из первоначальных процессуальных действий, что и должно активно использоваться в практике познавательной деятельности при расследовании преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте [13, с. 11].

4. Специфики раскрытия и расследования преступлений, связанной с отраслевыми особенностями железнодорожного транспорта.

Совершенствованию криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте, по нашему мнению, будут способствовать:

- проведение предметных научных исследований, раскрывающих особенности познавательной деятельности при расследовании преступлений рассматриваемой категории;
- повышение квалификации следователей, дознавателей, сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел на транспорте с целью вооружения их современными криминалистическими знаниями в профильных образовательных организациях, например в Белгородском юридическом институте МВД России имени И.Д. Путилина.

Формирование криминалистического обеспечения расследования преступлений, в частности совершаемых на железнодорожном транспорте, позволяет содействовать его эффективному и рациональному осуществлению, совершенствованию существующих и разработке новых тактических приемов, используемых в ходе проведения следственных действий, а также применению специальных знаний. В рамках совершенствования криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, совершаемых на данном виде транспорта, требует разрешения ряд проблем, связанных со взаимодействием линейных подразделений органов внутренних дел на транспорте, территориальных органов, а также представителей организаций железнодорожного транспорта.

Литература

1. **Лузгин И.М.** Расследование как процесс познания: учебное пособие. – Москва, 1969. – 176 с.
2. **Грибунов О.П.** Обстановка совершения преступлений как ключевой элемент криминалистической характеристики преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2013. – № 5-2. – С. 59–63.
3. **Чиненов Е.В.** Обстановка совершения преступлений как основной элемент криминалистической характеристики преступлений экономической направленности, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах его инфраструктуры // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2021. – № 3 (56). – С. 95–101.
4. **Брылев В.И.** Особенности расследования преступлений на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры / Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар, 2019. С. 9–12.

5. **Антонов А.Е.** Поисково-познавательная деятельность и ее особенности в ситуациях расследования преступлений на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2018. – 27 с.
6. Криминалистика: учебник: в 3 т. / Т.В. Аверьянова [и др.]; под ред. Р.С. Белкина, В.Г. Коломацкого. Т. 1: История, общая и частные теории. – Москва: Акад. МВД России, 1995. – 278 с.
7. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования: учеб. для высш. и сред. учеб. заведений МВД России / под ред. Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина; Акад. МВД России. – Москва: Новый юрист, 1997. – 398 с.
8. **Кирсанов З.И.** Система общей теории криминалистики: науч.-метод. пособие. – Москва, 1992. – 32 с.
9. **Митрофанова А.А.** К вопросу об определении понятия «криминалистическое обеспечение» // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2017. – № 4. – С. 188–195.
10. Криминалистика: учебник для студентов вузов / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. – Москва, 2008. – 943 с.
11. **Волынский А.Ф.** Судебно-экспертная и технико-криминалистическая виды деятельности: современное состояние, перспективы совершенствования // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 3. – С. 8–12.
12. **Волынский А.Ф.** Организация раскрытия и расследования преступлений – комплексная, межнаучная категория // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 10. – С. 10–13.
13. **Цуканова О.В.** Особенности взаимодействия следователя с органами дознания при расследовании преступлений, совершенных на объектах железнодорожного транспорта // Российский следователь. – 2015. – № 19. – С. 8–11.

References

1. **Luzgin I.M.** Rassledovanie kak protsess poznaniya: uchebnoe posobie. – Moskva, 1969. – 176 s.
2. **Gribunov O.P.** Obstanovka soversheniya prestuplenii kak klyuchevoi element kriminalisticheskoi kharakteristiki prestuplenii, sovershaemykh na zheleznodorozhnom transporte // Izvestiya TuGU. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. – 2013. – № 5-2. – S. 59–63.
3. **Chinenov E.V.** Obstanovka soversheniya prestuplenii kak osnovnoi element kriminalisticheskoi kharakteristiki prestuplenii ekonomicheskoi napravlenosti, sovershaemykh na zheleznodorozhnom transporte i ob'ektakh ego infrastruktury // Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2021. – № 3 (56). – S. 95–101.
4. **Brylev V.I.** Osobennosti rassledovaniya prestuplenii na zheleznodorozhnom transporte i ob'ektakh transportnoi infrastruktury / Aktual'nye problemy prava i pravoprimeritel'noi deyatel'nosti: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. – Krasnodar, 2019. S. 9–12.
5. **Antonov A.E.** Poiskovo-poznavatel'naya deyatel'nost' i ee osobennosti v situatsiyakh rassledovaniya prestuplenii na zheleznodorozhnom transporte i ob'ektakh transportnoi infrastruktury: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Rostov-na-Donu, 2018. – 27 s.
6. Kriminalistika: uchebnik: v 3 t. / T.V. Aver'yanova [i dr.]; pod red. R.S. Belkina, V.G. Kolomatskogo. T. 1: Istoriya, obshchaya i chastnye teorii. – Moskva: Akad. MVD Rossii, 1995. – 278 s.
7. Kriminalisticheskoe obespechenie deyatel'nosti kriminal'noi militsii i organov predvaritel'nogo rassledovaniya: ucheb. dlya vyssh. i sred. ucheb. zavedenii MVD Rossii / pod red. T.V. Aver'yanovoi, R.S. Belkina; Akad. MVD Rossii. – Moskva: Novyi yurist, 1997. – 398 s.
8. **Kirsanov Z.I.** Sistema obshchei teorii kriminalistiki: nauch.-metod. posobie. – Moskva, 1992. – 32 s.
9. **Mitrofanova A.A.** K voprosu ob opredelenii ponyatiya "kriminalisticheskoe obespechenie" // Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya. – 2017. – № 4. – S. 188–195.
10. Kriminalistika: uchebnik dlya studentov vuzov / pod red. A.F. Volynskogo, V.P. Lavrova. – Moskva, 2008. – 943 s.
11. **Volynskii A.F.** Sudebno-ekspertnaya i tekhniko-kriminalisticheskaya vidy deyatel'nosti: sovremennoe sostoyanie, perspektivy sovershenstvovaniya // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2013. – № 3. – S. 8–12.
12. **Volynskii A.F.** Organizatsiya raskrytiya i rassledovaniya prestuplenii – kompleksnaya, mezhnauchnaya kategoriya // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2015. – № 10. – S. 10–13.
13. **Tsukanova O.V.** Osobennosti vzaimodeistviya sledovatelya s organami doznaniya pri rassledovanii prestuplenii, sovershennykh na ob'ektakh zheleznodorozhного транспорта // Rossiiskii sledovatel'. – 2015. – № 19. – S. 8–11.

(статья сдана в редакцию 21.02.2025)

ОБНАРУЖЕНИЕ (ДЕТЕКТИРОВАНИЕ) БЕСПИЛОТНЫХ ВОЗДУШНЫХ СУДОВ В УСЛОВИЯХ «БЕСПИЛОТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»: ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ И ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ

REVEAL (DETECTION) UNMANNED AIRCRAFT IN THE CONTEXT OF THE “UNMANNED REVOLUTION”: THE MAIN WAYS AND FACTORS OF INFLUENCE

УДК 623.09

Д.С. ЗИНЧЕНКО

(ФКУ НПО «СТиС» МВД России,
Россия, Москва)
dmitriy.zinchenko.1998@mail.ru

DMITRIY S. ZINCHENKO

(FGI SPA SET of MIA RF,
Moscow, Russia)

А.Р. ПРИЕТО

(ФКУ НПО «СТиС» МВД России,
Россия, Москва)
andrey-papai-73@mail.ru

ANDREY R. PRIETO

(FGI SPA SET of MIA RF,
Moscow, Russia)

Аннотация: в настоящее время научно-технический прогресс, складывающаяся геополитическая картина мира и определяемые ею вызовы обуславливают расширение сценариев применения беспилотных воздушных судов. В условиях проведения специальной военной операции наше государство столкнулось с угрозами антитеррористической защищенности, связанными с атаками беспилотных воздушных судов. Для нейтрализации беспилотных воздушных судов применяются различные средства противодействия, имеющие большие потенциальные возможности. Однако реализовать их в полном объеме ввиду сложности выявления и определения целей на дальности, обеспечивающей успешное применение средств противодействия, не всегда представляется возможным. Улучшение условий для пресечения угрозы противоправного применения беспилотных воздушных судов связано со своевременным обнаружением (детектированием) воздушного объекта, основной задачей которого является передача сигнала тревоги о несанкционированном приближении беспилотных воздушных судов к границам охраняемого объекта, а также контроль ситуации и оценка динамики изменения степени угрозы.

В связи с этим в статье рассмотрены основные факторы, влияющие на своевременное обнаружение (детектирование) беспилотных воздушных судов, исследованы требования и условия, предъявляемые к средствам обнаружения (детектирования) беспилотных воздушных судов. Авторами изучены и подробно описаны современные способы обнаружения (детектирования) беспилотных воздушных судов, их преимущества и недостатки, а также проведен сравнительный анализ эффективности используемых способов, по результатам которого выработаны рекомендации по применению таких средств.

Ключевые слова: беспилотное воздушное судно, противоправное функционирование, специальная военная операция, обнаружение (детектирование), технические средства, противодействие.

Для цитирования: Зинченко Д.С., Прието А.Р. Обнаружение (детектирование) беспилотных воздушных судов в условиях «беспилотной революции»: основные способы и факторы влияния // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2025. – № 4. – С. 86–93.

Abstract: currently, scientific and technological progress, the emerging geopolitical picture of the world and the challenges it defines are leading to an expansion of scenarios for the use of unmanned aerial vehicles (UAVs). In the context of a special military operation, the territories of our state faced threats of anti-terrorist security related to attacks by unmanned aircraft. To neutralize MENA, various means of counteraction are used, which have great potential. However, it is not always possible to fully implement them due to the difficulty of identifying and identifying targets at ranges that ensure the successful use of countermeasures. Improving the conditions for suppressing the threat of illegal use of UAVs is associated with the timely detection of an

aerial object, the main task of which is to transmit an alarm signal about the unauthorized approach of UAVs to the borders of the protected object, as well as monitoring the situation and assessing the dynamics of changes in the degree of threat.

In this regard, the article examines the main factors affecting the timely detection of unmanned aircraft, examines the requirements and conditions for the detection of UAVs. The authors have studied and described in detail modern methods of reveal (detecting) UAVs, their advantages and disadvantages, as well as conducted a comparative analysis of the effectiveness of the methods used, which resulted in recommendations for the use of such tools.

Keywords: unmanned aircraft, illegal operation, special military operation, reveal (detection), technical means, counteraction.

For citation: Zinchenko D.S., Prieto A.R. Reveal (detection) unmanned aircraft in the context of the “unmanned revolution”: the main ways and factors of influence // Problems of Law Enforcement Activity. – 2025. – № 4. – P. 86–93.

Беспилотные аппараты как технические средства, управляемые оператором дистанционно и двигающиеся по заданному маршруту, появились достаточно давно. Однако фундамент «беспилотной революции» был заложен в начале специальной военной операции. Ведение боевых действий стало значительным толчком для ускорения процессов развития и активного внедрения робототехники, в частности беспилотных воздушных судов (далее – БВС). БВС в совокупности с искусственным интеллектом и модернизированными технологиями способны решать самые сложные задачи.

Новая реальность, связанная с повышением доступности и функциональных возможностей БВС, облегчает их применение в противоправных целях, начиная от несанкционированного сбора информации, создания угрозы безопасного функционирования общественных структур, координации действий при незаконном проникновении на охраняемые объекты и заканчивая атаками на объекты критической инфраструктуры, причинением вреда жизни и здоровью людей и нанесением ущерба. Для решения этой проблемы необходимо выстраивать комплексную систему защиты, в основу которой входит обеспечение своевременного обнаружения (детектирования) проникновения БВС в воздушное пространство объекта с целью последующего противодействия его противоправному функционированию [1, с. 5].

Обнаружение (детектирование) БВС является начальным этапом в дальнейшем процессе противодействия. Без определения самого факта полета БВС, получения информации о его движении, других характеристик, важных для средств противодействия, подавление несанкционированного полета БВС невозможно.

Обнаружение (детектирование) БВС – это процесс сканирования воздушного пространства, основанный на получении с помощью технического устройства (средства обнаружения (детектирова-

ния)) информации о фактах нахождения БВС в указанной среде (его параметрах, локализации) и предоставлении этой информации оператору средств противодействия БВС.

Основная задача обнаружения (детектирования) БВС – быстро и кратко указать факт нахождения в воздушном пространстве БВС с целью его подавления. Обнаружение (детектирование) БВС должно проводиться отдельным членом группы (подразделением, экипажем).

При обнаружении (детектировании) БВС необходимо указывать:

- 1) примерное положение БВС на местности (от ориентира, направления движения);
- 2) наименование воздушной цели и ее отличительные признаки;
- 3) характерные признаки местности или объектов рядом с БВС (на краю высоты, у верхнего среза водонапорной башни и т.п.).

Особенности обнаружения (детектирования) БВС связаны с такими ключевыми их свойствами и параметрами, как массогабаритные характеристики, конфигурация и форма построения фюзеляжа, высота и скорость полета и др. Поэтому большие и средние БВС самолетного типа (взлетная масса от 150 кг) по своим конструктивным показателям, имея соответствие с аэродинамическими объектами – легким самолетом, планером и т.д., достаточно просто распознаются в воздушном пространстве современными средствами радиолокационной разведки с использованием существующих алгоритмов определения и выбора целей. В свою очередь, малогабаритные и низкоскоростные БВС с принципиальными отличиями в конструкциях (гибридные БВС, «сложные» мультикоптеры, FPV-дроны) являются наиболее трудными целями для современных средств обнаружения (детектирования).

Кроме того, стремительная революция и модернизация технических характеристик и особенности применения БВС в условиях специальной

военной операции обуславливают дополнительные факторы, влияющие на эффективное обнаружение (детектирование) БВС. К основным таким факторам относятся:

- активное использование модернизированных способов и механизмов полета – режима «радиомолчания» (полет происходит по полетному заданию с возможностью корректировки данных по мере необходимости или автоматически по визуальным ориентирам); высокоманевренных («змейка») и «рваных» (с периодическим зависанием или резким снижением скорости) режимов полета; полета в режиме «по подстилающей поверхности» (фронтальная и дополнительные камеры передают в онлайн-режиме изображение на компаратор, сверяющий получаемые данные с матрицей местности, заложенной в память) [2, с. 78];

- применение для управления БВС канала с хорошими помехоустойчивыми свойствами (LoRa/ERLS), нестандартных сигнально-кодовых конструкций каналов связи, а также не выделенных командной радиолинией управления каналов на основе отдельных средств связи, в частности мобильных операторов связи и точек доступа Wi-Fi;

- использование в конструкциях БВС радиопоглощающих элементов, пластиковых и композиционных материалов или специальных лакокрасочных покрытий, слабо отражающих электромагнитное излучение;

- резервирование каналов управления и передачи данных БВС, а также внедрение принципов и алгоритмов скрытого управления, при которых сигнал от БВС к станции управления и обратно передается направленно и в узком диапазоне;

- отсутствие стандартизации в диапазонах частот, расширение частоты канала (более 120 МГц) в стандартных частотах (433, 868, 915 МГц и др.);

- имитация гидрометеорообразований и турбулентных неоднородностей атмосферы, а также траектории движения птиц;

- активное применение для управления БВС волоконно-оптической линии связи;

- интеграция систем «автозахвата», «самонаведения» и «донаведения» на последнем участке полета БВС на основе искусственного интеллекта и «машинного зрения».

Также процесс определения факта нахождения воздушного объекта связан с решением задачи по выявлению демаскирующих признаков БВС [3, с. 17]. К основным демаскирующим факторам БВС относятся:

- сигналы телевизионных ретрансляторов, широкоэмиттерных станций, радиолокационной станции, базовых станций сотовой связи, отраженные от корпуса и агрегатов БВС;

- эффект пропеллерной модуляции, или «эффект Доплера» (отражение сигнала от вращающегося с высокой скоростью винта);

- команды и «доклады» канала управления между наземным пунктом управления и БВС, а также между БВС и ретрансляторными системами навигации;

- каналы обмена информацией, в том числе разведывательной (канал управления, передачи телеметрии), сигналы ботового ответчика и бортовой радиолокационной станции бокового обзора (нелинейные электромагнитные свойства электронной аппаратуры БВС), сигналы системы автоматической посадки на аэродром и др.;

- собственное электростатическое поле за счет трения БВС о воздух;

- тепловая сигнатура (тепловые следы работы двигателя и электроники) и силуэтно-теневая картина (отражение характерных форм и траекторий полета);

- акустическое поле винтомоторной группы БВС (может отсутствовать при планировании).

Необходимо отметить, что при выборе и размещении технических средств обнаружения (детектирования) БВС на охраняемом объекте должны обеспечиваться техническая поддержка синхронизации действий личного состава и сокращение длительности цикла «обнаружение – подавление», а дальность определения нахождения БВС должна создавать устойчивую защищенность периметра объекта, в том числе с любого наиболее вероятного направления или точки взлета БВС, при различных скоростных режимах его движения, включая максимальную скорость.

Одновременно в целях эффективного построения системы защиты от противоправного функционирования БВС к средствам обнаружения (детектирования) предъявляются следующие основные требования и выдвигаются условия [4, с. 30–31]:

- обеспечение надежности и точности всенаправленного обнаружения (детектирования) БВС;

- функционирование в широком диапазоне температур, при сильных вибрациях, различных погодных и других экстремальных условиях;

- гарантирование пассивности, т.е. изделие не должно излучать собственных сигналов, позволяющих их зафиксировать сканирующими радиозфир устройствами и способных помешать деятельности объектов различной инфраструктуры (аэропортов, стратегических объектов и т.д.);

- наличие максимально унифицированной конфигурации, позволяющей применять изделие на подвижных (автомобиль) и стационарных объектах (здания, сооружения);

- обеспечение возможности быстрого развертывания (свертывания) и перемещения без дополнительных устройств;

– возможность интеграции с другими системами и технологиями, в частности искусственного интеллекта, который, используя алгоритмы и наборы правил, позволяет успешно определять угрозы и ее характеристики для последующего принятия решений по противодействию противоправному функционированию БВС.

На сегодняшний день известны различные способы обнаружения (детектирования) БВС: радиолокационный, радиотехнический, оптический, акустический и др. [5, с. 115].

Радиолокационный способ. Радиолокационный способ (далее – РЛС) излучает зондирующий электромагнитный сигнал, обнаруживает эхосигнал и определяет его свойства. Характеристикой цели является ее эффективная площадь рассеяния. Контроль и ведение мониторинга воздушного пространства с помощью РЛС считается достаточно широко распространенным и традиционным способом обнаружения (детектирования) воздушных целей. Однако обнаружение (детектирование) БВС нарушителя средствами РЛС является эффективным в том случае, когда радиолокационная заметность цели соответствует разрешающей способности радиолокационной станции.

Основные преимущества РЛС:

- большие расстояния обнаружения;
- возможность обнаружения (детектирования) БВС даже в режиме автономного полета;
- высокая точность определения координат, вероятной траектории и скорости БВС;
- возможность многоцелевого отслеживания и одновременной обработки данных;
- всепогодность и круглосуточное использование.

Недостатки РЛС:

- дальность обнаружения (детектирования) (в значительной степени зависит от размера БВС);
- ограниченная эффективность против маломерных и слабоизлучающих объектов;
- невозможность дифференцирования БВС от естественных объектов;
- электромагнитное излучение, которое может вызвать помехи в работе бытовых приборов;
- низкая эффективность при наличии помех от других объектов, например в условиях плотной городской застройки или большого количества отражающих поверхностей.

Радио- и радиотехнический способ. БВС могут быть обнаружены средствами радио- и радиотехнической разведки. Алгоритм работы радио- и радиотехнического способа (далее – РРТР) основан на функционировании в режиме поиска источников радиоизлучений. Для осуществления этого режима необходимо задание исходных параметров поиска радиоизлучений.

Применительно к БВС основными объектами радиотехнического способа являются командная радиолиния управления БВС, параметры и передаваемые по ней данные, а также излучение бортовых радиолокационных станций, бортового радиоэлектронного оборудования, сигналов полезной нагрузки.

Дальность обнаружения (детектирования) малых БВС РРТР существенно зависит от сигнатуры и мощности сигналов радиосвязи БВС, их утечки, а также значений коэффициента усиления антенны БВС и чувствительности приемника радиотехнических средств.

Для ведения постоянного интенсивного обмена данными БВС с наземной станцией управления необходимо наличие одного или даже нескольких широкополосных каналов радиосвязи, для которых в современных условиях очень сложно обеспечить требуемую скрытность функционирования. В связи с этим высокоинтенсивное излучение средств радиосвязи является основным демаскирующим признаком БВС для РРТР.

Основные преимущества РРТР:

- высокая чувствительность, при которой размер БВС не влияет на дальность и эффективность его обнаружения (детектирования);
- возможность одновременного обнаружения (детектирования) и сопровождения большого количества БВС (в отличие от камер и микрофонов);
- способность точного позиционирования БВС в пространстве, а также его пульта управления (данная функция доступна при использовании нескольких устройств, расположенных на значительном расстоянии друг от друга);
- возможность сортировки БВС посредством внесения в «черный» и «белый» списки, при которых «белые» БВС не вызывают сигнала тревоги;
- оперативное реагирование в реальном времени;
- низкая зависимость от освещенности и уровня шума.

Недостатки РРТР:

- ограниченность модельного ряда – обнаруживает практически все серийные гражданские БВС, однако малоэффективен при обнаружении (детектировании) самодельных БВС и специализированных «дронов», используемых в условиях специальной военной операции;
- эффективность обнаружения (детектирования) зависит от наличия в библиотеке сигнатур сигналов БВС;
- невозможность обнаружения (детектирования) БВС, осуществляющих полетное задание в автономном режиме или в режиме «радиомолчания», а также сложность определения зашифрованных каналов связи;

– высокий риск ложных срабатываний в условиях наличия множества помех.

Оптико-электронный способ. Средства оптико-электронного обнаружения (детектирования) БВС представляют собой достаточно надежные устройства, работающие в различных спектральных диапазонах оптической области электромагнитного излучения (наиболее распространены рабочие спектральные диапазоны 3–5 мкм и 8–13 мкм). Однако эффективность оптико-электронного способа ОЭС существенно зависит от факторов окружающей среды, прежде всего от времени суток и погодных условий, а также наличия в базе сигнатур изображений БВС [6, с. 438]. Для уверенной работы требуется наличие прямой видимости, а также использование нескольких камер для создания на 360° кругового обзора. С целью повышения эффективности обнаружения (детектирования) БВС с помощью ОЭС в любое время суток и уменьшения влияния освещенности применяют интегрированные системы, включающие оптические датчики совместно с инфракрасными и тепловизионными.

Обнаружение (детектирование) БВС при помощи оптико-электронного способа допустимо при возможности построения проекции его визуального облика на картинную плоскость после использования всех имеющихся методов повышения контрастности и восстановления пропущенных элементов графического образа.

Увеличение дальности обнаружения (детектирования) БВС достигается посредством сужения поля зрения оптико-электронных средств, а также уменьшения зоны его обзора и увеличения времени поиска. В этой связи средства оптико-электронного обнаружения в видимом диапазоне являются малоэффективными для поиска и определения БВС. Однако при использовании алгоритмов компьютерного зрения для автоматического распознавания БВС по видеопотоку и анализу спектра радиосигналов, а также при наличии внешних целеуказаний, например от РЛС, оптико-электронные средства могут эффективно использоваться для обнаружения (детектирования) БВС.

Основные преимущества ОЭС:

- способность обнаруживать БВС даже в режиме автономного полета;
- высокая точность установления местонахождения БВС в пространстве на больших расстояниях и его сопровождение;
- возможность функционирования в «режиме интегрированности» с системами направленного подавления БВС, что способствует точечному противодействию без создания помех вне сектора наблюдения.

Недостатки ОЭС:

- большое количество ложных тревог;
- высокая зависимость от метеорологических и климатических условий (туман, дождь, снег), которая приводит к снижению дальности обнаружения (детектирования) в десятки раз;
- ограниченная эффективность при локализации БВС вне зоны прямой видимости или в ночное время без соответствующего оборудования;
- дальность обнаружения (детектирования), зависящая от размера используемой матрицы;
- ограниченный угол обзора, что не позволяет использовать ОЭС в качестве единственного оптимального метода обнаружения (детектирования) БВС.

Лазерная детекция. В основу указанного способа положена технология использования лазерных источников (лидаров) для излучения узконаправленного светового пучка в предполагаемое пространство с последующей регистрацией отраженных импульсных сигналов, обработкой и анализом полученных данных, позволяющих определить наличие объекта, его местоположение и параметры. В большинстве случаев при использовании лазерной детекции создаются трехмерные карты окружающей среды (3D-модели местности), способствующие обнаружению даже небольших БВС, являющихся малозаметными для традиционных радаров.

Основные преимущества лазерной детекции:

- высокая точность обнаружения (детектирования) БВС, в том числе малых и скрытых;
- возможность обнаружения БВС в режиме радиомолчания;
- быстрое время реагирования и высокая разрешающая способность.

Недостатки лазерной детекции:

- потребность в мощных источниках энергии, резко увеличивающих себестоимость лазерных систем;
- малая дальность и высота обнаружения (детектирования) БВС;
- зависимость от отражающих поверхностей объекта, метеорологических и климатических условий (туман, дождь, снег), в которых применение лазера становится почти бесполезным;
- высокая требовательность к точности наведения лазера.

Акустический способ. Акустическая заметность является важным дополняющим фактором, который позволяет повысить эффективность выявления БВС. В полете БВС генерирует акустические (звуковые) волны, источниками которых обычно являются двигательные установки (БВС с двигателем внутреннего сгорания) и лопасти воздушных винтов. При акустическом способе

анализируются спектры звуковых частот, генерируемых БВС. Такой способ позволяет обнаруживать (детектировать) БВС на расстоянии до 300 м и не подходит для работы в городских условиях из-за большого количества посторонних шумов [7, с. 21].

Основные преимущества акустического способа:

- возможность обнаружения (детектирования) всех моделей БВС в ближнем радиусе, в том числе работающей автономно, а также в условиях плохой видимости и ночью;
- пассивный характер, обеспечивающий скрытность работы, а также функциональная независимость в условиях радиоэлектронных помех;
- возможность интеграции с технологиями искусственного интеллекта, позволяющими в реальном времени анализировать окружающее пространство и автоматически отбирать образцы звуков, сравнивая акустические сигнатуры;
- мобильность (малые габариты), низкое энергопотребление и возможность оперативного развертывания и реагирования.

Недостатки акустического способа:

- малая дальность обнаружения (детектирования) (до 300 м);
- низкая чувствительность и точность определения координат БВС;
- высокая зависимость от окружающей среды – шум городской застройки, природных явлений (дождь, ветер).

Сравнительная характеристика вышеописанных способов обнаружения (детектирования) БВС приведена в таблице 1.

Отдельным направлением развития способов обнаружения (детектирования) БВС в условиях «беспилотной революции» является **метод «перехвата» аналогового видеосигнала**.

Процессы технологизации и активной интеграции различных средств обнаружения (детектирования) БВС в единую систему способствуют появлению принципиально новых устройств. В настоящий момент разработаны технические средства обнаружения (детектирования) БВС, принцип действия которых основан на приеме аналогового видеосигнала, позволяющего с высокой степенью вероятности не только обнару-

Таблица 1. Сравнительная характеристика способов обнаружения (детектирования) БВС

УСЛОВИЯ ОБНАРУЖЕНИЯ БВС	ТЕХНИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОБНАРУЖЕНИЯ БВС				
	РЛС	РРТР	ОПТИКО-ЭЛЕКТРОННЫЕ	ЛАЗЕРНАЯ ДЕТЕКЦИЯ	АКУСТИЧЕСКИЕ
Предельная дальность, м	2000	2000	от 500 до 600	1000	от 200 до 300
В дневное время	Да	Да	Да	Да	Да
В ночное время	Да	Да	Нет	Да	Да
В автономном режиме полета	Да	Нет	Да	Да	Да
В условиях природных помех	Ограниченно эффективно	Ограниченно эффективно	Да	Да	Да
В условиях мегаполиса	Ограниченно эффективно	Ограниченно эффективно	Да	Да	Нет
В условиях скопления объектов (птиц)	Ограниченно эффективно	Да	Ограниченно эффективно	Нет	Ограниченно эффективно
В сложных погодных условиях	Ограниченно эффективно	Да	Нет	Нет	Нет
Локализация и сопровождение БВС	Да	Ограниченно эффективно	Да	Да	Ограниченно эффективно
Локализация пульта управления БВС	Нет	Ограниченно эффективно	Нет	Нет	Нет
Распознавание цели как БВС, классификация	Ограниченно эффективно	Ограниченно эффективно (для отдельных производителей)	Да	Нет	Да
Селекция одиночных и групповых целей БВС	Да	Да (по различным каналам)	Да	Да	Да (для различных типов БВС)

Рисунок 1. Средства обнаружения (детектирования) БВС на основе «перехвата» аналогового видеосигнала

живать БВС, но и получать летную информацию (направление, скорость и высота полета БВС и т.д.) (см. рис. 1). Данные устройства дают возможность существенно улучшить эффективность оповещения всех категорий служащих и гражданского населения, а также будут способствовать установлению контроля над воздушным пространством и повышению эффективности борьбы с БВС с последующим прогнозированием возможной обстановки на том или ином участке местности [8, с. 69].

Таким образом, оперативное противодействие несанкционированному функционированию беспилотных воздушных судов – это проблема настоящего, а не будущего. Эволюция БВС и тактических приемов их применения создает повышенную угрозу жизнедеятельности общества и безопасности государства. Исходя из этого «беспилотная реальность» обуславливает необходимость выработки действенных способов и методов обнаружения (детектирования) БВС. Возможности современных способов обнаружения (детектирования) БВС в значительной степени зависят от большого количества внешних факторов, что существенно снижает их эффективность. Поэтому ни один из представленных способов не может в полном объеме самостоя-

тельно обеспечивать функции по обнаружению (детектированию) БВС. В связи с этим в целях повышения эффективности обнаружения (детектирования) БВС считаем целесообразным:

1) использовать комплексный подход при создании механизма обнаружения (детектирования) БВС с интеграцией в единую систему;

2) выбор способов и вариантов применения средств обнаружения (детектирования) БВС осуществлять после оценки потенциальных угроз для объекта и непосредственного обследования особенностей функционирования объекта;

3) формировать сплошную и эшелонированную зоны обнаружения (детектирования) БВС на базе сквозных цифровых технологий, что исключит их обход. Такая трансформация позволит:

– создать автоматизированные рубежи охраны с применением специализированных алгоритмов наблюдения, в том числе «прогностические (виртуальные)» рубежи, способствующие наращиванию защищенности объектов;

– осуществить переход к мультирубежной модели с реализацией рискориентированного подхода при организации воздушного контроля, а также комплексированием имеющихся платформ и органов управления, с высокой вероятностью определяющих идентификацию БВС «свой – чужой».

Литература

1. **Бердымуратов Д.Б.** Анализ систем идентификации и формирования базы данных беспилотных летательных аппаратов // *Universum: технические науки.* – 2024. – № 10 (127). – С. 4–8.
2. **Пантенков Д.Г., Литвиненко В.П., Глушков А.Н.** Основные проблемные вопросы и современные подходы к противодействию малоразмерным разведывательно-ударным беспилотным летательным аппаратам // *Вестник Воронежского государственного технического университета.* – 2023. – № 4. – С. 77–88.
3. **Красненко Н.П., Богушевия А.Я., Кураков С.А., Раков А.С., Рыбаков И.А.** Исследование демаскирующих признаков при полете квадрокоптеров для их обнаружения / Шарыгинские чтения: материалы V Международной научной конферен-

ции ведущих научных школ в области радиолокации, радионавигации и радиоэлектронных систем передачи информации, 11–13 октября 2023 г. – Томск: Томск. гос. ун-т систем упр. и радиоэлектроники, 2023. С. 15–22.

4. **Назарова М.С.** Научно-технические основы обнаружения беспилотных летательных аппаратов / Новые вызовы – новые исследования: сборник статей II Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 17 ноября 2022 г. – Петрозаводск: Новая наука, 2022. С. 22–42.

5. **Макаренко С.И., Тимошенко А.В., Васильченко А.С.** Анализ средств и способов противодействия беспилотным летательным аппаратам. Ч. 1: Беспилотный летательный аппарат как объект обнаружения и поражения // Системы управления, связи и безопасности. – 2020. – № 1. – С. 109–146.

6. **Мартыненко А.А., Борисов И.С.** Методы обнаружения беспилотных летательных аппаратов // Вестник науки. – 2025. – № 3 (84). – С. 436–443.

7. **Пузанов А.Д., Неведов Д.С.** Результаты экспериментальных исследований спектрально-временных характеристик акустических шумов беспилотных летательных аппаратов // Наука и военная безопасность. – 2020. – № 4 (66). – С. 19–24.

8. **Коник А.А., Афонин Р.Е., Климов И.М., Зинченко Д.С.** Идентификационный комплекс обнаружения и подавления беспилотных воздушных судов на основе видеоперехвата для использования в условиях боевых действий // Russian Technological Journal. – 2025. – № 13 (3). – С. 63–72.

9. **Сулейманов М.В., Коняев В.М., Гуц С.И.** Способы обнаружения малых БВС коммерческого типа / Средства и системы противодействия беспилотным воздушным судам: сборник докладов научно-практической специальной конференции, Московская область, Рузский городской округ, поселок Старотеряево, 19 октября 2023 г. – Москва: ФКУ НПО «СТИС» МВД России, 2023. С. 22–26.

10. **Рашид Б., Родионов О.А.** Система обнаружения небольших объектов для беспилотных летательных аппаратов с использованием преобразователей изображения / Технологии и техника: пути инновационного развития: сборник научных статей Международной научно-технической конференции, Воронеж, 9 июня 2023 г. – Воронеж: Воронежский государственный технический университет, 2023. С. 430–439.

References

1. **Berdymuratov D.B.** Analiz sistem identifikatsii i formirovaniya bazy dannykh bespilotnykh letatel'nykh apparatov // Universum: tekhnicheskie nauki. – 2024. – № 10 (127). – С. 4–8.

2. **Pantenko D.G., Litvinenko V.P., Glushkov A.N.** Osnovnye problemnye voprosy i sovremennye podkhody k protivodeistviyu malorazmernym razvedyvatel'no-udarnym bespilotnym letatel'nykh apparatam // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. – 2023. – № 4. – С. 77–88.

3. **Krasnenko N.P., Bogusheviya A.Ya., Kurakov S.A., Rakov A.S., Rybakov I.A.** Issledovanie demaskiruyushchikh priznakov pri polete kvadrakopterov dlya ikh obnaruzheniya / Sharyginskii chteniya: materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii vedushchikh nauchnykh shkol v oblasti radiolokatsii, radionavigatsii i radioelektronnykh sistem peredachi informatsii, 11–13 oktyabrya 2023 g. – Tomsk: Tomsk. gos. un-t sistem uпр. i radioelektroniki, 2023. С. 15–22.

4. **Nazarova M.S.** Nauchno-tekhnicheskie osnovy obnaruzheniya bespilotnykh letatel'nykh apparatov / Novye vyzovy – novye issledovaniya: sbornik statei II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Petrozavodsk, 17 noyabrya 2022 g. – Petrozavodsk: Novaya nauka, 2022. С. 22–42.

5. **Makarenko S.I., Timoshenko A.V., Vasil'chenko A.S.** Analiz sredstv i sposobov protivodeistviya bespilotnym letatel'nykh apparatam. Ch. 1: Bespilotnyi letatel'nyi apparat kak ob'ekt obnaruzheniya i porazheniya // Sistemy upravleniya, svyazi i bezopasnosti. – 2020. – № 1. – С. 109–146.

6. **Martynenko A.A., Borisov I.S.** Metody obnaruzheniya bespilotnykh letatel'nykh apparatov // Vestnik nauki. – 2025. – № 3 (84). – С. 436–443.

7. **Puzanov A.D., Nefedov D.S.** Rezul'taty eksperimental'nykh issledovaniy spektral'no-vremennykh kharakteristik akusticheskikh шумов bespilotnykh letatel'nykh apparatov // Nauka i voennaya bezopasnost'. – 2020. – № 4 (66). – С. 19–24.

8. **Konik A.A., Afonin R.E., Klimov I.M., Zinchenko D.S.** Identifikatsionnyi kompleks obnaruzheniya i podavleniya bespilotnykh vozdushnykh sudov na osnove videoperekhvata dlya ispol'zovaniya v usloviyakh boevykh deistviy // Russian Technological Journal. – 2025. – № 13 (3). – С. 63–72.

9. **Suleimanov M.V., Konyaev V.M., Guts S.I.** Sposoby obnaruzheniya malyykh BVS kommercheskogo tipa / Sredstva i sistemy protivodeistviya bespilotnym vozdushnym sudam: sbornik dokladov nauchno-prakticheskoi spetsial'noi konferentsii, Moskovskaya oblast', Ruzskii gorodskoi okrug, poselok Staroteryaev, 19 oktyabrya 2023 g. – Moskva: FКУ NPO «СТИС» MVD Rossii, 2023. С. 22–26.

10. **Rashid B., Rodionov O.A.** Sistema obnaruzheniya nebol'shikh ob'ektov dlya bespilotnykh letatel'nykh apparatov s ispol'zovaniem preobrazovatelei izobrazheniya / Tekhnologii i tekhnika: puti innovatsionnogo razvitiya: sbornik nauchnykh statei Mezhdunarodnoi nauchno-tekhnicheskoi konferentsii, Voronezh, 9 iyunya 2023 g. – Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet, 2023. С. 430–439.

(статья сдана в редакцию 30.06.2025)

НЕПРЕРЫВНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННОЕ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ, ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ РЕАЛИЗАЦИИ

PERSONALIZED HIGHER EDUCATION: CONCEPT, ESSENCE, POSSIBLE WAYS OF IMPLEMENTATION

УДК 37

О.А. КВАСОВА,
кандидат юридических наук
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
olya-dvornichenko@mail.ru

OLGA A. KVASOVA,
Candidate of Law
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

А.М. ДВОРНИЧЕНКО
(МБОУ «СОШ № 3»,
Россия, Новый Оскол)
annaDV@yandex.ru

ANNA M. DVORNICHENKO
(Municipal Budgetary General Education Institution
“Secondary School № 3”,
Novy Oskol, Russia)

Аннотация: статья посвящена исследованию феномена персонализированного обучения в современном высшем образовании, раскрывающему его сущность, теоретические основания и возможные пути реализации. Авторы отмечают значимость персонализации образовательного процесса в условиях стремительного роста объема информации и повышения требований к уровню подготовки специалистов. Подчеркивается важность учета индивидуальных особенностей студентов, включая их способности, интересы и скорость освоения материала, что обеспечивает значительное улучшение качества и мотивации учащихся. Авторами выделены ключевые технологические направления, способствующие внедрению персонализированного подхода: адаптивные платформы, микрокурсы и использование искусственного интеллекта. Эти инновационные подходы позволяют формировать индивидуализированные учебные маршруты, учитывать потребности студентов и повышать их удовлетворенность образованием. Приведены успешные примеры практического применения подобных решений в российских и международных вузах, доказывающие эффективность такой модели обучения. Вместе с тем статья обращает внимание на существующие проблемы, среди которых выделяются недостаточная готовность педагогов к использованию новых инструментов, нехватка ресурсов и инфраструктуры. Несмотря на трудности, авторы убеждены в перспективности персонализированного обучения, рассматривая его как одно из главных направлений развития современной высшей школы.

Ключевые слова: персонализированное обучение, высшее образование, адаптивные технологии, микрокурсы, искусственный интеллект, цифровая образовательная среда.

Для цитирования: Квасова О.А., Дворниченко А.М. Персонализированное высшее образование: понятие, сущность, возможные пути реализации // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2025. – № 4. – С. 94–97.

Abstract: the article is devoted to the study of the phenomenon of personalized learning in modern higher education, revealing its essence, theoretical foundations and possible ways of implementation. The author notes the importance of personalizing the educational process in the context of a rapid increase in the volume of information and increasing requirements for the level of training of specialists. The importance of taking into account the individual characteristics of students, including their abilities, interests and the speed of mastering materials, is emphasized, which ensures a significant improvement in the quality and motivation of students. The author identifies key technological areas contributing to the implementation of a personalized approach: adaptive platforms, micro-courses and the use of artificial intelligence. These

innovative approaches make it possible to create individualized study routes, take into account the needs of students and increase their satisfaction with education. Successful examples of practical application of such solutions in Russian and international universities are given, proving the effectiveness of such a learning model. At the same time, the article draws attention to existing problems, among which are the lack of teachers' willingness to use new tools, lack of resources and infrastructure. Despite the difficulties, the author is convinced of the prospects of personalized learning, considering it as one of the main directions of development of modern higher education.

Keywords: personalized learning, higher education, adaptive technologies, micro-courses, artificial intelligence, digital educational environment.

For citation: Kvasova O.A., Dvornichenko A.M. Personalized higher education: concept, essence, possible ways of implementation // Problems of Law Enforcement Activity. – 2025. – № 4. – P. 94–97.

Современное высшее образование находится в процессе кардинальных изменений, происходящих под влиянием цифровизации и потребностей рынка труда. Одним из ключевых трендов последних лет стало развитие персонализированного обучения (далее – ПО), ориентированного на адаптацию образовательного процесса под индивидуальные особенности каждого студента. Персонализация образования подразумевает создание гибких образовательных траекторий, учет интересов, стилей и темпов обучения. Это позволяет значительно повысить качество и эффективность учебного процесса [1].

В эпоху цифровых технологий, когда количество информации постоянно растет, а требования к квалификации работников становятся все более жесткими, персонализация выступает в качестве инструмента для формирования конкурентоспособных специалистов, готовых к постоянному самообразованию и профессиональному развитию [2, с. 933]. В связи с этим задача внедрения ПО в вузах становится приоритетной, а изучение путей ее реализации – актуальной научной проблемой.

Цель настоящей статьи – раскрыть теоретические основы ПО в высшем образовании и проанализировать современные инструменты и технологии, обеспечивающие его эффективную реализацию. Особое внимание уделяется эмпирическим данным и существующим проблемам внедрения ПО.

ПО опирается на педагогические теории конструктивизма и когнитивной психологии, в которых особое место занимает активное вовлечение студента в учебный процесс и учет его индивидуальных особенностей. Важным принципом является дифференциация и адаптация учебного материала под уровень знаний, интересы и темп усвоения [3, с. 184].

Современные исследования подчеркивают, что персонализация позволяет не только повы-

сить мотивацию и эффективность обучающихся, но и создать условия для развития критического мышления, творческих способностей и самостоятельности [4, с. 11]. В рамках высшего образования ПО способствует формированию компетенций, необходимых для успешной профессиональной деятельности и непрерывного обучения.

Согласно исследованию Дж. Кулика и Дж. Флетчера системы ПО обеспечивают динамическую адаптацию учебных маршрутов, предоставляя студентам возможность самостоятельно выбирать темпы и содержание обучения, что особенно актуально для магистерских и аспирантских программ. Это ведет к улучшению результатов обучения и повышению удовлетворенности образовательным процессом [1, с. 54].

Рассмотрим технологии реализации ПО. Одна из ключевых технологий персонализации – адаптивные образовательные платформы, которые на основе анализа данных о прогрессе студента и его предпочтениях подбирают учебный контент и сложность заданий.

Эти системы используют алгоритмы машинного обучения для формирования индивидуальных траекторий и своевременной поддержки обучающихся [5, с. 24].

Например, платформа ALEKS (Assessment and Learning in Knowledge Spaces) успешно применяется в ряде вузов для адаптации курсов математики и естественных наук, что подтверждает повышение эффективности усвоения материала. В России подобные решения получают развитие в рамках национальных проектов цифровизации образования.

Микрокурсы – это небольшие образовательные блоки, направленные на освоение конкретных навыков или тем. Такой подход позволяет студентам формировать гибкие образовательные траектории, совмещать учебу с профессиональной деятельностью и самостоятельно управлять процессом обучения [6, с. 79].

Использование микрокурсов в вузах способствует персонализации обучения, предоставляя возможность выбора тем и глубины изучения. В российских университетах наблюдается тенденция интенсификации внедрения модульных систем и микрокурсов, что подтверждается данными исследований в области цифрового образования.

Искусственный интеллект активно внедряется в ПО, обеспечивая глубокий анализ поведения студентов, выявление пробелов в знаниях и формирование индивидуальных рекомендаций. Использование аналитики обучения помогает преподавателям и администраторам учебных курсов принимать более обоснованные решения и корректировать образовательные программы [7, с. 68].

Ряд зарубежных университетов уже использует искусственный интеллект для создания персональных ассистентов и автоматизированных наставников, которые помогают студентам ориентироваться в учебном материале и сопровождают процесс обучения.

Результаты последних эмпирических исследований подтверждают эффективность ПО. В исследовании Дж. Пейна и соавторов (это доклад о персонализированном обучении, выпущенный корпорацией RAND, в котором авторы рассматривают эффективность использования технологий для персонализации обучения в странах с низким и средним уровнем дохода) было установлено, что студенты, обучающиеся с использованием адаптивных технологий, показывают более высокие результаты по сравнению с традиционными методами обучения [4].

О.Г. Казанцева отмечает положительное восприятие студентами персонализированных об-

разовательных систем, которые способствуют повышению вовлеченности и удовлетворенности процессом обучения [8, с. 117].

Международные исследования также демонстрируют, что персонализация способствует развитию метакогнитивных навыков и самостоятельности, что важно для формирования компетенций XXI века.

Несмотря на значительный потенциал, внедрение ПО сталкивается с рядом проблем. Так, например, не все преподаватели готовы к работе с адаптивными системами и искусственным интеллектом. Также не во всех университетах есть доступ к цифровым ресурсам и технической инфраструктуре.

Однако перспективы развития ПО выглядят обнадеживающими. Постоянное совершенствование технологий, расширение доступа к цифровым образовательным ресурсам и повышение квалификации педагогов создают благоприятные условия для масштабного внедрения ПО в высших учебных заведениях.

Подводя итог, отметим, что ПО является одним из приоритетных направлений развития высшего образования в условиях цифровой эпохи. Оно предоставляет возможности для формирования гибких образовательных траекторий, учитывающих индивидуальные особенности студентов, что способствует повышению качества и эффективности образовательного процесса. Современные технологии, такие как адаптивные платформы, микрокурсы и искусственный интеллект, открывают новые пути реализации персонализации в вузах. Для успешного внедрения ПО необходимо решение организационных, методических и технических задач, а также повышение цифровой грамотности преподавателей и студентов.

Литература

1. **Kulik J.A., Fletcher J.D.** Effectiveness of Intelligent Tutoring Systems: A Meta-Analytic Review // *Review of Education Research*. – 2016. – № 1. – P. 42–78.
2. **Walkington K.** The use of adaptive learning technologies for personalization, taking into account the interests of students: the influence of relevant contexts on learning outcomes and effectiveness // *Journal of Educational Psychology*. – 2013. – Vol. 105. № 4. – P. 932–945.
3. **Bransford J.D., Brown A.L., Cocking R.R.** How People Learn: Brain, Mind, Experience, and School: Expanded Edition. – NATIONAL ACADEMY PRESS Washington, D.C. – 384 p.
4. **Pane J.F., Steiner E.D., Baird M.D., Hamilton L.S.** Continued Progress: Promising Evidence on Personalized Learning. RAND Corporation, 2015. – 42 p.
5. **Johnson L., Becker A., Estrada S., Freeman V.** NMC Horizon Report: Higher Education 2016. The New Media Consortium, 2016. – 56 p.
6. **Hug T.** Microeducation: a new pedagogical challenge / *Proceedings of the 4th International Conference on Microeducation*, 2005. – 278 p.
7. **Baker R.S., Inventado P.S.** Educational data processing and learning analytics / *Learning Analytics* / ed. Springer, 2014. P. 61–75.
8. **Казанцева О.Г.** Восприятие студентами персонализированных образовательных систем в цифровых средах / *Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE–2024): сборник статей V Международной научно-практической конференции*. – Москва, 2024. С. 116–126.
9. **Falman J.K., Kosien E., Doignon J.-P., Thierry N.** Assessment of knowledge in theory and practice // *Journal of Applied Logic*. – 2013. – Vol. 12. № 4. – P. 457–475.
10. **Фокина Е.Н.** Создание условий персонализации обучения на примере освоения дисциплины «информатика» студентами инженерных специальностей // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. – 2024. – № 1 (88). – С. 108–115.

References

1. **Kulik J.A., Fletcher J.D.** Effectiveness of Intelligent Tutoring Systems: A Meta-Analytic Review // Review of Education Research. – 2016. – № 1. – P. 42–78.
2. **Walkington K.** The use of adaptive learning technologies for personalization, taking into account the interests of students: the influence of relevant contexts on learning outcomes and effectiveness // Journal of Educational Psychology. – 2013. – Vol. 105. № 4. – P. 932–945.
3. **Bransford J.D., Brown A.L., Cocking R.R.** How People Learn: Brain, Mind, Experience, and School: Expanded Edition. – NATIONAL ACADEMY PRESS Washington, D.C. – 384 p.
4. **Pane J.F., Steiner E.D., Baird M.D., Hamilton L.S.** Continued Progress: Promising Evidence on Personalized Learning. RAND Corporation, 2015. – 42 p.
5. **Johnson L., Becker A., Estrada S., Freeman V.** NMC Horizon Report: Higher Education 2016. The New Media Consortium, 2016. – 56 p.
6. **Hug T.** Microeducation: a new pedagogical challenge / Proceedings of the 4th International Conference on Microeducation, 2005. – 278 p.
7. **Baker R.S., Inventado P.S.** Educational data processing and learning analytics / Learning Analytics / ed. Springer, 2014. P. 61–75.
8. **Kazantseva O.G.** Vospriyatie studentami personalizirovannykh obrazovatel'nykh sistem v tsifrovyykh sredakh / Tsifrovaya gumanitaristika i tekhnologii v obrazovanii (DHTE–2024): sbornik statei V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. – Moskva, 2024. S. 116–126.
9. **Falman J.K., Kosien E., Doignon J.-P., Thierry N.** Assessment of knowledge in theory and practice // Journal of Applied Logic. – 2013. – Vol. 12. № 4. – P. 457–475.
10. **Fokina E.N.** Sozdanie uslovii personalizatsii obucheniya na primere osvoeniya distsipliny "informatika" studentami inzhenernykh spetsial'nostei // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2024. – № 1 (88). – S. 108–115.

(статья сдана в редакцию 27.05.2025)

РАЗВИТИЕ АДАПТИВНОГО СПОРТА И ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

DEVELOPMENT OF ADAPTIVE SPORTS AND PHYSICAL CULTURE IN BELGOROD OBLAST

УДК 796.011

С.И. ГОРЕЛКИН

(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
serezha_gorelkin@mail.ru

SERGEY I. GORELKIN

(Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

К.К. КРУПЕННИКОВА

(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
krupennikovakristina@yandex.ru

KRISTINA K. KRUPENNIKOVA

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: в настоящее время вовлечение людей с ограниченными возможностями в занятия физической культурой и спортом для восстановления их связи с окружающим миром и обществом в целом является одной из приоритетных целей государства. Создание различных специализированных центров дает возможность для проведения таких занятий, помогает восстановить социальные связи, способствует инклюзии и улучшает как психическое, так и физическое самочувствие. Более того, участие в занятиях по физической культуре способствует социальной реинтеграции и реабилитации. Адаптивная физическая культура и спорт оказывают положительное влияние на участников, добавляют им уверенности в себе, укрепляют стойкость и повышают мотивацию к новым достижениям. В связи с вышеперечисленным авторы проводят исследование, направленное на выявление проблемных аспектов в области развития адаптивного спорта и физической культуры в Белгородской области, включающее в себя анкетирование 15 занимающихся адаптивной физической культурой и спортом человек и 15 специалистов в указанной области. В результате выделены приоритетные направления для преодоления имеющихся трудностей, такие как укрепление кадрового потенциала, расширение информационного ландшафта, совершенствование доступности для людей с ограниченными возможностями здоровья.

Ключевые слова: адаптивная физическая культура, адаптивный спорт, упражнение, специалист, социальная реинтеграция.

Для цитирования: Горелкин С.И., Крупенникова К.К. Развитие адаптивного спорта и физической культуры в Белгородской области // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2025. – № 4. – С. 98–103.

Abstract: currently, the inclusion of people with disabilities in physical activity and sport to re-establish their connection with the surrounding environment physical culture and sports to restore their connection with the surrounding world and society as a whole is one of the priority goals of the state. Inclusion of people with disabilities in physical education and sport to restore their connection with the world around them and society as a whole is one of the priority and key goals of the state. The creation of various specialized centers provides an opportunity for such activities, helps to re-establish social ties, promotes inclusion and improves both mental and physical well-being. Moreover, participation in physical education contributes to social reintegration and rehabilitation. Adaptive physical culture and sports have a positive impact on participants, adding to their self-confidence, strengthening their resilience, and increasing their motivation for new achievements. In light of this, the authors conducted a study aimed at identifying the problematic aspects in the development of adaptive sports and physical culture in Belgorod oblast, which included a questionnaire survey of 15 individuals engaged in adaptive physical culture and sports and 15 specialists in this field. The results highlighted the priority areas for addressing the existing challenges, such as strengthening human resources, expanding the information landscape, and improving accessibility for people with disabilities.

Keywords: adaptive physical education, adaptive sports, exercise, specialist, social reintegration.

For citation: Gorelkin S.I., Krupennikova K.K. Development of adaptive sports and physical culture in Belgorod oblast // Problems of Law Enforcement Activity. – 2025. – № 4. – P. 98–103.

Введение. Люди с инвалидностью остаются одной из самых социально уязвимых групп как в России, так и во всем мире. Отмечено, что по состоянию на 3 декабря 2024 года в Белгородской области живут 163 тысячи человек с ограниченными возможностями здоровья, из них свыше 6300 детей¹. Несмотря на постоянное совершенствование системы здравоохранения в России, в том числе улучшение медицинского обеспечения и решение насущных проблем со здоровьем, число людей, нуждающихся в реабилитации, продолжает расти [1]. Многим из них требуются комплексные реабилитационные программы для восстановления полной или частичной функциональности. Чтобы максимально улучшить качество их жизни, преодолеть психологические препятствия, реинтегрироваться в общество, восстановить социальную и двигательную активность, разработаны комплексные подходы [2]. К ним относятся методы адаптивной физической культуры (далее – АФК) и спорта, которые доказали свою высокую эффективность в обеспечении физического и социального благополучия [3; 4].

В России основы АФК зародились в конце XVII – начале XVIII века, когда в 1830 году в Москве был открыт первый кабинет лечебной физкультуры, а в 1834 году – еще один в Санкт-Петербурге [5]. С тех пор АФК и спорт получили широкое признание благодаря своему положительному влиянию на физическую форму, социальную интеграцию и общее благополучие людей с ограниченными возможностями.

Важной вехой в истории развития АФК и спорта в Белгородской области стало открытие Центра адаптивных видов спорта «Вершина», в котором тренировочные занятия проводятся по четырем видам спорта: спорт слепых, спорт глухих, спорт лиц с поражением опорно-двигательного аппарата, спорт лиц с интеллектуальными нарушениями. В центре представлены такие спортивные дисциплины, как пулевая стрельба, армрестлинг, легкая атлетика, плавание, шашки, шахматы, стрельба из лука, настольный теннис, бочче, футбол, баскетбол.

Методы и организация исследования. Для изучения уровня развития и организации АФК и (или) спорта было проведено анкетирование среди

лиц, занимающихся АФК и спортом, и специалистов в области АФК и спорта. Респондентам были заданы вопросы, касающиеся организации АФК в г. Белгороде. В анкетировании участвовали 15 представителей с ограниченными возможностями здоровья и 15 специалистов в области АФК и спорта.

Предварительно обозначив в анкете свой пол, группу инвалидности, тип травмы, приведшей к инвалидности, респонденты, занимающиеся АФК и (или) спортом, ответили на вопросы, касающиеся развития АФК и спорта. В свою очередь лица, являющиеся специалистами в области АФК и (или) спорта, также указали в анкете свой пол, стаж работы, уровень полученного образования, место работы и ответили на вопросы, касающиеся развития АФК и спорта.

Данное исследование было проведено в январе 2025 года. Методом случайной выборки нами было опрошено 15 человек (7 мужчин и 8 женщин), имеющих группу инвалидности и связанных с АФК и (или) спортом. Тогда же был посещен Центр адаптивных видов спорта «Вершина», где из 50 тренеров этого центра мы выбрали 15 (6 мужчин и 9 женщин), согласившихся стать участниками анкетирования.

Результаты исследования. Первые вопросы в анкете имели организационный характер. Результаты анкетирования респондентов, занимающихся АФК и спортом, представлены в таблице 1.

Нас интересовало, какой вид физической активности выбрали респонденты. Выяснилось, что 40% занимаются лечебной физической культурой, 33,3% – утренней гимнастикой и лишь 26,7% – адаптивными видами спорта (настольный теннис, бадминтон, плавание). Отметим, что настольный теннис и плавание являются направлениями, развиваемыми в Центре адаптивных видов спорта «Вершина», который и посещают респонденты, отметившие данные виды спорта. Отвечая на следующий вопрос анкеты, 40% респондентов указали, что упражняются в составе группы с тренером, 33,3% – в индивидуальном порядке самостоятельно, а 26,7% – индивидуально с тренером.

Далее узнали, как часто анкетированные занимаются АФК и (или) спортом. 46,7% опрошенных отметили, что частота занятий составляет 3 раза в неделю, 26,7% – 2 раза, 20% – более 4 раз и лишь 6,6% – 1 раз в неделю. Подчеркнем, что такие результаты отражают готовность и желание лиц с огра-

¹ 163 тысячи белгородцев имеют ограничения по здоровью [Электронный ресурс]. – URL: <https://gazeta-priiskolye.ru/news/obshchestvo/2024-12-03/163-tysyachi-belgorodtsev-imeyut-ogranicheniya-po-zdorovyu-418935?ysclid=mg7vz61pdv559315950>

Непрерывное профессиональное образование сотрудников правоохранительных органов

ниченными возможностями заниматься АФК и (или) спортом на регулярной основе, что в очередной раз отражает актуальность анализируемой области.

В целях выявления наиболее оптимальной продолжительности одного занятия для лиц с

ограниченными возможностями мы уточнили, какая продолжительность одной тренировки у них в данный момент. Большинство опрошенных (80%) указали, что занятие длится 2 часа, и лишь 20% отметили продолжительность в один час. Время тренировки должно определяться

Таблица 1. Результаты анкетирования лиц, занимающихся адаптивной физической культурой и (или) спортом

Вопрос	Варианты ответов	%
Укажите, способны ли Вы самостоятельно передвигаться	ходьба без ограничений	53,3%
	ходьба с использованием ручных приспособлений	26,7%
	самостоятельное передвижение с помощью инвалидного кресла	20%
	отсутствие возможности самостоятельно передвигаться на инвалидном кресле	0%
Укажите, каким видом физической активности Вы занимаетесь	утренняя гимнастика	33,3%
	лечебная физическая культура	40%
	занятие адаптивными видами спорта	26,7%
Укажите, в каком формате проходят Ваши занятия	индивидуально без тренера	33,3%
	индивидуально с тренером	26,7%
	в составе группы с тренером	40%
	в составе группы без тренера	0%
Укажите, как часто Вы занимаетесь	1 раз в неделю	6,6%
	2 раза в неделю	26,7%
	3 раза в неделю	46,7%
	более 4 раз в неделю	20%
Укажите, сколько времени Вы тратите на одно занятие	1 час	20%
	2 часа	80%
	3 часа и более	0%
Укажите, где Вы занимаетесь	в домашних условиях	40%
	лесопарковая зона	0%
	спортивная площадка	15%
	стадион	15%
	тренажерный зал	7,5%
	реабилитационный центр	0%
	центр адаптивных видов спорта	20%
	бассейн	2,5%
Укажите, какие проблемы, на Ваш взгляд, существуют в области реализации адаптивного спорта	недостаточное материально-техническое обеспечение для занятий адаптивной физической культурой и спортом	33,3%
	дефицит квалифицированных специалистов	33,3%
	недостаточное финансирование АФК и спорта	20%
	низкий уровень организации безбарьерной среды в городе	46,7%
	другое	0%

Непрерывное профессиональное образование сотрудников правоохранительных органов

индивидуально в каждом конкретном случае и обуславливаться медицинскими показателями человека, что учитывается специалистами Центра адаптивных видов спорта «Вершина».

В таблице 2 приведены результаты анкетирования специалистов в области АФК и спорта, которые осуществляют тренировочные мероприятия в Центре адаптивных видов спорта «Вершина».

О востребованности занятий АФК и спортом с тренером в г. Белгороде свидетельствуют следующие показатели: 60% ответили, что за день у них занимаются от 6 до 15 человек, 20% – от 1 до 5, 13,3% – от 16 до 25 человек, 6,7% – 37 и более. Также нас интересовало, какие недостат-

ки могут выделить опрашиваемые в учреждении, где работают. 33,3% отмечают нехватку специалистов, 26,7% – современного оборудования и инвентаря, 20% – научно-методического материала, 20% – низкую заработную плату.

Наблюдается недостаточное внимание к проблеме научно-методического обеспечения области АФК и спорта. Так, 53,3% указали, что участвуют в научно-представительских мероприятиях 1–2 раза в год, 26,7% – 3 и более раз в год, 20% – не участвуют вовсе.

Также была исследована мотивация специалистов развиваться в данной области. 53,4% ответили, что готовы и планируют развиваться,

Таблица 2. Результаты анкетирования специалистов в области адаптивной физической культуры и спорта

Вопрос	Варианты ответов	%
Укажите, какое количество штатных сотрудников (инструкторов ЛФК, врачей ЛФК) в Вашем учреждении	1–2 человека	13,3%
	3–5 человек	33,3%
	6 и более человек	53,3%
Укажите, какое среднее количество занимающихся Вы принимаете за один рабочий день	1–5 человек	20%
	6–15 человек	60%
	16–25 человек	13,3%
	26–35 человек	0%
	37 и более человек	6,7%
Укажите, какие недостатки можете выделить в учреждении, где Вы работаете	недостаток специалистов	33,3%
	недостаток современного оборудования и инвентаря	26,7%
	недостаток научно-методического материала	20%
	низкая заработная плата	20%
Укажите, участвуете ли Вы во всероссийских и международных конференциях	да, 1–2 раза в год	53,3%
	да, 3 и более раз в год	26,7%
	не участвую	20%
Укажите, рассматриваете ли Вы другой род деятельности и профессию в дальнейшем или планируете развиваться в данной области	да, планирую	53,4%
	нет, не планирую	13,3%
	оставили без ответа	33,3%
Укажите, какие проблемы, на Ваш взгляд, существуют в области реализации адаптивного спорта	недостаточное материально-техническое обеспечение для занятий адаптивной физической культурой и спортом	6,6%
	дефицит квалифицированных специалистов	20%
	недостаточное финансирование АФК и спорта	26,7%
	низкий уровень организации безбарьерной среды в городе	46,7%
	другое	0%

33,3% оставили этот вопрос без ответа, 13,3% указали, что не готовы продолжать развиваться в рассматриваемой сфере. Такие показатели отражают низкий уровень мотивации специалистов в области АФК и спорта, что является значимой проблемой в современных реалиях.

В заключение респондентам обеих групп было предложено отразить проблемные аспекты в области развития АФК и спорта. Примечательно, что одинаково острым моментом как для занимающихся, так и для специалистов оказался низкий уровень организации безбарьерной среды в городе (46,7%). Также опрашиваемые отмечают проблему дефицита квалифицированных специалистов (33,3% занимающихся, 20% специалистов).

Заключение. Несмотря на тенденцию к совершенствованию, сфера АФК и спорта сталкивается с многочисленными проблемами, требующими внимания, такими как:

- 1) нехватка квалифицированных кадров;
- 2) недостаточные материальные и технические ресурсы;
- 3) финансовые ограничения;
- 4) ограниченная информированность и продвижение.

Решение этих вопросов требует скоординированных усилий со стороны политиков, ме-

дицинских работников, педагогов и общества в целом. Совершенствование программ обучения, расширение инфраструктуры, увеличение финансовой поддержки и повышение осведомленности общественности позволят АФК и спорту стать более доступными, что будет способствовать полноценному участию людей с ограниченными возможностями в физической и социальной деятельности [6].

Учитывая существующие проблемы в АФК и спорте, можно выделить основные приоритетные направления для их решения, а именно:

1. Укрепление кадрового потенциала – решение вопроса нехватки квалифицированных кадров путем совершенствования программ обучения и расширения возможностей для профессионального развития в адаптивном спорте.

2. Расширение информационного ландшафта – активное освещение в средствах массовой информации с целью повышения информированности и стимулирования более активного участия людей с инвалидностью в занятиях физической культурой и массовым спортом.

3. Совершенствование доступности – развитие специализированных адаптивных учреждений и создание транспортной инфраструктуры.

Литература

1. *Кохан С.Т., Бриг Д.И.* Воздействие адаптивного спорта на качество жизни людей с ограниченными возможностями: ситуации и проблемы // Глобус: гуманитарные науки. – 2022. – Т. 7. № 2 (40). – С. 10–13.
2. *Дудко А.В., Батанцев Н.И., Цындрина А.В.* Актуальные проблемы адаптивной физической культуры и спорта // Столыпинский вестник. – 2023. – № 2. – С. 964–969.
3. *Внукова В.В., Гужис А.Р., Ткачева Т.В.* Задачи адаптивной физической культуры и спорта // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2021. – Т. 3. – С. 1344–1345.
4. *Михайлов В.С., Цыганкова В.О.* Отличия адаптивной физической культуры от лечебной физической культуры // Интерактивная наука. – 2022. – № 6 (71). – С. 79–80.
5. *Евсеев С.П., Шелехов А.А., Евсеева О.Э., Аксенов А.В.* Принципы, обеспечивающие эффективность технологий использования адаптивной двигательной рекреации и адаптивного спорта // Теория и практика физической культуры. – 2023. – № 9. – С. 71–72.
6. *Василенко К.А., Курганов Д.О.* Педагогика и физическая культура: модули для учителей и преподавателей адаптивной физической культуры // Молодежь. Наука. Инновации. – 2021. – Т. 2. – С. 157–161.
7. *Киселева И.Н., Садовникова А.М.* Методика занятий лечебной физической культурой для профилактики синдрома эмоционального выгорания у специалистов по адаптивной физической культуре // Современные вопросы биомедицины. – 2021. – Т. 5. № 2 (15). – С. 188–194.
8. *Степичева Н.В., Тумасян Т.И.* Адаптивная физическая культура и лечебная физическая культура как феномены современности / Инновационные процессы в национальной экономике и социально-гуманитарной сфере: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 3 ч., Белгород, 31 января 2018 г. – Белгород: Агентство перспективных научных исследований, 2018. Ч. III. С. 164–165.
9. Физическая культура и спорт с элементами адаптивной физической культуры / Р.Р. Магомедов, Н.О. Щупленков, О.В. Щупленков [и др.]. – Казань: Бук, 2017. – 476 с.
10. *Серигов П.В.* Физическая культура студентов. Адаптивная физическая культура / XII Международный молодежный форум «Образование. Наука. Производство»: сборник материалов форума, Белгород, 1–20 октября 2020 г. – Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, 2020. С. 3717–3722.

References

1. **Kokhan S.T., Brik D.I.** Vozdeistvie adaptivnogo sporta na kachestvo zhizni lyudei s ogranichennymi vozmozhnostyami: situatsii i problemy // Globus: gumanitarnye nauki. – 2022. – T. 7. № 2 (40). – S. 10–13.
2. **Dudko A.V., Batantsev N.I., Tsyndrina A.V.** Aktual'nye problemy adaptivnoi fizicheskoi kul'tury i sporta // Stolypinskii vestnik. – 2023. – № 2. – S. 964–969.
3. **Vnukova V.V., Guzhis A.R., Tkacheva T.V.** Zadachi adaptivnoi fizicheskoi kul'tury i sporta // Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavтики. – 2021. – T. 3. – S. 1344–1345.
4. **Mikhailov V.S., Tsygankova V.O.** Otlichiya adaptivnoi fizicheskoi kul'tury ot lechebnoi fizicheskoi kul'tury // Interaktivnaya nauka. – 2022. – № 6 (71). – S. 79–80.
5. **Evseev S.P., Shelekhov A.A., Evseeva O.E., Aksenov A.V.** Printsipy, obespechivayushchie effektivnost' tekhnologii ispol'zovaniya adaptivnoi dvigatel'noi rekreatsii i adaptivnogo sporta // Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury. – 2023. – № 9. – S. 71–72.
6. **Vasilenko K.A., Kurganov D.O.** Pedagogika i fizicheskaya kul'tura: moduli dlya uchitelei i prepodavatelei adaptivnoi fizicheskoi kul'tury // Molodezh'. Nauka. Innovatsii. – 2021. – T. 2. – S. 157–161.
7. **Kiseleva I.N., Sadovnikova A.M.** Metodika zanyatii lechebnoi fizicheskoi kul'turoi dlya profilaktiki sindroma emotsional'nogo vygoraniya u spetsialistov po adaptivnoi fizicheskoi kul'ture // Sovremennye voprosy biomeditsiny. – 2021. – T. 5. № 2 (15). – S. 188–194.
8. **Stepicheva N.V., Tumasyan T.I.** Adaptivnaya fizicheskaya kul'tura i lechebnaya fizicheskaya kul'tura kak fenomeny sovremennosti / Innovatsionnye protsessy v natsional'noi ekonomike i sotsial'no-gumanitarnoi sfere: sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 3 ch., Belgorod, 31 yanvarya 2018 g. – Belgorod: Agentstvo perspektivnykh nauchnykh issledovaniy, 2018. Ch. III. S. 164–165.
9. Fizicheskaya kul'tura i sport s elementami adaptivnoi fizicheskoi kul'tury / R.R. Magomedov, N.O. Shchuplenkov, O.V. Shchuplenkov [i dr.]. – Kazan': Buk, 2017. – 476 s.
10. **Serikov P.V.** Fizicheskaya kul'tura studentov. Adaptivnaya fizicheskaya kul'tura / XII Mezhdunarodnyi molodezhnyi forum "Obrazovanie. Nauka. Proizvodstvo": sbornik materialov foruma, Belgorod, 1–20 oktyabrya 2020 g. – Belgorod: Belgorodskii gosudarstvennyi tekhnologicheskii universitet im. V.G. Shukhova, 2020. S. 3717–3722.

(статья сдана в редакцию 06.06.2025)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

LEGAL ASPECTS OF POLICE DIGITALIZATION IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

УДК 34.096

В.И. МАЙОРОВ,

доктор юридических наук, профессор
(Тюменский институт повышения квалификации
сотрудников МВД России,
Россия, Тюмень)
1955715@rambler.ru

VLADIMIR I. MAYOROV,

Doctor of Law, Professor
(Tyumen Advanced Training Institute
of the MIA of Russia,
Tyumen, Russia)

Аннотация: статья посвящена анализу процесса внедрения цифровых технологий и их использования в деятельности народной полиции Китая. Выделены основные проекты и программы по технологической модернизации работы правоохранительных органов («Золотой щит», «Небесная сеть», «Умная полиция» и др.), выстроен хронологический вектор их развития. Рассмотрены ключевые нормативные правовые акты Китайской Народной Республики, составляющие правовую основу деятельности полиции и обеспечения общественной безопасности в цифровой среде.

Автором сделаны выводы о высоком уровне внедрения различных технологий, среди которых одно из ведущих мест занимает постоянно растущая сеть систем видеонаблюдения, позволяющих минимизировать физическое присутствие сотрудников полиции для поддержания общественного порядка в условиях высокой плотности населения. Подчеркнут системный подход в использовании инноваций в правоохранительной деятельности, который проявляется в устойчивом сочетании нормативных правовых, технологических и организационных компонентов.

Опыт Китая, ввиду наличия схожих вызовов, представляет несомненный интерес для изучения и адаптации отдельных его элементов в Российской Федерации с учетом особенностей национального законодательства. В ходе проведения исследования использовались данные с официальных порталов государственных органов Китайской Народной Республики, в том числе ранее не переведенные на русский язык.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, народная полиция, цифровизация, видеонаблюдение, «умная полиция», искусственный интеллект, правовое регулирование.

Для цитирования: Майоров В.И. Правовые аспекты цифровизации деятельности полиции в Китайской Народной Республике // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2025. – № 4. – С. 104–111.

Abstract: this article examines the implementation and application of digital technologies within the People's Police of China. It identifies key projects and programs for the technological modernization of law enforcement agencies (Golden Shield, Skynet, Smart Policing, etc.), tracing their chronological development. The study analyzes the core legislative and regulatory acts that form the legal framework for policing and public security in the digital domain.

The author highlights the advanced integration of technologies, with video surveillance systems continuously expanding in scale and playing a pivotal role in reducing the need for physical police presence while maintaining public order in high-density urban areas. Emphasis is placed on China's systemic approach to innovation in law enforcement, characterized by a cohesive integration of normative-legal, technological, and organizational components.

Given shared challenges, China's experience offers valuable insights for adapting select elements to the Russian context, contingent on national legal specificities. The research draws on primary data from official government portals of People's Republic of China, including materials previously unavailable in Russian.

Keywords: People's Republic of China, People's Police, digitalization, video surveillance, "smart" policing, artificial intelligence, legal regulation.

For citation: Mayorov V.I. Legal aspects of police digitalization in the People's Republic of China // Problems of Law Enforcement Activity. – 2025. – № 4. – P. 104–111.

В условиях глобальной цифровой трансформации правоохранительных систем Китая демонстрирует один из самых технологически продвинутых подходов к модернизации полицейской деятельности, имеющий масштабный охват. Внедрение искусственного интеллекта, систем массового видеонаблюдения с распознаванием лиц, а также интеграция больших данных в повседневную работу полиции позволяют КНР не только эффективно бороться с преступностью, но и формировать новые стандарты общественной безопасности.

Российская полиция, в соответствии с законодательно установленным принципом использования достижений науки и техники, современных технологий и информационных систем (ст. 11 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»)¹, стремится к расширению использования новейших технологий для решения различных задач. В условиях укрепления сотрудничества Российской Федерации и Китайской Народной Республики во многих областях, их участия в составе крупных международных организаций и объединений (например, ШОС и БРИКС) изучение китайского опыта цифровизации становится особенно актуальным. В соответствии с избранной темой статьи мы рассмотрим основные этапы внедрения новых технологий и формирования нормативной базы их использования, сделав акцент на современном китайском законодательстве в области общественной и государственной безопасности, которое формируется с 2015 г., в том числе на законах, направленных на регулирование цифровой среды (например, о кибербезопасности и защите данных).

Процесс цифровизации правоохранительной системы Китая берет свое начало в конце 1990-х – начале 2000-х годов, когда были заложены первые основы современной системы общественной безопасности. В конце 1990-х годов началась разработка «Золотого щита» (金盾工程) – масштабного проекта по информатизации работы Министерства общественной безопасности в рамках развития «электронного правительства».

Министерство общественной безопасности КНР (далее – МОБ) было создано в 1949 г. и является центральным органом исполнительной власти, ответственным за обеспечение правопорядка, государственной безопасности и управление

правоохранительной деятельностью. К задачам министерства относятся защита политического и государственного строя, охрана высшего руководства государства и важнейших государственных объектов, пресечение и борьба с терроризмом, охрана общественного порядка, борьба с преступностью [1].

В состав МОБ КНР входят службы: полиция общественной безопасности, криминальная полиция, железнодорожная полиция, полиция по контролю дорожного движения, тюремная полиция, речная и морская полиция, полиция по охране лесов, таможенная полиция, полиция гражданской авиации, полиция по охране народнохозяйственных объектов, судебная полиция [2].

В структуре МОБ основную часть личного состава занимает народная полиция КНР как основной оперативный элемент, функционирующий в жесткой вертикали власти с четким разделением функций между центральным и территориальными уровнями. Согласно ст. 2 Закона КНР «О народной полиции» «народная полиция состоит из полицейских, работающих в органах общественной безопасности, органах государственной безопасности, тюрьмах и органах, ведающих вопросами трудового перевоспитания, а также полицейских, работающих в народных судах и народной прокуратуре»².

Возвращаясь к проекту «Золотой щит», следует отметить, что за рубежом он известен преимущественно с позиций фильтрации содержимого в сети Интернет, ограничения доступа к сайтам за пределами Китая, однако цели проекта были гораздо шире. К концу 2000-х гг. он стал технологическим фундаментом для последующей цифровой трансформации правоохранительной системы, решив задачи по созданию единой информационной платформы полиции, автоматизации процессов учета преступлений, розыска и идентификации, интеграции региональных баз данных в национальную сеть³. Формирование национальной базы данных о населении позволило объединить в одном источнике паспортные сведения, биометрию, информацию о прописке («хукоу») и др.

² Закон КНР «О народной полиции» (中华人民共和国人民警察法) в ред. от 2012 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?MmM5MDImZGQ2NzhiZjE3OTAxNjc4YmY3NGNlZjA2YTtk> (на китайском языке).

³ Проект «Золотой щит» (金盾工程) [Электронный ресурс]. – URL: <https://baike.baidu.com/item/金盾工程/9092338> (на китайском языке).

¹ Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант-Плюс».

Новой вехой цифрового развития полицейской деятельности стал запуск проекта «Небесная сеть» (天网工程) в 2005 г. Система «Небесная сеть» представляет собой многоуровневый комплекс аппаратно-программных средств видеонаблюдения и анализа данных, интегрированный в общегосударственную систему обеспечения общественной безопасности. С функциональной точки зрения данный проект реализует концепцию «умного видеонаблюдения», характеризующуюся тремя ключевыми компонентами: сбором визуальных данных в режиме реального времени, автоматизированной обработкой информации посредством алгоритмов компьютерного зрения, предиктивным анализом поведенческих паттернов.

Техническая инфраструктура системы базируется на распределенной сети камер наблюдения различных поколений, объединенных через защищенные каналы связи в единый информационный контур.

Аналитический модуль системы включает:

1) подсистему распознавания лиц, работающую с точностью свыше 99% (по данным испытаний Института стандартизации КНР);

2) алгоритмы выявления отклоняющегося или аномального поведения;

3) механизмы кросс-платформенного поиска.

Управление системой осуществляется через региональные центры обработки данных, организационно входящие в структуру органов общественной безопасности. Зональное распределение полномочий регулируется национальным стандартом в области видеонаблюдения, в котором закреплены: принцип централизованного управления при децентрализованном хранении данных, трехуровневая модель доступа (оперативный, аналитический, административный), обязательное ведение электронных журналов обращения к данным⁴.

Интеграция «Небесной сети» с другими государственными информационными системами реализована через Единую платформу общественной безопасности, Национальную систему распознавания транспортных средств, базы данных удостоверений личности.

Правовые гарантии функционирования системы «Небесная сеть» включают:

1) принцип целевого использования данных, который запрещает использование полученной персональной информации в сторонних целях, не касающихся обеспечения общественной без-

опасности (ст. 26 Закона КНР «О защите персональных данных»⁵);

2) четкое определение допустимых и запрещенных мест установки средств видеонаблюдения (ст. 7–8 Положения об управлении информационной системой видеонаблюдения общественной безопасности, утвержденного постановлением Государственного совета КНР от 16 декабря 2024 г. № 799⁶);

3) процедуру получения и использования цифровых данных уполномоченными органами (Положение о вопросах сбора, извлечения, анализа цифровых данных и вынесения суждения по ним при рассмотрении уголовных дел от 9 сентября 2016 г.⁷, разработанное в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом КНР⁸).

На практике материалы, полученные с помощью системы «Небесная сеть», используются в качестве доказательств при рассмотрении дел о правонарушениях и преступлениях, совершенных в общественных местах (при условии соблюдения процедуры их изъятия). Также они задействованы в профилактической деятельности по формированию «территориальных криминальных карт», выявлению лиц, находящихся в розыске, мониторингу мест массового скопления граждан и др.

По итогам развертывания системы Китай стал мировым лидером по количеству установленных камер видеонаблюдения, которое в 2021 году превысило 200 млн [3]. В работе камер активно применяется технология распознавания лиц, показывающая высокую эффективность как элемент системы «умной общественной безопасности» [4].

Вместе с тем в качестве одной из угроз для работы «Небесной сети» выступают хакерские

⁵ Закон КНР от 20 августа 2021 г. «О защите персональных данных» (中华人民共和国个人信息保护法) [Электронный ресурс]. – URL: <https://baike.baidu.com/item/中华人民共和国个人信息保护法/24220563> (на китайском языке).

⁶ Постановление Государственного совета КНР от 16 декабря 2024 г. № 799 «Об утверждении Положения об управлении информационной системой видеонаблюдения общественной безопасности» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.scio.gov.cn/zd gz/jj/202502/t20250211_884470.html (на китайском языке).

⁷ Положение о вопросах сбора, извлечения, анализа цифровых данных и вынесения суждения по ним при рассмотрении уголовных дел от 9 сентября 2016 г. (关于办理刑事案件收集提取和审查判断电子数据若干问题的规定) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Народного суда КНР. – URL: <http://gongbao.court.gov.cn/Details/bd16c955fa77106fa0c1f47fa89137.html> (на китайском языке).

⁸ Уголовно-процессуальный кодекс КНР (中华人民共和国刑事诉讼法) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Народного суда КНР. – URL: <http://gongbao.court.gov.cn/Details/11aaa996a59f5824912be62d3dfa0d.html> (на китайском языке).

⁴ GB 35114-2017 [Электронный ресурс] // Официальный сайт государственных стандартов КНР. – URL: <https://openstd.samr.gov.cn/bz/gk/gb/newGbInfo?hcno=B7F5589329EF98B32F0EB8ACEC341C81> (на китайском языке).

атаки в связи функционированием системы на унифицированном оборудовании. Например, в 2022 г. из-за утечки данных об уязвимостях в камерах Hikvision (Hangzhou Hikvision Digital Technology – производитель оборудования систем видеонаблюдения) под угрозой взлома оказались десятки тысяч камер по всему миру, в том числе расположенные в Китае.

Формирование интеллектуальной системы общественной безопасности было продолжено в 2021 г. с запуском программы «Умная полиция». Ее основными принципами стали: проактивность (переход от реагирования на происшествия к прогнозированию преступности), интеграция (межведомственное взаимодействие на единой цифровой платформе), автоматизация (снижение операционной нагрузки на сотрудников). Была решена задача оптимизации ресурсов правоохранительной системы с помощью внедрения технологий «полиции, ориентированной на данные» (data-driven policing), распределенных систем управления полицейскими ресурсами, цифровизации административных процедур. В Китае, как и в России, оказание государственных услуг со стороны полиции было переведено в систему одного окна, а при наличии возможностей – в электронный формат.

Технологическая архитектура программы базируется на трех основных компонентах:

1) платформе больших данных в области общественной безопасности, объединяющей информационные ресурсы различных ведомств и обеспечивающей их аналитическую обработку с применением алгоритмов искусственного интеллекта;

2) интеллектуальных системах видеонаблюдения, включая модернизированные элементы системы «Небесная сеть» с расширенными возможностями распознавания образов и поведенческого анализа;

3) мобильных сервисах и облачных решениях, позволяющих осуществлять удаленный доступ к полицейским базам данных и оперативно реагировать на происшествия.

Важным элементом программы являлось развитие взаимодействия полиции и граждан путем использования информационно-коммуникационных технологий для обеспечения прозрачности правоохранительной деятельности, интерактивного взаимодействия с населением, профилактической и просветительской работы местных полицейских участков. Повышение доверия к полиции является одной из задач развития данного ведомства во многих государствах [5].

Следует отметить, что территориальная структура народной полиции выстроена в соответствии с административно-территориальным делени-

ем Китая. На центральном (республиканском) уровне действует МОБ КНР как высший орган управления, подчиняющийся Государственному совету КНР. На уровне провинций выделяются управления общественной безопасности, которые адаптируют общегосударственные директивы под местные условия, контролируют деятельность нижестоящих территориальных органов. Городской уровень образуют городские отделы, действующие в городах окружного и провинциального значения. Низовые звенья полиции функционируют на уездном/районном уровне – это отделы общественной безопасности. Именно они осуществляют патрулирование, прием заявлений от граждан, работу с населением на подведомственной территории и др.

Программа «Умная полиция» стала ключевым этапом цифровой трансформации правоохранительной системы КНР, отражая глобальный тренд перехода от традиционных моделей полицейской работы к парадигме «полиция, ориентированная на данные». В научном дискурсе такую трансформацию следует рассматривать через призму трех взаимосвязанных аспектов: технологической адаптации к цифровой среде, трансформации полицейской методологии и ответа на угрозы киберпространства [6].

Технологическая составляющая программы демонстрирует характерный для современного этапа развития тренд конвергенции цифровых технологий в сфере безопасности. Особого внимания заслуживает расширение практики использования роботов и беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА), решающих комплекс разнообразных задач. Так, с помощью БПЛА осуществляется трехмерное моделирование территорий, высотный мониторинг в режиме реального времени. Роботы могут осуществлять патрулирование общественных пространств, работу с данными, использоваться при обезвреживании бомб⁹, регулировании дорожного движения и др.

Пилотные программы по использованию роботов-полицейских были запущены в ряде крупных городов КНР, среди которых Пекин, Шанхай, Шэньчжэнь, Ханчжоу. Испытания проводятся в реальных условиях: например, в июне 2025 г. роботы различных конструкций, оснащенные системами автономной навигации, интеллектуальным механизмом обхода препятствий, возможностью потоковой передачи аудио- и видеоданных в режиме реального времени и удаленной связи,

⁹ Совершенствование полицейской работы: укрепление основ, акцент на технологии, объединение усилий (夯根基 重科技 聚合力 提升现代警务效能) [Электронный ресурс] // Официальный сайт МОБ КНР. – URL: <https://www.mps.gov.cn/n2255079/n9365801/n9574397/n9574432/c10072481/content.html> (на китайском языке).

были выведены на патрулирование в г. Чэнду провинции Сычуань¹⁰.

В рамках развития «Умной полиции» осуществляется не только внедрение технологий, но и трансформация организационной структуры органов общественной безопасности КНР, создаются региональные центры обработки поступающих данных (например, в Шанхае и Гуанчжоу), вводятся новые должности. По итогам реализации программы удалось добиться снижения уровня преступности, роста взаимодействия с гражданами с помощью мобильных приложений и сервисов, сокращения нагрузки на сотрудников полиции за счет автоматизации и ИИ-систем.

Отдельное внимание в рамках нашего исследования необходимо уделить нормативной правовой базе цифровизации полицейской деятельности в КНР. Как верно отмечает П.В. Троцкий, правовая система Китайской Народной Республики в своем развитии прошла несколько основных этапов и с 2011 г. по настоящее время длится пятый этап, на котором принимаются новые уникальные акты, а действующее законодательство подвергается изменениям [7]. По итогам XVIII съезда Коммунистической партии Китая в 2012 г. была выдвинута стратегия «сильного сетевого государства» (Cyber Superpower), которая предполагает не только обеспечение кибербезопасности страны, но и использование сетевого потенциала для развития национальной экономики [8]. Вполне оправданно, что новая стратегия потребовала разработки соответствующей нормативной правовой базы.

Китайская модель регулирования отчасти схожа с российской и объединяет три уровня: конституционные основы, специальные законы и ведомственные нормативные акты. Так, ст. 28 Конституции КНР закрепляет обязанность государства поддерживать общественный порядок, что в контексте современного развития может быть интерпретировано как правовая основа для повышения эффективности правоохранительной деятельности, в том числе путем использования цифровых технологий.

Специальное законодательство включает несколько законов, принятых в течение последнего десятилетия. Основу правового регулирования составляют положения Закона КНР от 1 июля 2015 г. «О национальной безопасности», в частности ст. 25, определяющая, что «государство создает систему гарантий информационной безопасности, расширяет возможности защиты

информационной безопасности, усиливает инновационные исследования, разработку и применение информационных технологий, а также обеспечивает безопасность и управляемость информационных базовых технологий, критической инфраструктуры, информационных систем и данных в важных областях»¹¹.

Еще три законодательных акта направлены на регулирование цифровой среды. Во-первых, это Закон КНР «О кибербезопасности», вступивший в силу 1 июня 2017 г. и направленный на обеспечение кибербезопасности, суверенитета в киберпространстве, национальной безопасности, защиту социальных и общегосударственных интересов, законных прав и интересов граждан и организаций. Статья 21 указанного закона обязывает операторов критической информационной инфраструктуры (включая полицейские системы) внедрять меры защиты данных, ст. 37 регулирует трансграничную передачу данных правоохранительного значения.

Следует отметить, что обеспечение кибербезопасности является одним из направлений российско-китайского сотрудничества в правоохранительной сфере: так, в августе 2024 г. был опубликован проект Конвенции ООН по борьбе с киберпреступностью, в создании которого активно участвовали Китайская Народная Республика и Российская Федерация. В проекте документа акцентируется внимание на необходимости сотрудничества между государствами для эффективного реагирования на киберугрозы, обмена информацией и совместного расследования киберпреступлений [9].

Во-вторых, важную роль играет Закон КНР от 10 июня 2021 г. «О безопасности данных», который закрепляет особый статус данных «в области национальной безопасности, жизненно важных направлениях национальной экономики, важных аспектах жизни людей» (ст. 21), определяет границы сбора и использования данных государственными органами (ст. 38)¹².

В-третьих, непосредственно связанный с предыдущим Закон КНР от 20 августа 2021 г. «О защите персональных данных» регламентирует особенности обработки персональных данных, права физических лиц и обязанности органов и организаций, занимающихся обработкой персональных данных. Интересен тот факт, что в зако-

¹¹ Закон КНР от 1 июля 2015 г. «О национальной безопасности» (中华人民共和国公共安全法) [Электронный ресурс]. – URL: <https://baike.baidu.com/item/中华人民共和国国家安全法/525260> (на китайском языке).

¹² Закон КНР от 10 июня 2021 г. «О безопасности данных» (中华人民共和国数据安全法) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.cac.gov.cn/2021-06/11/c_1624994566919140.htm (на китайском языке).

¹⁰ Robocops hit Chinese city streets [Электронный ресурс] // Официальный сайт Госсовета КНР. – URL: http://english.scio.gov.cn/chinavoices/2025-06/23/content_117942036.html (на английском языке).

не прописаны и меры юридической ответственности по отношению к государственным органам: согласно ст. 68, «если государственный орган не выполняет обязательства по защите личной информации, предусмотренные настоящим законом, его вышестоящий орган или ведомство, выполняющее обязанности по защите личной информации, должны приказать ему внести исправления, а непосредственно ответственные лица подлежат наказанию в соответствии с законом»¹³.

Базовый Закон КНР 1995 г. «О народной полиции» не содержит конкретных норм об использовании цифровых технологий, поскольку его последняя редакция датируется 2012 г. – до перехода к стратегии «сильного сетевого государства». Поэтому данные вопросы регулируются преимущественно на ведомственном уровне.

Расширение использования информационных технологий в различных сферах жизни общества было закреплено в Директиве Государственного совета КНР «Об активном продвижении действий «Интернет+» от 2015 г., которая содействовала в том числе внедрению мер по обеспечению безопасности в цифровом пространстве.

Приказ МОБ КНР 2020 г. № 112 «Правила стандартизации работы с большими данными в органах общественной безопасности» определил пять категорий стандартов обработки оперативных данных.

Также было принято несколько национальных и отраслевых стандартов в исследуемой области. В китайской системе стандартизации выделяются документы национального и отраслевого уровня. Национальные стандарты во многом схожи с российскими ГОСТами и обязательны для применения в публично значимых сферах. Так, GB/T 28181-2022¹⁴ устанавливает технические требования к передаче, обмену и управлению данными в системах видеонаблюдения (28181 – номер стандарта, 2022 – год последней редакции).

Отраслевые стандарты обязательны для применения в отдельной сфере, например обеспечения общественной безопасности. Стандарт GA/T 1400-2017 определяет требования к системам обработки и хранения видеозаписей и обязателен для органов общественной безопасности.

Кроме того, в настоящее время действует Трехлетний план действий по развитию полиции

через науку и технологии (2023–2025 гг.), разработанный МОБ КНР совместно с Министерством науки и технологий КНР. Он включает повышение технологической оснащенности полиции и расширение использования устройств с искусственным интеллектом. Наибольший интерес в содержании данного плана представляет программа подготовки полицейских кадров в сфере цифровых технологий. Программа обозначена кодом «521», где «5» означает подготовку 50 тыс. высококвалифицированных специалистов в области ИТ-безопасности, криминалистики и анализа данных, «2» – создание 200 инновационных команд при вузах и научных центрах, ориентированных на разработку полицейских технологий, «1» – 1 тыс. руководителей проектов «умной полиции». Код «521» соответствует традиции китайских государственных программ и проектов использовать цифровые обозначения для лучшей запоминаемости и четкого целеполагания.

Современный этап цифровизации деятельности органов общественной безопасности в КНР (с 2022 г.) характеризуется активным внедрением технологий предиктивной аналитики, развитием системы «Социальный кредит» применительно к правоохранительной деятельности, интеграцией полицейских систем с городскими цифровыми платформами, разработкой стандартов для «умных» полицейских участков нового поколения, совершенствованием подготовки кадров и повышением их квалификации [10].

Проведенный анализ позволяет констатировать, что цифровая трансформация деятельности народной полиции КНР представляет собой последовательный и системный процесс, реализуемый в рамках государственной стратегии «сильного сетевого государства». Одной из особенностей данного процесса является приоритетное развитие технологической инфраструктуры систем видеонаблюдения. Демографические и урбанистические условия, включая высокую плотность населения в мегаполисах, повышают значимость автоматизированных систем видеомониторинга для поддержания общественного порядка. Распознавание лиц и анализ поведения толпы позволяют минимизировать необходимость физического присутствия полиции, обеспечивая при этом реагирование на потенциальные угрозы. Кроме того, осуществляется интеграция систем с инфраструктурой «умного города», в том числе с транспортными, энергетическими и социальными сервисами, на основе чего создается единая цифровая среда. Это обеспечивает не только снижение уровня преступности, но и оптимизацию бюджетных расходов за счет централизованного управления данными.

¹³ Закон КНР от 20 августа 2021 г. «О защите персональных данных» (中华人民共和国个人信息保护法) [Электронный ресурс]. – URL: <https://baike.baidu.com/item/中华人民共和国个人信息保护法/24220563> (на китайском языке).

¹⁴ GB/T 28181-2022 Technical requirements for information transmission, switch and control in video surveillance networking system for public security [Электронный ресурс]. – URL: <https://openstd.samr.gov.cn/bzgk/gb/newGbInfo?hcno=8BVC2475624A6C31DC34A28052B3923D> (на китайском языке).

Системность процесса цифровизации проявляется в устойчивом сочетании нормативных правовых, технологических и организационных компонентов. Принимаемые законы регулируют использование конкретных технологий, что способствует их ускоренному внедрению, поскольку разработчики технологических новаций и сотрудники полиции действуют в едином правовом поле. Многоуровневая система стандартов обеспечивает масштабируемость (региональные системы легко интегрируются в национальную платформу) и унификацию технических решений. Технологический суверенитет китайской модели включает полный цикл производства – от оборудования до программного обеспечения.

Актуальность изучения китайского опыта для России обусловлена наличием схожих вызовов (например, большая степень урбанизации в городах федерального значения – Москве и Санкт-Петербурге), его высокой технологичностью и опережающим развитием. Так, система «Безопасный город» значительно отстает от «Небесной сети»

по масштабам внедрения и уровню эффективности. То же относится к ИСОД МВД России, которая является действенным инструментом автоматизации процессов и интеграции баз данных, однако ее охват не может сравниться с Национальной платформой полицейских данных КНР.

Вместе с тем необходим учет особенностей национального законодательства, в том числе в области защиты персональных данных, которое в Российской Федерации строже, нежели в Китае. Кроме того, масштабная цифровая трансформация требует большого объема финансирования из бюджета, сотрудничества с технологическими компаниями, подготовки квалифицированных кадров. Эти и другие факторы препятствуют прямому заимствованию китайского опыта использования новейших технологий в деятельности полиции, однако отдельные элементы представляют значительный интерес и должны быть более пристально изучены на предмет возможной адаптации, в особенности в контексте развития российско-китайского сотрудничества.

Литература

1. **Майоров В.И., Дунаева О.Н., Пряников А.М.** Опыт Китайской Народной Республики по организации взаимодействия полиции и общества в охране общественного порядка // Вестник ННГУ. – 2021. – № 3. – С. 107–113.
2. **Манцуров А.Ю.** Система обеспечения внутренней безопасности Китайской Народной Республики: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2012. – 176 с.
3. **Ziwan Zheng, Chao Jiang, Xiaomin Jiang, Jiayao Song, Miaoxuan Shan, Peng Chen** The spatial relationship between police-monitored surveillance cameras and urban environment in Haining, China // *Cities*. – Vol. 160. – May 2025 (на китайском языке).
4. **Lin Guan, Ying Zhang** Research on Face Recognition Bringing New Opportunities to the Intelligence Work of “Intelligent Public Security” // *Service Science and Management (服务科学和管理)*. – 2021. – Vol. 10 (6). – P. 175–182 (на китайском языке).
5. **Майоров В.И., Дунаева О.Н.** Полиция и общество: быть или не быть социальному партнерству // Социологические исследования. – 2017. – № 4 (396). – С. 43–51.
6. **Чимаров С.Ю.** Отдельные грани социального значения феномена «умная полиция» в правоохранительной системе САР Макао (Китайская Народная Республика) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2024. – № 10. – С. 50–53.
7. **Троицкий П.В.** Правовая система Китая: монография. – Москва: ИДВ РАН, 2016. – 472 с.
8. **Понька Т.И., Рамич М.С., У Ю.** Информационная политика и информационная безопасность КНР: развитие, подходы и реализация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2020. – Т. 20. № 2. – С. 382–394.
9. **Шестак В.А., Адигамов А.И.** Особенности двустороннего сотрудничества правоохранительных органов России и Китая в сфере обеспечения национальной кибербезопасности энергетики // Образование и право. – 2024. – № 11. – С. 109–114.
10. **Бородавко Л.Т.** Социально-педагогический смысл симбиоза науки и цифровизации образовательного процесса в системе профессиональной подготовки кадров полиции: опыт Китая // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2024. – № 8. – С. 30–34.

References

1. **Maivorov V.I., Dunaeva O.N., Pryanikov A.M.** Opyt Kitaiskoi Narodnoi Respubliki po organizatsii vzaimodeistviya politsii i obshchestva v okhrane obshchestvennogo poryadka // *Vestnik NNGU*. – 2021. – № 3. – S. 107–113.
2. **Mantsurov A.Yu.** Sistema obespecheniya vnutrennei bezopasnosti Kitaiskoi Narodnoi Respubliki: dis. ... kand. jurid. nauk. – Moskva, 2012. – 176 s.
3. **Ziwan Zheng, Chao Jiang, Xiaomin Jiang, Jiayao Song, Miaoxuan Shan, Peng Chen** The spatial relationship between police-monitored surveillance cameras and urban environment in Haining, China // *Cities*. – Vol. 160. – May 2025 (na kitaiskom yazyke).

4. **Lin Guan, Ying Zhang** Research on Face Recognition Bringing New Opportunities to the Intelligence Work of "Intelligent Public Security" // Service Science and Management (服务科学和管理). – 2021. – Vol. 10 (6). – P. 175–182 (na kitaiskom yazyke).
5. **Maigorov V.I., Dunaeva O.N.** Politsiya i obshchestvo: byt' ili ne byt' sotsial'nomu partnerstvu // Sotsiologicheskie issledovaniya. – 2017. – № 4 (396). – S. 43–51.
6. **Chimarov S.Yu.** Otdel'nye grani sotsial'nogo znacheniya fenomena "umnaya politsiya" v pravookhranitel'noi sisteme SAR Makao (Kitaiskaya Narodnaya Respublika) // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. – 2024. – № 10. – S. 50–53.
7. **Troshchinskii P.V.** Pravovaya sistema Kitaya: monografiya. – Moskva: IDV RAN, 2016. – 472 s.
8. **Pon'ka T.I., Ramich M.S., U Yu.** Informatsionnaya politika i informatsionnaya bezopasnost' KNR: razvitie, podkhody i realizatsiya // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2020. – T. 20. № 2. – S. 382–394.
9. **Shestak V.A., Adigamov A.I.** Osobennosti dvustoronnego sotrudnichestva pravookhranitel'nykh organov Rossii i Kitaya v sfere obespecheniya natsional'noi kiberbezopasnosti energetiki // Obrazovanie i pravo. – 2024. – № 11. – S. 109–114.
10. **Borodavko L.T.** Sotsial'no-pedagogicheskii smysl simbioza nauki i tsifrovizatsii obrazovatel'nogo protsessa v sisteme professional'noi podgotovki kadrov politsii: opyt Kitaya // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. – 2024. – № 8. – S. 30–34.

(статья сдана в редакцию 05.08.2025)

**ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ЖЕРТВ
ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В СТРАНАХ БРИКС:
ФЕДЕРАТИВНАЯ РЕСПУБЛИКА БРАЗИЛИЯ**

**LEGAL MECHANISMS OF THE PROTECTION
OF DOMESTIC VIOLENCE VICTIMS IN BRICS COUNTRIES:
FEDERAL REPUBLIC OF BRAZIL**

УДК 343.85

Б.Н. СЕЛИН,

кандидат педагогических наук
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
selin.boris@yandex.ru

BORIS N. SELIN,

Candidate of Pedagogical Sciences
(Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

И.Н. АРХИПЦЕВ,

кандидат юридических наук, доцент
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
ArhitsevlN@yandex.ru

IVAN N. ARKHIPTSEV,

Candidate of Law, Associate Professor
(Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: в статье актуализируются проблемные вопросы, затрагивающие правовые меры противодействия домашнему насилию в Бразилии. Авторы подвергают всестороннему анализу основной закон страны, призванный обеспечить защиту жертв насилия в семье, – Закон Марии да Пенья, а также иные нормативные акты, принятые в целях обеспечения его дальнейшего функционирования и связанные с устранением выявленных недостатков в работе системы органов обеспечения общественной безопасности и судебной практики. Так, в частности, авторами приводятся подробные статистические данные о жертвах семейного насилия (их пол, возраст), о территориальной распространенности преступлений и иные криминологически значимые признаки. Исследованы процедурные особенности рассмотрения уголовных дел, где потерпевшими выступают жертвы домашнего насилия, меры наказания правонарушителей. Проанализированы проблемные аспекты применения мер защиты жертв бытового насилия, в том числе такой фактор, как стигматизация потерпевших. Рассмотрено взаимодействие Правительства Бразилии с международными организациями. В завершение статьи авторами сделан вывод о том, что в целях противодействия этим проявлениям в стране приняты и активно применяются специализированные нормативные акты, налажено взаимодействие правоохранительных органов, системы правосудия и общественных институтов, осуществляются меры правового информирования населения. Выявлены трудности, стоящие на пути к преодолению рассматриваемых пагубных явлений: стойкие общественные стереотипы, слабый уровень правосознания и отчасти правовой нигилизм отдельных категорий населения, недостаточная профессиональная подготовка специалистов (особенно низового звена), традиционно высокая для латиноамериканских стран бюрократизация судебного процесса.

Ключевые слова: домашнее насилие, Бразилия, защита, правовой механизм, противодействие, профилактика.

Для цитирования: Селин Б.Н., Архипцев И.Н. Правовые механизмы защиты жертв домашнего насилия в странах БРИКС: Федеративная Республика Бразилия // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2025. – № 4. – С. 112–121.

Abstract: the article highlights problematic issues affecting legal measures to combat domestic violence in Brazil. The authors provide a comprehensive analysis of the country's basic law passed to protect victims of domestic violence, the Maria da Penha Act, as well as other regulations adopted to ensure its enforcement and related to the elimination of identified deficiencies in the system of public safety and judicial practice. In particular, the authors provide detailed statistics on victims of domestic violence: their gender, age; the geographical

prevalence of crimes and other significant criminological attributes. The article examines the criminal justice process in respect to cases where victims of domestic violence act as victims, and punishments for offenders. Some sensitive aspects of the application of measures to protect victims of domestic violence, including such a factor as stigmatization of victims, are analyzed. The interaction of the Brazilian Government with international organizations is also considered. To finalize the article, the authors concluded that in order to counteract these offences, specialized regulations have been adopted and widely applied in the country, a system of interaction between law enforcement agencies, the justice system and public institutions has been established, and legal awareness measures are being implemented. The difficulties that stand in the way of overcoming these harmful phenomena are emphasized: long-standing social stereotypes, a weak level of legal awareness and partly legal nihilism of certain categories of citizens, insufficient professional training of specialists (especially among the lower ranks), and the traditionally high bureaucratization of the judicial process in Latin American countries.

Keywords: domestic violence, Brazil, protection, legal mechanism, countering, prevention.

For citation: Selin B.N., Arkhiptsev I.N. Legal mechanisms of the protection of domestic violence victims in BRICS countries: Federal Republic of Brazil // Problems of Law Enforcement Activity. – 2025. – № 4. – P. 112–121.

Бразилия является крупнейшим государством Латинской Америки, обладающим значительным промышленным потенциалом, развитым сельским хозяйством и богатыми природными ресурсами. В 2009 году Бразилия стала полноправным членом БРИКС, международной организации, образованной в процессе работы Петербургского экономического форума. Рамки данной организации не ограничиваются исключительно вопросами экономики или промышленности, а выходят далеко за эти пределы, включают проблемы образования, развития культуры, повышение качества жизни населения, взаимодействие в правовом пространстве. Тем ценнее опыт разрешения аналогичных проблем, возникающих в любом обществе.

Несмотря на выгодное географическое положение, уникальное природное достояние и человеческий потенциал, этой стране, как и любому развивающемуся сообществу, свойственны универсальные проблемы человечества.

Материалы статьи будут посвящены рассмотрению того, как бразильское общество, правоохранительные органы и судебная система противодействуют проявлениям семейного насилия.

Насилие в семье остается широко распространенной проблемой и в Бразилии, затрагивающей лиц, обладающих различными демографическими и социально-экономическими признаками. Статистика показывает тревожную картину того, что достаточно высокий процент женщин в той или иной форме подвергаются домашнему насилию на протяжении всей своей жизни. По официальным данным, примерно каждая третья женщина в Бразилии испытывает физическое насилие со стороны интимного партнера. Эта ошеломляющая цифра подчеркивает актуальность рассматриваемой социальной проблемы, что требует тщательного изучения как ее распростра-

ненности, так и системных мер, принимаемых для ее решения.

Основные показатели насилия в Бразилии за 12 месяцев 2024 года снизились по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Но в то же время согласно 19-му изданию ежегодника Форума общественной безопасности Бразилии (FBSP)¹ преступления против женщин, такие как феминцид и изнасилование, достигли рекордных показателей. Также в 2024 году увеличилось количество преступлений против детей и подростков.

В 2024 году по всей стране было зарегистрировано 44 127 случаев умышленной насильственной смерти, что на 5,4% меньше, чем в 2023 году. Национальный показатель достиг 20,8 случая смерти на 100 тыс. жителей. Оба показателя являются самыми низкими с начала ведения официальных отчетов в 2012 году. Однако Форум общественной безопасности предупреждает, что данные следует интерпретировать осторожно, поскольку текущие показатели не учитывают преступления, связанные с насильственными исчезновениями – случаями, которые государственные органы не в состоянии отследить и исключить из официальной статистики. Например, количество тел, найденных на подпольных кладбищах, часто связывают с организованной преступностью, или «эскадронами смерти».

Согласно официальным данным в штатах Амапа (45,1), Байя (40,6) и Сеара (37,5) зафиксированы самые высокие показатели случаев преднамеренных насильственных смертей на 100 тыс.

¹ Форум общественной безопасности Бразилии (FBSP – *Forum Brasileiro Seguranca Publica*) – международная некоммерческая организация, выступающая за сотрудничество между правоохранительными органами и органами общественной безопасности в целях повышения общественной безопасности в Бразилии.

жителей. Самый низкий показатель был в штатах Сан-Паулу (8,2), Санта-Катарина (8,5) и столичном Федеральном округе (8,9). Среди регионов самые высокие показатели были зафиксированы на севере (27,7) и северо-востоке страны (33,8), в то время как на юго-востоке, юге и центральном западе было зарегистрировано 13,3, 14,6, 19,5 случая соответственно [1].

Исполнительный директор Форума общественной безопасности Самира Буэно отмечает, что последние данные подтверждают устойчивую тенденцию к снижению уровня убийств с 2018 года, которую она связывает с усилиями государственной политики, такими как программы по предотвращению насилия, демографические сдвиги и изменения в динамике организованной преступности.

Статистика указывает, что вопреки общей тенденции к снижению число убийств женщин выросло на 0,7% и составило 1492 жертвы, что является самым высоким показателем с тех пор, как FBSP начала отслеживать данные в 2015 году. Из них 63,6% были представителями чернокожего населения, 70,5% – в возрасте от 18 до 44 лет, а 80% были убиты нынешними или бывшими партнерами. Большинство из них – в своих домах (64,3%). Число попыток самоубийства женщин также возросло на 19%, достигнув 3870 случаев.

В 2024 году в Бразилии каждые шесть минут регистрировалось одно изнасилование, в общей сложности 87 545 случаев с участием как женщин, так и мужчин – это самый высокий показатель с начала регистрации в 2011 году. По данным FBSP, 76,8% случаев были связаны с растлением несовершеннолетних, 55,6% жертв были лицами женского пола из состава чернокожего населения, а 65% инцидентов произошли в доме жертвы.

Данные также показывают, что почти половина (45,5%) преступников были членами семьи, а 20,3% – близкими партнерами или бывшими партнерами. Средний показатель изнасилований по стране составил 41,2 случая на 100 тыс. человек, при этом самый высокий показатель зафиксирован в штате Рорайма (137), а самый низкий – в штате Сеара (22).

В ежегоднике впервые проанализированы нарушения чрезвычайных мер защиты, принятых в отношении женщин. Из 555 001 судебного приказа о защите, вынесенного судами в 2024 году, почти каждый пятый (18,3%) был нарушен. Число случаев преследования и психологического насилия в отношении женщин также увеличилось на 18,2% и 6,3% соответственно.

Число умышленных насильственных смертей детей и подростков (в возрасте от 0 до 17 лет) выросло на 3,7% и достигло 2356 жертв в 2024 году. Количество таких преступлений, как

сексуальное насилие над детьми, увеличилось на 14,1%, за которыми последовало увеличение числа случаев оставления детей (9,4%), жестокого обращения (8,1%) и нападений, связанных с домашним насилием (7,8%). Впервые исследователи также проанализировали травлю и «киберзапугивание», зафиксировали 2543 и 452 случая соответственно [2].

В последние годы отношение общества к домашнему насилию в Бразилии меняется, однако значительная доля стигматизации жертв насилия сохраняется. Многие жертвы не решаются сообщать о насилии из-за опасений, что им не поверят или они подвергнутся дальнейшей виктимизации [3]. Культурные нормы часто подчеркивают неприкосновенность частной жизни семьи, что приводит к замалчиванию проблемы. Таким образом, многие случаи семейного насилия не становятся достоянием гласности. Правозащитные группы и общественные объединения работают над устранением этих пагубных стереотипов и повышением осведомленности о правах жертв и доступных им ресурсах.

Нормативная база. Правовыми источниками противодействия бытовому насилию в Бразилии являются международные ратифицированные стандарты и местные законодательные акты.

В качестве признаваемых бразильским государством нормативных актов, имеющих международный вес, применяются такие документы, как Межамериканская конвенция о предупреждении, наказании и искоренении насилия в отношении женщин (Convention of Belem do Para)², Протокол ООН о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее³.

Закон Марии да Пенья (Федеральный закон от 2006 г., в ред. 2021 г.)⁴ и Уголовный кодекс Бразилии (Декрет от 1940 г., в ред. 2024 г.)⁵ являются основополагающими правовыми источниками,

² Официальный сайт Агентства по делам беженцев ООН [Электронный ресурс]. – URL: https://www.refworld.org/legal/agreements/oas/1994/en/13903?prevDestination=search&prevPath=/search?keywords=Inter-American+Convention+on+the+Prevention%2C+Punishment...&order=desc&sm_document_source_name+%5B%5D=Organization+of+American+States+%28OAS%29&sort=score&result=result-13903-en (дата обращения: 10.08.2025).

³ Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.un.org/internaljustice/oaj/en/applicable-law/protocol-prevent-suppress-and-punish-trafficking-persons-especially-women-and> (дата обращения: 11.08.2025).

⁴ Официальный сайт офиса Президента Республики Бразилия [Электронный ресурс]. – URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_Ato2004-2006/2006/Lei/L11340.htm (дата обращения: 01.02.2025).

⁵ Código Penal. Decreto-LEI № 2.848 de 07 de Dezembro de 1940 / D.O.U de 31/12/1940, pag. № 23911.

защищающими детей и женщин от бытового насилия в Бразилии.

В Законе Марии да Пенья дается определение бытового насилия и приведены его классифицирующие признаки. Согласно закону бытовое (семейное) насилие – это любое действие или бездействие по признаку пола, совершенное в рамках бытовых взаимоотношений, или в условиях семейных отношений (по крови или родству), или в контексте интимных отношений, независимо от наличия или отсутствия факта совместного проживания вовлеченных сторон и вне зависимости от их сексуальной ориентации, в результате которого наступила смерть или были причинены телесные повреждения, физические, психические или сексуальные страдания, а также нанесен моральный или финансовый ущерб.

Кроме того, указанный закон:

- предусматривает запрет на совместное проживание правонарушителя и жертвы или иных участников процесса;
- определяет процедуру посещения жертв бытового насилия в специализированных полицейских участках, например в целях предоставления необходимых медицинских услуг;
- предписывает оказание психологической помощи потерпевшим в результате семейно-бытового насилия;
- предусматривает создание специализированных судов и полицейских участков (отделов) по делам о бытовом насилии;
- запрещает ограничивать наказание за бытовое насилие штрафами или другими формами финансового возмещения ущерба;
- устанавливает такие меры защиты, как запрет на совместное проживание правонарушителя с потерпевшим, приостановка свиданий правонарушителя со своими детьми, запрет на контакты со свидетелями;
- предъявляет требование к правонарушителю выплачивать жертве временное пособие;
- вводит практику выдачи охранных приказов потерпевшим по делам о семейно-бытовом насилии;
- квалифицирует нарушение охранных приказов как преступление, влекущее наказание от трех месяцев до двух лет тюремного заключения;
- предоставляет жертве домашнего насилия возможность приостановки трудовой деятельности с сохранением места работы на срок до шести месяцев в случае наступления временной нетрудоспособности и/или из-за семейных проблем, связанных с бытовым насилием;
- устанавливает для женщин возможность расторжения законного брака в суде в связи с бытовым и семейным насилием;
- предусматривает возможность защиты имущества жертвы.

В свою очередь, Уголовный кодекс Бразилии предусматривает ряд мер уголовно-правовой защиты в этой области правоотношений. Так, ст. 121 (введенная в действие Законом № 13.104/2015) устанавливает особое наказание за убийство женщины, совершенное исключительно по признаку пола, т.е. фемцид. Преступление квалифицируется как таковое, если оно связано с насилием в семье или с проявлением неуважения или дискриминации в отношении лица на основании того факта, что оно является женщиной; наказание предусматривает тюремное заключение в пределах от 12 до 30 лет.

Статья 213 посвящена изнасилованию (в том числе в отношении супруги(-а)), квалифицирующая преступление как «принуждение лица к совершению полового акта или аналогичных действий с применением насилия или угрозы применения силы», предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 6 до 30 лет.

В ст. 216а (введенной в действие Законом № 10.224/2001) криминализовано сексуальное домогательство как проявление необоснованного внимания лица, занимающего более высокое положение в обществе или по месту работы, в отношении иного лица с целью получения сексуального удовлетворения, которое наказывается тюремным сроком от одного года до двух лет.

В ст. 61 (введенной в действие Законом № 11.340/2006) указывается, что любое преступление, совершенное (а) в отношении беременных женщин, (б) в контексте семейных отношений, или совместного проживания, или гостеприимства и (в) связанное с насилием в отношении женщин, как это определено отдельным законом, влечет более суровое наказание.

В ст. 215 (введенной в действие Законом № 12.015/2009) предусмотрено наказание в виде тюремного заключения на срок от двух до шести лет за сексуальное насилие путем обмана, т.е. «совершение сексуальных действий путем обмана или любыми другими способами, препятствующими свободному волеизъявлению жертвы».

Статья 215а (введенная в действие Законом № 13.718/2018) вводит уголовную квалификацию сексуального домогательства как умысел на совершение любого полового акта без согласия для удовлетворения своего сексуального влечения или сексуального желания третьей стороны. В качестве наказания предусмотрено тюремное заключение на срок от одного года до пяти лет.

В ст. 216б (введена в действие Законом № 13.772/2018) разъясняется состав преступления, квалифицируемый как несанкционированное воспроизведение интимной информации сексуального характера: фотографирование, ви-

деосъемка, визуальные записи любыми способами обнаженного тела или иные формы демонстрации действий сексуального характера без разрешения участников. Установленное наказание составляет от шести месяцев до одного года тюремного заключения наряду со штрафными санкциями.

Процессуальные нормы реагирования на факты семейно-бытового насилия также закреплены в Уголовно-процессуальном кодексе Бразилии (от 1941 г.), в том числе в поправках 2011, 2016, 2017 и 2018 гг.⁶, которые определяют:

- в случаях совершения актов домашнего насилия закон предусматривает возможность предварительного ареста правонарушителя в целях предоставления гарантии эффективности защитных мер, принятых в пользу жертвы;
- в случаях домашнего насилия сбор доказательств имеет приоритет перед другими организационно-процессуальными мероприятиями;
- только сотрудники полиции женского пола могут проводить личный досмотр женщин-правонарушителей;
- запрещается надевать наручники на беременных женщин, которые проходят медицинское лечение (медицинские процедуры) в предродовой период или после родов;
- домашний арест допускается в качестве замены предварительного ареста (до суда), если женщина беременна или у нее на иждивении находится ребенок в возрасте до 12 лет, при условии, что она не обвиняется в насильственном преступлении или в покушении на преступление, совершенном в том числе с угрозой применения насилия, или в преступлении против своих детей или детей иного лица (лиц), находящегося(-ихся) у нее на иждивении.

Однако, как показывает полицейская и судебная практика, применение всего комплекса мер правовой защиты затруднено вследствие экономического, социального и территориального неравенства различных слоев населения в Бразилии. Более того, бразильская судебная система сталкивается с серьезной проблемой традиционно культивируемого гендерного неравенства [4, р. 8].

Одной из мер правовой защиты потерпевших в результате домашнего насилия в Бразилии является практика применения гражданских охранных приказов. В соответствии с положениями упомянутого ранее Закона Марии да Пенья потерпевший, свидетель или прокурор имеют право подачи ходатайства на выдачу такого приказа. Чтобы

подать ходатайство о выдаче охранный приказа, потерпевшие могут обратиться в полицейский участок по месту жительства, либо в специализированный полицейский отдел по работе с женщинами-жертвами насилия, либо в подразделение гражданской полиции⁷. Заявителям важно собрать соответствующие доказательства, такие как фотографии, медицинские карты (справки) или показания свидетелей, которые могут подкрепить их ходатайство. После подачи ходатайства рассматривается судьей (в течение периода, не превышающего 48 часов), который может принять временные меры, направленные на защиту жертвы на время дальнейшего рассмотрения дела. Слушания, касающиеся защитных судебных приказов, обычно проводятся в сжатые сроки. Судья может назначить слушание, на котором и потерпевший, и обвиняемый будут иметь возможность изложить свои доводы. Судебная система стремится проводить такие разбирательства оперативно, чтобы свести к минимуму страдания жертвы. В течение этого времени потерпевшие сохраняют ряд юридических прав, гарантирующих надлежащее рассмотрение их жалоб. Это включает в себя право быть заслушанным, право на обеспечение безопасности во время судебного разбирательства и доступ к адвокату. Услуги юридической помощи часто бесплатно предоставляются тем, кто не может позволить себе нанять личного адвоката, что подчеркивает приверженность Бразилии принципу защиты жертв бытового насилия. Поскольку основной целью охранный приказа является немедленная защита жертвы, судьей разрешается приводить его в исполнение до судебного заседания или ходатайства государственного обвинителя. Важно подчеркнуть, что судьей может даже назначить предварительное заключение в отношении насильника, нарушившего охранный приказ. С другой стороны, в настоящее время законодательство не разъясняет, является ли нарушение охранный приказа само по себе самостоятельным уголовным преступлением или предусматривает тюремное заключение только за предыдущее преступление. Законопроект, находящийся в настоящее время на рассмотрении парламента, направлен на то, чтобы квалифицировать любое нарушение как «неподчинение требованиям суда».

Интересной особенностью судебной практики является то, что не существует законодательно ограниченных сроков действия охранный приказа. Он остается в силе до тех пор, пока насильник представляет угрозу для жертвы и членов ее семьи [5].

⁶ Criminal Procedure Code (Decree-Law № 3.689 of October 3, 1941, as amended up to Law № 13.769 of December 19, 2018) [Электронный ресурс]. – URL: //https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/18680 (дата обращения: 01.03.2025).

⁷ Гражданская полиция Бразилии (*порт. Policia Civil*) – гражданское следственное учреждение органов местного самоуправления в некоторых штатах Бразилии.

Другой особенностью уголовного судопроизводства по делам о бытовом насилии в Бразилии является то, что Министерство юстиции по-прежнему требует разрешения жертвы на возбуждение уголовного дела в связи с угрозами и моральными оскорблениями. Хотя в случае, если жертва отзывает свое разрешение в полицейском участке до предъявления обвинения, должно быть проведено судебное заседание для подтверждения отзыва. После предъявления обвинения отзывать разрешение на судебное преследование невозможно.

Министерство юстиции также отменило существовавшую ранее систему примирения, которая предусматривала обязательное проведение примирительных слушаний перед уголовным разбирательством, чтобы побудить жертв снять обвинения во имя «регулируемого конфликта» [6, р. 19].

Жертва семейно-бытового насилия может подать иск о возмещении расходов, понесенных в ходе судебного разбирательства. Бразильские суды также удовлетворяют иски, поданные Бразильским институтом социального обеспечения⁸, в соответствии с которыми правонарушитель обязан оплатить расходы организации на финансовое обеспечение потерпевшего. Аналогичная практика существует и в отношении исков в судебные инстанции со стороны учреждений Национальной службы здравоохранения Бразилии по взысканию с обвиняемого (подсудимого) денежных средств, истраченных на оказание срочной медицинской помощи и госпитальных услуг жертве насилия [7].

Процедурные особенности. Статья 18 Федерального закона Бразилии о детях и подростках от 1990 г. (в ред. 2024 г.) гласит, что свидетели младше 14 лет не обязаны давать показания. Кроме того, от дачи показаний могут отказаться родственники по восходящей или нисходящей линии, супруг(-а), даже если они живут отдельно, брат или сестра, отец, мать или приемный ребенок обвиняемого⁹. Таким образом, практика показывает, что свидетельское, даже если бы оно было предоставлено, имеет относительную ценность.

⁸ Бразильский институт социального обеспечения (*Instituto Nacional da Seguro Social*) – правительственное агентство Бразилии, аффилированное с Министерством труда и занятости, которое собирает взносы на поддержание Всеобщей системы социального обеспечения; отвечает за выплату пенсий по старости, пособий по беременности и родам, пособий по смерти, пособий по болезни и несчастным случаям и т.д.

⁹ Официальный портал правовой информации Бразилии. Lei № 8.069/90, de 13 de Julho de 1990 (*Estatuto da Infancia e da Juventude*) [Электронный ресурс]. – URL: //https://www.normaslegais.com.br/legislacao/lei-8069-1990-estatuto-crianca-adolescente-eca.htm (дата обращения: 24.02.2025).

В ст. 21 Закона Марии да Пенья определено, что жертва бытового насилия должна быть уведомлена о процессуальных действиях, связанных с агрессором, особенно о тех, которые касаются его заключения и освобождения из мест лишения свободы.

В соответствии с решением по делу № 0003140-04.2018.9.26.0010, вынесенным 7 февраля 2019 г., жертва может обратиться в военный суд с ходатайством о выдаче охранного приказа против насильника, но только в том случае, если и жертва, и насильник являются действующими военнослужащими. Суд установил, что как Военно-уголовный кодекс Бразилии, так и Федеральный закон № 13.491/2017 предусматривают, что военный суд обладает юрисдикцией в отношении дела, в котором и жертва, и насильник являются военнослужащими.

Закон Марии да Пенья в меньшей степени затрагивает проблемы родительских прав и опеки, возникающие в результате совершения актов семейно-бытового насилия, за исключением того, что, если судья решит, что жертва и насильник должны содержаться отдельно друг от друга в качестве меры защиты, охранный приказ не повлияет на права, касающиеся опеки над ребенком или пенсии по уходу за ребенком, а также алиментов на его содержание. Однако Уголовный кодекс Бразилии прямо предусматривает, что родитель или опекун, совершивший преступление насильственного характера против другого родителя(-ей) или опекуна(-ов) или против самих детей (включая умышленное убийство, убийство по неосторожности, нанесение телесных повреждений и изнасилование), может лишиться родительских прав. Это положение применяется независимо от пола, но на практике оно защищает в первую очередь права женщин, ставших жертвами домашнего насилия.

Положения, касающиеся бытового насилия, регулируются нормами уголовного, гражданского и трудового права. Хотя Закон Марии да Пенья изменил в основном уголовные положения, он также регулирует трудовые и гражданские права. Например, (а) устанавливает меры защиты для жертв насилия на рабочем месте как в государственном, так и в частном секторах экономики; (б) обеспечивает сохранение рабочего места за жертвой на срок до шести месяцев вследствие бытового насилия; (в) наделяет возможностью подать на развод в судебном порядке в связи с бытовым и семейным насилием в отношении женщин; (г) налагает на правонарушителя обязанность возмещения причиненного вреда – телесных повреждений, результатов физического, сексуального или психологического насилия, а также морального или имущественного ущерба.

Кроме того, этот закон требует координации между органами федерального правительства, органами управления штатов, муниципалитетами и неправительственными организациями в целях содействия проведению научных исследований и социальных опросов, посвященных положению женщин, для привлечения внимания к этому вопросу и содействия искоренению насилия в отношении последних.

Меры наказания. Правовая система в Бразилии предусматривает конкретные меры наказания для правонарушителей, осужденных за бытовое насилие. Эти юридические последствия могут варьироваться в зависимости от тяжести правонарушения, наличия отягчающих обстоятельств и криминального прошлого правонарушителя. Уголовный кодекс Бразилии предусматривает несколько возможных видов наказаний, которым могут подвергнуться лица, совершившие насилие в семье.

Как уже отмечалось нами ранее, одним из основных правовых способов борьбы с насилием в семье является тюремное заключение. За менее тяжкие преступления, такие как угрозы или легкие телесные повреждения, правонарушители могут быть приговорены к лишению свободы на срок от трех месяцев до трех лет [8]. В более тяжких случаях, например при покушении на убийство или нанесении тяжких телесных повреждений, срок наказания может достигать нескольких лет. Бразильское законодательство также признает применимость наказаний с отягчающими обстоятельствами, которые могут значительно увеличить срок тюремного заключения в тех случаях, если преступник является рецидивистом или если насильственные действия были совершены с особой жестокостью.

В дополнение к тюремному заключению в рамках судебных санкций могут быть также наложены денежные штрафы. Эти штрафы призваны служить финансовым сдерживающим фактором против будущих актов насилия и могут варьироваться в зависимости от тяжести преступления и экономического положения правонарушителя. Кроме того, бразильское законодательство предписывает обязательное участие правонарушителей в консультативных или реабилитационных программах, направленных на устранение коренных причин их агрессивного поведения и предотвращение рецидивов.

Проблемы применения мер защиты. Несмотря на наличие в Бразилии надежной правовой базы, направленной на защиту жертв бытового насилия, сохраняются многочисленные барьеры, препятствующие эффективному осуществлению этих мер. Серьезной проблемой, с которой сталкиваются жертвы, является широко распростра-

ненная в обществе стигматизация, связанная с бытовым насилием. Многие потерпевшие испытывают давление окружающих, вынуждающее их хранить молчание, опасаются осуждения или недоверия со стороны своих сверстников и семьи. Это часто не позволяет обращаться потерпевшим за помощью и приводит к их изоляции и уязвимости.

Кроме того, пострадавшие крайне мало осведомлены о своих правах и имеющихся ресурсах. Многие не до конца понимают, какие меры правовой защиты им предоставлены по закону, или не знают о конкретных способах, с помощью которых они могут обратиться за помощью. Этот информационный вакуум усугубляется в сельской местности, где доступ к службам поддержки значительно ограничен. Работа с населением и просвещение необходимы для устранения этого пробела в знаниях и расширения возможностей жертв для принятия мер. Системные недоработки бразильской практики правовой и социальной поддержки также усугубляют проблемы, с которыми сталкиваются жертвы. Судебный процесс может быть длительным и запутанным, что часто приводит к разочарованию потерпевших и нежеланию прибегать к средствам правовой защиты. Кроме того, некоторым сотрудникам правоохранительных органов не хватает квалификации для того, чтобы деликатно и эффективно справиться со случаями бытового насилия. Эти системные недоработки удерживают жертв от сообщения об инцидентах, поскольку они опасаются, что их дела не будут приняты всерьез или в процессе производства по делу они столкнутся с повторной виктимизацией. Недостаточные ресурсы, выделяемые на вспомогательные службы, включая приюты и консультационные организации, еще больше осложняют ситуацию, ограничивая возможности нуждающихся в помощи лиц. Решение этих вопросов требует комплексного подхода, который включает повышение осведомленности населения, специальную подготовку сотрудников правоохранительных органов и обеспечение доступа жертв к адекватной поддержке на протяжении всего процесса восстановления их прав [9].

Согласно данным Национального совета юстиции Бразилии¹⁰ судебная система насчитывает в общей сложности 130 специализированных судов по делам о домашнем насилии, но практика указывает на то, что 69% дел по-прежнему рассматривается в судах общей юрисдикции. В 2024 году судебными инстанциями было

¹⁰ Национальный совет юстиции Бразилии (*CNJ – Conselho Nacional de Justiça*) – административно-надзорный орган Министерства юстиции и общественной безопасности Бразилии, учрежденный в 2004 году в рамках судебной реформы.

вынесено 236 641 защитный приказ, что является значительным показателем. С другой стороны, официальная информация о количестве обвинительных приговоров за насилие в семье отсутствует.

Большое количество фактов вынесения защитных приказов свидетельствует о значительном объеме процессуальных действий в судах, не обладающих исключительной юрисдикцией. Это указывает на то, что уровень загруженности, то есть разница между количеством закрытых дел и находящихся в процессе рассмотрения, составляет 57%, т.е. в настоящее время возбуждено больше дел, чем фактически завершено. Указанный фактор свидетельствует о несовершенстве судебной системы в части соблюдения установленных законом сроков принятия защитных мер, планирования слушаний и прекращения дел [10, p. 198–203].

Одним из инновационных решений в области противодействия семейно-бытовому насилию в Бразилии стало принятие в 2016 году Национальным советом юстиции Национальной программы реституционного правосудия в судебной системе (резолюция № 225/2016), которая регламентирует реституционное правосудие в судебных инстанциях. Среди прочего, резолюция определяет реституционное правосудие как «упорядоченные системные принципы, методы и мероприятия, направленные на повышение осведомленности о взаимоотношениях, институциональных и социальных факторах, которые провоцируют конфликты и насилие» (ст. 1). В ней «восстановительной практикой» предлагается считать дифференцированный способ преодоления конфликтов, профилактики насилия и ситуаций, связанных с нанесением вреда (ущерба). Под «восстановительной процедурой» понимается комплекс мероприятий и шагов, которые необходимо предпринять для урегулирования конфликта. «Кейс (дело)» означает любую ситуацию, представленную для решения с помощью восстановительных практик; «восстановительная сессия» определяется как любая встреча, включая подготовительную и контрольную, между лицами, непосредственно вовлеченными в конфликт; а «восстановительный фокус» – как дифференцированный подход к конфликтам и ситуациям с применением насилия или их контекст. Реституционный подход предполагает следующие элементы:

- а) участие вовлеченных сторон, семей и общества;
- б) внимание к законным потребностям потерпевшего и правонарушителя;
- в) возмещение причиненного вреда;
- г) распределение ответственности и обязательств между правонарушителем, жертвой,

семьями и обществом для устранения причин и последствий произошедшего события [11, p. 149].

Взаимодействие государства с международными институтами. Правительство Бразилии признает глобальный характер проблемы семейно-бытового насилия, всеобщие трудности при реализации мер защиты и профилактики и необходимость принятия мер с привлечением международных партнеров.

Решение этой проблемы бразильское государство видит в организации совместной работы в различных областях, таких как здравоохранение, образование и правосудие, для устранения коренных причин, подпитывающих это явление. Инвестиции в профилактику, система защиты детей и привлечение к ответственности лиц, совершивших преступления против детей, также имеют значение. Именно поэтому в начале 2025 года в Бразилии была обнародована первая в истории страны Национальная стратегия защиты детей от насилия, преступности и наркотиков.

Стратегическая инициатива, получившая название «Взросление в условиях мира: стратегия правосудия и общественной безопасности для защиты детей и подростков», была разработана Министерством юстиции и общественной безопасности (MJSP) в сотрудничестве с Управлением Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (УНП ООН) на основе обширных консультаций со всеми заинтересованными сторонами: государственными органами, организациями гражданского общества и молодежными объединениями¹¹.

Опираясь на глобальную Стратегию по прекращению насилия в отношении детей на 2023–2030 годы, разработанную УНП ООН и Офисом Специального представителя Генерального секретаря ООН по вопросам насилия в отношении детей (OSRSG-VAC)¹², стратегия преследует три взаимосвязанные цели: предотвращение вовлечения детей и подростков в совершение насильственных преступлений и употребление наркотиков, оказание поддержки и предоставление реабилитации жертвам, обеспечение доступа к правосудию.

Для достижения этих целей стратегические направления не фокусируются исключительно

¹¹ Investing in child protection as a priority: Brazil launches the first-ever national strategy to protect children from violence, crime and drugs / April 2025 // Официальный сайт ЮНИСЕФ [Электронный ресурс]. – URL: https://www.unodc.org/unodc/frontpage/2025/April/investing-in-child-protection-as-a-priority_brazil-launches-the-first-ever-national-strategy-to-protect-children-from-violence--crime-and-drugs.html (дата обращения: 23.06.2025).

¹² Strategy to end violence against children 2023–2030 / United Nations Office on Drugs and Crime. Office of the Special Representative of the Secretary-General on Violence against Children. Vienna, November 2023. – 40 p.

на каком-то одном вопросе. Вместо этого они предполагают комплексное видение проблемы и взаимодействие в различных областях, т.е. в тех сферах, где дети более подвержены риску стать жертвами преступлений и насилия.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что в Бразилии, несмотря на трудности, присущие развивающемуся государству, предпринимаются значительные усилия по борьбе с домашним насилием. Прежде всего необходимо отметить, что в целях противодействия этим проявлениям в стране приняты и активно применяются специализированные нормативные акты, налажено взаимодействие правоохранительных органов, системы правосудия и общественных институтов, осуществляются меры правового информирования населения.

Однако следует также указать и на трудности, стоящие на пути к преодолению этих пагубных явлений: стойкие общественные стереотипы, слабый уровень правосознания и отчасти правовой нигилизм отдельных категорий населения, недостаточную профессиональную подготовку специалистов (особенно низового звена), традиционно высокую для латиноамериканских стран бюрократизацию судебного процесса.

Тем не менее постепенно ситуация в этой области меняется к лучшему, принимая форму целенаправленной, системной деятельности, отдельные элементы которой могут быть взяты на вооружение правоохранительными органами и неправительственными общественными организациями в нашей стране.

Литература

1. Anuario Brasileiro de Seguranca Publica / Brasileiro de Seguranca Publica. 1 (2006). – Sao Paulo: FBSP, 2024. – 404 p.
2. **Esquer M.** Violence against women, youth on the rise in Brazil; homicides decline // Valor International [Электронный ресурс]. – URL: <https://valorinternational.globo.com/politics/news/2025/07/25/violence-against-women-youth-on-the-rise-in-brazil-homicides-decline.ghtml> (дата обращения: 02.07.2025).
3. Domestic violence protection measures in Brazil: A comprehensive overview [Электронный ресурс]. – URL: <https://generisonline.com/domestic-violence-protection-measures-in-brazil-a-comprehensive-overview/> (дата обращения: 06.06.2025).
4. **Elias M.L.R., Machado I.V.** Fighting gender inequality: Brazilian feminist movements and judicialization as a political approach to oppose violence against women // Public Integrity. – 2017. – № 20 (2). – P. 1–16.
5. Domestic Violence Protection Measures in Brazil: A Comprehensive Overview. Generis Global Legal Services [Электронный ресурс]. – URL: <https://generisonline.com/domestic-violence-protection-measures-in-brazil-a-comprehensive-overview/> (дата обращения: 25.02.2025).
6. **Ávila T.P.** Facing domestic violence against women in Brazil: Advances and challenges // International Journal for Crime, Justice and Social Democracy. – 2018. – № 7 (1). – P. 15–29.
7. Soares E. Brazil Law Amended to Require Domestic Violence Aggressors to pay for Victims Treatment. Library of Congress [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.loc.gov/item/global-legal-monitor/2019-09-23/brazil-law-amended-to-require-domestic-violence-aggressor-to-pay-for-victims-treatment/> (дата обращения: 22.02.2025).
8. **Sabadell A., Dimoulis D.** Domestic violence in Brazil: Social problems and legislative interventions // SSRN Electronic Journal. January 2014 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.researchgate.net/publication/272244573_Domestic_Violence_in_Brazil_Social_Problems_and_Legislative_Interventions (дата обращения: 15.06.2025).
9. **Bali-Mahabal K.** The woman behind Brazil's law against domestic violence (April 8, 2015) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.passblue.com/2015/04/08/the-woman-behind-brazils-law-against-domestic-violence/> (дата обращения: 28.02.2025).
10. Justica em numeros 2020. – Conselho Nacional de Justica: Brasilia, 2020. – 267 p.
11. **Campos C.H., Oliveira C.R.** Judicial restorative justice and domestic violence in Brazil: setting problems and challenges from the field // International Journal for Crime Justice and Social Democracy. – 2021. – № 10 (4). – P. 146–157.

References

1. Anuario Brasileiro de Seguranca Publica / Brasileiro de Seguranca Publica. 1 (2006). – Sao Paulo: FBSP, 2024. – 404 p.
2. **Esquer M.** Violence against women, youth on the rise in Brazil; homicides decline // Valor International [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://valorinternational.globo.com/politics/news/2025/07/25/violence-against-women-youth-on-the-rise-in-brazil-homicides-decline.ghtml> (data obrashcheniya: 02.07.2025).
3. Domestic violence protection measures in Brazil: A comprehensive overview [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://generisonline.com/domestic-violence-protection-measures-in-brazil-a-comprehensive-overview/> (data obrashcheniya: 06.06.2025).
4. **Elias M.L.R., Machado I.V.** Fighting gender inequality: Brazilian feminist movements and judicialization as a political approach to oppose violence against women // Public Integrity. – 2017. – № 20 (2). – P. 1–16.
5. Domestic Violence Protection Measures in Brazil: A Comprehensive Overview. Generis Global Legal Services [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://generisonline.com/domestic-violence-protection-measures-in-brazil-a-comprehensive-overview/> (data obrashcheniya: 25.02.2025).

6. **Ávila T.P.** Facing domestic violence against women in Brazil: Advances and challenges // International Journal for Crime, Justice and Social Democracy. – 2018. – № 7 (1). – P. 15–29.
7. **Soares E.** Brazil Law Amended to Require Domestic Violence Aggressors to pay for Victims Treatment. Library of Congress [Elektronnyi resurs]. – URL: //<https://www.loc.gov/item/global-legal-monitor/2019-09-23/brazil-law-emended-to-require-domestic-violence-aggressor-to-pay-for-victims-treatment/> (data obrashcheniya: 22.02.2025).
8. **Sabadell A., Dimoulis D.** Domestic violence in Brazil: Social problems and legislative interventions // SSRN Electronic Journal. January 2014 [Elektronnyi resurs]. – URL: //https://www.researchgate.net/publication/272244573_Domestic_Violence_in_Brazil_Social_Problems_and_Legislative_Interventions (data obrashcheniya: 15.06.2025).
9. **Bali-Mahabal K.** The woman behind Brazil's law against domestic violence (April 8, 2015) [Elektronnyi resurs]. – URL: //<https://www.passblue.com/2015/04/08/the-woman-behind-brazils-law-against-domestic-violence/> (data obrashcheniya: 28.02.2025).
10. Justica em numeros 2020. – Conselho Nacional de Justica: Brasilia, 2020. – 267 p.
11. **Campos C.H., Oliveira C.R.** Judicial restorative justice and domestic violence in Brazil: setting problems and challenges from the field // International Journal for Crime Justice and Social Democracy. – 2021. – № 10 (4). – P. 146–157.

(статья сдана в редакцию 01.10.2025)

РЕЦЕНЗИИ

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF THE STATE CIVIL SERVICE IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES

А.В. КАРАГОДИН,

кандидат юридических наук, доцент
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
karagodin1975@gmail.com

ALEKSANDR V. KARAGODIN,

Candidate of Law, Associate Professor
(Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

А.Б. ДУДАЕВ,

кандидат юридических наук, доцент
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
dudaev.anatol@yandex.ru

ANATOLIY B. DUDAEV,

Candidate of Law, Associate Professor
(Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: статья подготовлена на основе отзыва ведущей организации – федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Д. Путилина» – на диссертацию Ольги Анатольевны Горбачевич на тему «Административно-правовое регулирование государственной гражданской службы в органах внутренних дел», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Ключевые слова: органы внутренних дел, государственная гражданская служба, механизм правового регулирования, органы исполнительной власти, правоохранительные функции, государственно-гражданские служебные правоотношения.

Для цитирования: Карагодин А.В., Дудаев А.Б. Административно-правовое регулирование государственной гражданской службы в органах внутренних дел // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2025. – № 4. – С. 122–126.

Abstract: the article was prepared based on the review of the leading organization, Federal State Public Educational Establishment of Higher Training “Belgorod Law Institute of Ministry of the Internal of the Russian Federation named after I.D. Putilin”, on dissertation research prepared by Olga Anatolyevna Gorbachevich on the topic “Administrative and Legal Regulation of the State Civil Service in the Internal Affairs Bodies”, submitted for the degree of Candidate of Law in a scientific specialty 5.1.2. Public Law (State Law) Sciences.

Keywords: internal affairs bodies, state civil service, legal regulation mechanism, executive authorities, law enforcement functions, state-civil service legal relations.

For citation: Karagodina A.V., Dudaev A.B. Administrative and legal regulation of the state civil service in the internal affairs bodies // Problems of Law Enforcement Activity. – 2025. – № 4. – P. 122–126.

Диссертационная работа Ольги Анатольевны Горбачевич посвящена важной и актуальной теме, обусловленной теоретической и практической значимостью комплексного изучения законо-

мерностей административно-правового регулирования гражданской службы в органах внутренних дел (далее – ОВД) с последующей подготовкой научно обоснованных предложений и рекоменда-

ций по совершенствованию теоретических основ гражданской службы в ОВД, законодательства о государственной службе применительно к теме диссертации, а также административной практики гражданской службы в ОВД.

Тема диссертационного исследования О.А. Горбачевич актуальна, так как соответствует современным трендам науки и востребована практикой ОВД. Государственная гражданская служба играет ключевую роль в системе публичной власти России, обеспечивая управление общественными процессами. В текущих обстоятельствах реализация внутренней политики осложняется внешнеполитическими и социально-экономическими факторами, что требует глубокого анализа ее механизмов, особенно в рамках системы МВД России.

Правоохранительные органы, и прежде всего органы внутренних дел Российской Федерации, несут основную ответственность за поддержание правопорядка и законности. Согласно законодательству их главная задача – защита личности, общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств. Таким образом, ОВД выступают важнейшим звеном государственного управления, обеспечивая взаимодействие между властью и обществом в рамках правового поля. Как справедливо подчеркивает автор, Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» закрепил государственную гражданскую службу как отдельный вид государственной службы с собственной правовой и организационной основой. Данный нормативный правовой акт также предусмотрел возможность введения в федеральных органах должностей различных видов государственной службы, создав тем самым правовую базу для развития гражданской службы, в том числе в силовых структурах. МВД России как наиболее тесно взаимодействующее с населением ведомство исключением не стало.

Современные социально-политические условия детерминируют необходимость трансформации подходов к реализации функциональных обязанностей сотрудников ОВД. Наблюдаемый дефицит кадрового состава, обусловленный, в частности, командированием действующих сотрудников для обеспечения общественного порядка и безопасности на территории новых субъектов Российской Федерации, приводит к существенному снижению качества выполнения ведомственных задач. Данная ситуация провоцирует значительное увеличение служебной нагрузки как на оставшийся личный состав оперативных подразделений, так и на федеральных государственных гражданских служащих системы МВД России.

Также следует отметить, что отсутствие детальной законодательной регламентации прохождения

государственной гражданской службы в органах внутренних дел на федеральном уровне, дополнительное недостаточность ведомственного нормативного правового регулирования, формирует системные предпосылки для возможных нарушений прав и свобод федеральных государственных гражданских служащих. Данная правовая неопределенность проявляется как в процессе непосредственного прохождения службы, так и при реализации установленных законодательством государственных гарантий для указанной категории служащих.

Представленное диссертационное исследование О.А. Горбачевич посвящено решению обозначенных проблем посредством комплексного анализа нормативной правовой базы и разработки концептуальных предложений по совершенствованию механизмов прохождения государственной гражданской службы в системе МВД России.

Соискатель четко определил объект и предмет исследования, содержание которых позволило сформулировать основную цель диссертации – выявление закономерностей административно-правового регулирования гражданской службы в ОВД с последующей подготовкой научно обоснованных предложений и рекомендаций по совершенствованию теоретических основ гражданской службы в ОВД, законодательства о государственной службе применительно к теме диссертации, а также административной практики гражданской службы в ОВД. Следует сказать о том, что основная цель – разработка научно обоснованных предложений по совершенствованию нормативного правового регулирования государственной гражданской службы в ОВД – автором достигнута.

Структура диссертации, представленная двумя главами, включающими шесть параграфов, полностью отвечает заявленной цели и поставленным задачам исследования.

Во введении обосновывается актуальность темы диссертационного исследования; раскрывается степень разработанности темы; определяются объект и предмет исследования, его цель и задачи; характеризуются методологическая, нормативная, теоретическая и эмпирическая основы; рассматривается научная новизна; формулируются основные положения, выносимые на защиту; раскрывается теоретическая и практическая значимость работы; приводятся данные об апробации и внедрении полученных результатов исследования (с. 3–18).

Первая глава диссертации посвящена определению теоретических проблем правового регулирования государственной гражданской службы в ОВД. В рамках первого параграфа исследования проводится комплексный анализ правового статуса ОВД. Особое внимание уделяется трансформации их компетенции – от преимущественно

силовых функций к совмещению правоохранительной деятельности с предоставлением государственных услуг (с. 19–30).

Первый параграф первой главы содержит исследование ключевых направлений реформирования органов внутренних дел в контексте организации различных видов государственной службы. Центральное место в данном анализе занимает рассмотрение процесса демилитаризации системы МВД России, которому посвящен содержательный разбор (с. 33–38).

Анализ проведен с привлечением широкого круга нормативных источников и научных позиций, что позволило автору сделать обоснованные выводы о характере и направлениях трансформации ОВД.

Второй параграф первой главы работы содержит анализ доктринальных воззрений ученых-административистов на государственную службу и государственную гражданскую службу, что позволило соискателю выделить характерные черты государственной службы как одного из базовых институтов административного права, классифицировать ее цели и дать авторское определение понятию «государственная гражданская служба в органах внутренних дел» (с. 39–58). О.А. Горбачевич подробно проанализирован Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2005 г. № 1574 «О Реестре должностей федеральной государственной гражданской службы» и выявлено дублирование замещения определенных должностей, относящихся к иным видам государственной службы, персоналом из числа гражданских служащих, что противоречит сущности статуса гражданского служащего и нивелирует специальную компетенцию должностей, замещаемых специальными правоохранительных органов, имеющими специальные звания (с. 58–60).

В третьем параграфе первой главы автором выделены и подробно рассмотрены основные элементы механизма правового регулирования государственной гражданской службы в ОВД, а также сформулировано авторское определение механизма правового регулирования государственной гражданской службы в ОВД (с. 61–64).

Соискатель подробно рассматривает нормативную правовую базу государственной гражданской службы в ОВД и формулирует предложение о включении в Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» отдельной главы, посвященной особенностям федеральной государственной гражданской службы в государственных органах исполнительной власти, в которых осуществляется прохождение государственной службы иных видов (с. 64–77).

Во второй главе исследования рассмотрено организационно-правовое обеспечение государ-

ственной гражданской службы в ОВД на современном этапе государственного строительства. Первый параграф данной главы посвящен административно-правовому статусу государственного гражданского служащего в ОВД (с. 88–111). Соискателем подробно рассмотрены элементы административно-правового статуса государственного служащего, классифицированы обязанности государственных гражданских служащих, проходящих службу в органах внутренних дел, которые автор разделяет по функциональному признаку на три подвиды: общие, частные и специальные (с. 98–99).

Второй параграф второй главы диссертации посвящен прохождению государственной гражданской службы в органах внутренних дел. Особое внимание автор обращает на отсутствие законодательно закрепленного термина «прохождение государственной службы», что, по его мнению, является источником некоторых правовых противоречий (с. 111–114). Диссертант подвергает анализу каждый элемент прохождения государственной службы, который имеет собственную административную процедуру со своими заметными отличиями в зависимости от вида службы (с. 115–126).

В третьем параграфе второй главы автором разработаны предложения, направленные на совершенствование материальных и процессуальных норм, регламентирующих государственную гражданскую службу ОВД. О.А. Горбачевич подробно рассмотрены основные направления формирования кадрового состава гражданской службы (с. 128–137). Автор делает акцент на применении современных кадровых технологий при поступлении на гражданскую службу и во время ее прохождения. О.А. Горбачевич предлагает развивать единую базу онлайн-анкет профилей кандидатов на замещение должностей гражданской службы в ОВД и органах силового блока на сайте «Госслужба» в разделе «Резерв кадров» (<https://gossluzhba.gov.ru/>) (с. 139–141).

По мнению автора, в настоящее время отсутствуют четкие правовые критерии введения в штат органа внутренних дел должностей государственной гражданской службы. В этой связи в диссертации разработан перечень критериев, позволяющих обеспечить эффективность обоснования выбора в пользу должностей государственной гражданской службы (с. 141–143).

В заключении диссертации подведены итоги исследования, сформулированы основные выводы и предложения (с. 147–152).

Очевидно, что диссертационное исследование О.А. Горбачевич обладает научной новизной, которая состоит не только в том, что диссертация является самостоятельным монографическим исследованием, специально посвященным изучению

проблем административно-правового регулирования государственной гражданской службы в ОВД, но и в том, что автором сформулированы конкретные предложения по совершенствованию административно-деликтных норм, в ходе исследования всесторонне рассмотрены вопросы организационно-правового регулирования государственной гражданской службы в ОВД и обоснована система предложений по актуализации законодательного регулирования, организации и научно-методического обеспечения рассматриваемого направления государственной деятельности.

Достоверность основных положений диссертации подтверждается вполне репрезентативной эмпирической базой, которая включает в себя опубликованную судебную практику, итоги социологического опроса 406 федеральных государственных служащих, из которых на момент опроса 80 являлись действующими гражданами служащими территориальных подразделений Главного управления МВД России по Воронежской области, 263 – сотрудниками ОВД, проходившими обучение и повышение квалификации в Воронежском институте МВД России и входящими в кадровый резерв руководителей, 63 – государственными гражданскими служащими Воронежской области, направляемыми на повышение квалификации в автономное учреждение Воронежской области «Корпоративный университет Правительства Воронежской области», статистические сведения ГИАЦ МВД России, иллюстративно-справочные материалы ГУРПС МВД России.

Достаточный научный уровень диссертации обеспечен благодаря использованию автором большой базы нормативных источников, значительного массива монографической и другой специальной литературы. Аргументированность изложенных в рецензируемом научном труде выводов и обоснованность положений, выносимых на защиту, обусловлены применением общих и частных методов научного познания. Методологическую основу диссертационного исследования образуют методы анализа, синтеза, сравнения, индукции, дедукции, наблюдения, статистический метод, конкретно-социологический, сравнительно-правовой, формально-логический и иные методы исследования.

Теоретическая значимость проведенного О.А. Горбачевич исследования обусловлена тем, что полученные результаты расширяют сферу научного знания в области государственной службы в целом и гражданской службы как ее составного элемента, раскрывают природу и содержание гражданской службы в ОВД и обогащают понятийный аппарат в этой области.

Практическая значимость исследования состоит в том, что оно содержит конкретные науч-

но обоснованные предложения и рекомендации, направленные на совершенствование федерального законодательства о государственной гражданской службе, которые позволят отразить специфику рассматриваемого вида службы применительно к ОВД. Основные положения, выводы и рекомендации, полученные в результате исследования, могут быть использованы при разработке законопроектов и других нормативных актов, направленных на совершенствование кадрового обеспечения в ОВД, что позволит повысить эффективность их работы. Кроме того, результаты могут быть применены в практической деятельности ОВД, в учебном процессе юридических вузов при преподавании курса административного права, соответствующих спецкурсов, в системе повышения квалификации и служебной подготовки сотрудников правоохранительных органов.

Можно сделать вывод о том, что основные положения диссертации нашли свое отражение в 27 научных публикациях, в том числе и в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, апробированы автором на кафедрах административного права и административной деятельности ОВД Воронежского института МВД России. Результаты исследования докладывались и обсуждались на международных научно-практических конференциях. Основные положения исследования внедрены в учебный процесс Воронежского института МВД России, практическую деятельность ГУ МВД России по Воронежской области, УМВД России по Липецкой области.

Следует отметить умение диссертанта вести научную дискуссию, уважать иные мнения ученых и практиков, использовать оригинальный стиль изложения материала. При этом автор достаточно твердо отстаивает свои взгляды на имеющиеся проблемы.

Автореферат диссертации полностью отражает основное содержание научно-квалификационной работы, соответствует ей, изложен стилистически грамотно, лаконично раскрывает все принципиальные аспекты диссертации, содержит необходимые сведения о внедрении результатов исследования, научных публикациях автора.

Однако, как и любое самостоятельное монографическое исследование, диссертация О.А. Горбачевич не лишена замечаний и дискуссионных моментов, из которых наиболее значимыми представляются следующие:

1. Требуется пояснения позиция автора о новых подходах к исполнению функционала сотрудников ОВД. Автор указывает, что в случае направления сотрудников в служебные командировки по охране общественного порядка, обеспечению общественной безопасности в новые субъекты Российской

Федерации дополнительная нагрузка возлагается на оставшихся в подразделениях сотрудников, в том числе и на федеральных государственных гражданских служащих (с. 4). Кроме того, автор отмечает, что в таких условиях федеральные государственные гражданские служащие и сотрудники, имеющие специальные звания, могут выполнять одинаковые задачи при существенных отличиях в их нормативно определенном правовом статусе. На наш взгляд, данная позиция требует разъяснений прежде всего с правовой точки зрения, так как не может федеральный государственный гражданский служащий выполнять служебные обязанности сотрудника полиции в сфере обеспечения безопасности граждан и защите их прав и свобод, либо конкретизации функциональной роли.

2. Диссертант отмечает отсутствие четкой регламентации вопросов прохождения государственной гражданской службы в ОВД с позиции федерального законодательства, а также недостаточное ведомственное нормативное правовое регулирование, что, по мнению автора, создает предпосылки для нарушения прав и свобод федеральных государственных гражданских служащих при прохождении ими службы, а также в процессе реализации государственных гарантий в отношении данной категории государственных служащих (с. 5). В то же время ранее указывается на наличие Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 205-ФЗ «Об особенностях прохождения федеральной государственной гражданской службы в системе Министерства иностранных дел Российской Федерации» и подзаконных нормативных правовых актов, в этой связи требует дополнительных разъяснений фрагментарный характер административно-правового регулирования компетенции федеральных государственных гражданских служащих в ОВД.

3. Спорным, на наш взгляд, является положение № 1, выносимое на защиту (с. 12). Автор считает необходимым обновить гражданскую службу в ОВД в области демилитаризации, в связи с чем предлагается усилить деятельность подразделений ОВД, связанную с задачами по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, за счет обеспечивающих подразделений ОВД, исполнение функций которых будет реализовываться гражданскими служащими. При этом не совсем понятно, деятельность каких подразделений ОВД необходимо демилитаризировать с учетом имеющегося дефицита кадров, какими полномочиями будут наделены государственные гражданские служащие в соответствии с возможностью применения ими мер государственного принуждения.

4. Требуемыми дополнительного разъяснения и не имеющими явного практического значения являются положения, выносимые на защиту, в части обоснования признаков, отличающих государственную гражданскую службу в ОВД как отраслевой вид государственной гражданской службы от иных ее видов, обеспечивающих защиту граждан и государства, а также от государственной гражданской службы, не связанной с деятельностью силовых структур (с. 12), дифференцирования обязанностей федеральных государственных гражданских служащих, проходящих службу в системе МВД России, на общие, частные и специальные (с. 15).

5. Нельзя согласиться с мнением автора, утверждающим о «модернизации полиции в сервисную структуру» (с. 30). Напротив, после перехода в Росгвардию лицензионно-разрешительных подразделений ОВД, оказывающих услуги по лицензированию гражданского оружия, а также подразделений вневедомственной охраны, осуществляющих на договорной основе охрану объектов, принадлежащих физическим и юридическим лицам, объем функций ОВД по оказанию услуг значительно сократился.

6. Использование автором такого термина, как «клиентоцентричность» (с. 10, 12, 30), неуместно применительно к деятельности органов исполнительной власти, каковыми являются органы внутренних дел.

Вместе с тем изложенные замечания не умаляют в целом весьма высокую положительную оценку диссертационного исследования О.А. Горбачевич. Рецензируемая работа полностью соответствует требованиям, предъявляемым к соответствующим научно-квалификационным трудам. Она представляет собой самостоятельное завершённое монографическое исследование, выполненное на высоком теоретическом уровне, отличается позитивной теоретической и практической значимостью, актуальна для науки административного права.

На основании изложенного возможно заключить, что диссертация О.А. Горбачевич является научно-квалификационной работой, в которой отражены результаты системного анализа теоретических и прикладных основ административно-правового регулирования государственной гражданской службы в ОВД, чем обеспечено решение научной задачи, имеющей значение для развития науки административного права, правотворческой и правоприменительной деятельности.

(статья сдана в редакцию 06.05.2025)

Требования к статьям

В журнале «Проблемы правоохранительной деятельности» публикуются оригинальные научные статьи по вопросам юридической и педагогической наук и рассматриваются актуальные проблемы практической деятельности правоохранительных органов.

Объем статей 8–20 страниц машинописного текста (стандартная страница – 1800 знаков с пробелами, включая таблицы, рисунки и список литературы).

Редакция принимает статьи, набранные в текстовом редакторе Word шрифтом Times New Roman (кегель – 14, межстрочный интервал – 1,5 см, абзацный отступ – 1,25 см, поля слева – 2,5 см, справа – 1,5 см, сверху и снизу – 2,0 см).

Текст выравнивается по ширине. Страницы нумеруются (кроме первой) вверху страницы по центру.

Не следует использовать знаки ручного переноса и дополнительных пробелов.

В русскоязычном тексте используются кавычки «елочки», при выделении внутри цитат и в тексте на иностранных языках – «лапки».

В начале статьи указываются номера по Универсальной десятичной классификации (УДК, <https://teacode.com/online/udc/>).

Далее следуют название статьи, инициалы и фамилии авторов, название учреждения (учреждений), в котором она была выполнена.

Название статьи не должно быть свыше 75 знаков (6–10 слов).

Должны быть предоставлены:

– сведения об авторе (авторах), включающие фамилию, имя, отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, должность, место работы или учебы (полностью), e-mail, телефоны (рабочий, мобильный). Для авторов, не имеющих ученой степени, дополнительно указываются фамилия, имя и отчество научного руководителя, его должность, место работы и специальность (название и номер по классификации ВАК);

– английский вариант фамилии и инициалов автора (авторов);

– название статьи на русском и английском языках;

– название учреждения (или учреждений), в котором выполнена работа, на русском и английском языках;

– аннотация статьи (150–250 слов) на русском и английском языках. В аннотации должна быть четко сформулирована основная идея статьи (она должна содержать характеристику основной темы исследования, проблемы объекта, цели работы и ее результаты, раскрывать актуальность, степень разработки, объект, предмет, теоретико-методологическое и практическое значение темы);

– ключевые слова или словосочетания (от 5 до 7), необходимые для индексирования статьи, на русском и английском языках;

– текст статьи на русском языке, подписанный всеми авторами. Если автор не имеет ученой степени, статью также подписывает его научный руководитель;

– раздел «Литература» (не менее 10 научных источников) и раздел «References», содержащий список литературы, в котором все источники даны латиницей, т.е. транслитерированы (<http://translit.net/ru/bsi/>), приводятся в конце статьи. В тексте статьи в квадратных скобках указывается номер источника в списке литературы, а через запятую – номер страницы (например, [3, с. 25]). Источники следуют в порядке упоминания в тексте. Нельзя включать в списки литературы ссылки на интернет-ресурсы и нормативные документы (постановления, законы, инструкции и т. д.), которые необходимо цитировать непосредственно в тексте или во внутритекстовых сносках.

В конце статьи автор (авторы) обязательно делает вставку следующего содержания:

«Материал вычитан, цифры, факты сверил с первоисточником. Ранее статья нигде не публиковалась.

Я, (должность, Ф.И.О. полностью) безвозмездно предоставляю редакции журнала «Проблемы правоохранительной деятельности» неисключительные права на использование моей статьи (указать полное название статьи), в том числе на неограниченное ее распространение любым способом, включая создание ее электронного варианта для размещения в локальной сети Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, а также в сети Интернет (на сайте института, в электронных библиотеках eLibrary.ru, КиберЛенинка и т.д.) с целью доведения статьи до всеобщего сведения и выполнения требования ВАК Минобрнауки России об информационной открытости научной периодики.

Дата, подпись».

С полной версией правил для авторов и порядком направления статей можно ознакомиться на интернет-странице <https://белюи.мвд.пф/Наука/izdaniya/ppd/>

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и размещается в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка»

eLIBRARY.RU

